

СМЕНА

№ 21 НОЯБРЬ 1982

СИБИРЬ. ОСВОЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета дружбы и подвига»

60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета Дружбы и подвига»

Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

СОВЕТСКАЯ

Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник...

Виктор Иванович Угаров

НАЧАЛО

Виктор Иванович Угаров, директор Фрунзенского приборостроительного завода имени 50-летия Киргизской ССР, вздохнул и сказал:

— Хорошо, я вам сейчас набросю несколько ситуаций и эпизодов, а уж вы решайте по своему разумению, что могло быть в реальной заводской жизни, а что я придумал.

Небольшой, подтянутый, легкий в каждом движении, подчеркнуто нетерпеливый, он стоял сейчас у окна ввольной позе человека уставшего и вел разговор в тоне для него нвоыбчном.

Я, судя по всему, его тоже порядком утомлял — своей нворигинальностью. Подобно всем, кто прибывал на приборостроительный знакомиться с разработанной здесь системой управления творческим поиском резервов «Прогрессивная мысль — производству», я не находил нужным скрывать «здоровый скептицизм».

— Так вот, представьте себе мастера участка, который сел и задумался. Может такое случиться в жизни? — едко усмехнулся Угаров — Задумался он над месячным планом в частности, над положением на участке вообще. О, если бы у него все было! И качественный ремонт оборудования — точно по графику, и рабочих, сколько положено, а детали поступали бы вовремя... Думал он, думал, наконец, составил список проблем участка и пошел. Куда, вы думаете? К начальству? Нет. К рабочим своего участка. Собрал их и честно, как на духу, выложил: и как с планом и каково положение на участке. Смотрите, что мы с вами имеем и что при таком положении будем иметь в конце месяца. Но давайте, говорит мастер, вместе подумаем, что мы вместе можем сделать, чтобы план у нас все-таки был. Предлагайте...

Тут я не утерпел:
— А рабочие молчат. Ты, мол, мастер, ты и думай.

— Очень даже может быть, — как-то даже меланхолично отреагировал на мой ход Угаров. — Сцена, по-вашему, должна быть такой: кто дремать на-

Игорь СЕРКОВ, специальный корреспондент «Смены»

ЧЕМ

ДЕМОКРАТИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОДНОГО ЗАВОДА

дился, кто на часы смотрит, кто в газету. Знакомо до боли, да? Но согласитесь все-таки, есть участки и с другим микроклиматом, где реакция будет иной. Ладно, возьмем тот, что нужен вам. На таком участке люди посидят и разойдутся, ничего не предложив, ничего не придумав. Но на другой день на участке появляется директор и тоже предлагает: «Давайте, мужики, думайте, вносите предложения, будем внедрять». Потом начальник цеха — с тем же. А еще через день опять собирает их мастер: «Можем мы сработать лучше, чем сегодня? Что нам мешает? Что нам мешает всем, а что кому-то одному?»

— А если они... — начал было я.

Но тут Угаров меня уже чисто по-угаровски, яростно — натяжка тут есть, но вполне протистительная — перебил. Чтобы сказать, как я теперь понимаю, вещь для него важнейшую:

— Я убежден: каждый человек не сомневается в том, что он может работать лучше. Я убежден: каждый человек хочет работать лучше. То есть умнее, интереснее, продуктивнее, не трата времени и сил на то, что рабочие называют «дурной работой». Другое дело, что каждый из нас в работе сталкивается с какими-то проблемами, помехами, «узкими местами». Со всем тем, о чем мы привычно говорим: если бы не это! Только говорим почему-то не на работе и не тем людям, которые могли бы нам помочь эти помехи устранить. Мы у себя на заводе решили каждого прямо спросить: «Что тебе мешает работать лучше? Что тревожит на заводе?»

Какое-то время мы молчали — видимо, Угаров дал мне время пареварить услышанное.

— Вот и на участке нашего мастера, — вернулся, наконец, к своей истории Виктор Иванович, — люди все-таки проснулись, зашевелились. Вот уже кто-то и голос подает: «Это что, рационализация нужна, что ли?»

«Да и она», — отвечает мастер.

«Тогда вон у нас Сидоров по этому делу. Это к нему. Мы тут ни при чем. Валей, Сидоров, действуй!»

«Да не только рационализация нужна, — объясняет мастер. — Любые улучшения предлагайте. Что вы на Сидорова все киваете?»

«Любые... Тогда вот какой вопрос есть. Станки у нас неправильно на участке расставлены. Поставить их по-другому — и работать сподручнее будет, и место появится свободное, и света станет больше. С этим вот как, а? Это, конечно, не рационализация, не новаторство там какое...»

«А что? Мысль дельная».

И мастер идет с этой мыслью к начальнику цеха. Тот не против, но людей сейчас свободных в РСЦ нет. А вот цемент бы нашли. Мастер опять на участок: «Цемент есть, разрешение есть. Может, сами возьмемся? После завтра? Нам же это нужно, не дядя!» Собрались и переставили станки.

Мастер на следующей неделе опять собирает:

«Еще мысли есть?»

«Есть», — отвечают ему — Верстаки у нас уж больно старые. Хорошо бы заменить».

«Хорошо бы, да где их сейчас взять?»

«Да вообще-то можно и самим сделать. Тем более кое-какой материал у нас есть...»

«Недостающий я попробую достать», — обещает мастер.

И достает. И сами рабочие в свободное время изготавливают верстаки на загляденье, чтобы им самим удобнее работать было.

На другой неделе опять всем участком собираются. Уже как-то это и в привычку входило стало. И мастер ведет уже такую речь:

«Вот такая у нас проблема самая острая: трех человек на участке не хватает — семеро вместо десяти. А план есть план. Так вот можем мы его семером вытянуть?»

Зашумели:

«Это как же? Вкалывать побольше, только за ту же зарплату?»

«Мы будем надрываться, а нам же потом и расценки срежут, так, что ли?»

«Не так», — отвечает мастер. — Я вам не надрываться предлагаю. А сказать, что нам мешает работать лучше, продуктивнее? Что нам еще на участке надо подтянуть?»

Подумали.

«Кое-что можно, конечно, подтянуть», — начинает кто-то. — Если при изготовлении самой сложной детали новое приспособление применить — я такое в другом цехе видел».

«Без нового станка нас никакое приспособление не выручит. Да где он?»

«Так у соседей наших, между прочим, как раз такой уже полгода простаивает».

«Кто ж его нам даст?»

«Докажем, что нам нужнее», — дадут», — вмешивается мастер.

Ну, и еще потом походили по участку, все «если бы...» сгребли в кучу. Что сами сделали, станок выбили, вопрос о четком графике планово-предупредительного ремонта на уровне цеха решили. И, знаете, план был.

— Как вам такая история, внушает доверие? — Директор испытующе смотрел на меня.

Я не нашлся сразу, что сказать. Угаров хмыкнул, выстрелил пронзительным взглядом из-под кустистых бровей.

ДОКУМЕНТ

«С 1978 года, когда началось внедрение системы «Прогрессивная мысль — производству», на Фрунзенском приборостроительном заводе число активно участвующих в управлении производством выросло в 2,5 раза и достигло 80 процентов к общему числу работающих».

Как лучше сочетать личные интересы рабочего с интересами предприятия и общества в целом? Как свести до минимума ручной труд, высвободить «лишних» людей, которые у нас совсем не лишние и позарез нужны на других участках? Как сделать наиболее прямой, зримой связь между трудом и его зарплатой? Ответ на эти и аналогичные вопросы призваны дать не только научные центры, ученые. Большой вклад в это дело могут и должны дать производственные коллективы, рабочие собрания.

Надо послушать людей, умудренных жизненным опытом, наделенных практической сметкой, обобщить их мнения.

Л.Бременский

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Не так давно на Фрунзенский приборостроительный приезжал Прусс. Тот самый Леонид Васильевич Прусс, при котором на Калужском турбинном начался переход на бригадную организацию труда, ныне заместитель министра. Приезжал, чтобы своими глазами увидеть ПМП — принятое на заводе сокращенное название системы «Прогрессивная мысль — производству» — в деле, в конкретных деталях.

Раньше Прусс и Угаров знакомы не были — как-то не довелось. Тут знакомство состоялось. Они сошлись молниеносно. Им хватило нескольких фраз, чтобы признать друг в друге «своего». Убедиться в единой направленности мысли. Дело было, конечно, не во фразах. Они хорошо знали самое главное — работу друг друга.

Прусс тогда о системе сказал: «Знаю — читал, слышал. По идее — все правильно». И пошел по цехам. Провожатых и объяснений ему не требовалось. Он все ухватывал сам, сразу. Потом сказал: «Все правильно. Сам, когда был директором, постоянно держал что-то такое в голове. Главное — человеческий фактор. Главное — дали людям развернуться, проявить себя».

Из Памятки поступающему на завод

«...Внимательно осмотритесь на Вашем рабочем месте, подумайте, что можно сделать для улучшения организации производства, повышения производительности труда, качества продукции, улучшения условий труда».

Ждем Ваших предложений!

Подробную консультацию о системе ПМП Вы можете получить у Вашего непосредственного руководителя или в кабинете управления творческим поиском ПМП в корпусе № 35».

Это первое и самое важное, что должен усвоить новичок на приборостроительном.

О том, как система начиналась, вы можете судить по рассказу Угарова. «Ситуации и эпизоды», приведенные вначале, взяты им непосредственно из жизни.

Идеи и предложения рождались там и тогда, где и когда им было положено рождаться. На рабочих, партийных, профсоюзных собраниях, советах ВОИР и НТО, во время «Дней качества». Без них не заканчивалось ни одно комсомольское собрание. А каждый рейд «Комсомольского прожектора» вызывал град предложений. А потом предложения стали рождаться и там, где вроде бы и не до них, — во время заводских спортивных состязаний, поездок в заводской пансионат на Иссык-Куль...

...Началось все у тещи на блинах, как говорится. Собственно, блинов-то и не было, угощение было другое — плов, манты, — но собирались именно у тещи. Это Володя Дидурин, слесарь с приборостроительного, заместитель секретаря комсомольской организации цеха и член ЦК комсомола Киргизии, помнил точно.

Когда уже хорошо поели и разговор, как водится, перешел на работу, мужички полезли из-за стола курить, и дядя Витя — хороший знакомый тещи мастер с «Киргизавтомата», Виктор Федорович Уточкин — сказал Володе, продолжая разговор, что они у себя давно уже резьбу не режут, а раскатывают специальным метчиком, который не дает стружку. Во-первых, загибал пальцы дядя Витя, устойчивость повышается. Во-вторых, время экономятся — ни продувать, ни промывать потом резьбу не надо. А продувать глухие отверстия, сам знаешь, занятие еще то — стружка летит, пыль, все в лицо, иной раз наглотаешься по самые уши.

Володя как услышал, так и загорелся. У них же на участке резьбы этой самой — по горло. Уже представлял себе, как обрадуются ребята в бригаде. Утром в цех бегом бежал. Но бригадир Константин Симаков его остудил:

— В инструментальном у нас пробовали такой метчик — не вышло. Может, он только на определенный металл годится?

Володя расстроился так, что даже аппетит пропал. В столовой выпил только стакан чаю и ушел на свежий воздух курить. Стыдно было своей торопливости, восторженности. После смены опять к Уточкину пошел. Тот ему на следующий день два мет-

МЫ БОГАТЫ

чика принес и чертеж — как их изготавливать. Потом спросил:

— А чего ты суетишься так? Это у нас человек за него получил как за рационализацию. Тебе-то уже рационализацию не запишут.

— Ну и что! — махнул рукой Володя. — Не в ней дело. И потом у нас можно подать предложение по заимствованию технического новшества.

— А разве такое есть? — удивился Уточкин.

— У нас есть.

Володя уже еле стоял на месте — у него душа горела проверить метчик в деле. Если пойдет... Попробовал — резьба вышла как на картинке. Он постоял, посмотрел на нее. Хотелось закурить прямо здесь, на рабочем месте. Потом вспомнил про инструментальный. Надо разобраться, подумал. Солидно так, спокойно.

Оказалось — все дело в заправке. В инструментальном она была под прямым углом, а надо — по параболу. Вернулся к себе, рассказал все мастеру. Тот говорит: «Пиши заявление. Может, весь завод на него перейдет». Об этом Володя как-то не думал. А тут подумал: «А ведь действительно в масштабах завода может быть усовершенствование...» Тут его слегка понесло, пришлось даже себя попридерживать — мол, не говори «гоп»... Сел писать предложение, обложился технической литературой. Выяснилось, что лучше всего такой метчик применять на цветных металлах. Самое оно, подумал Володя, прямо для нас придумано. Заявление составил на завтрашний день — все преимущества описал, ожидаемый эффект, чертеж приложил. Зарегистрировал у мастера. Через неделю встретил технолога Валентину Георгиевну Литвищенку, председателя цехового совета ПМП. Она ему сама сразу: «Мы твоё предложение приняли. Отправили на заводской совет. Считаем, надо в масштабах завода внедрять. Они еще не собирались, подожди чуть».

На другой день Володя зашел к Уточкину. Потолковали обо всем. Тот слушал внимательно. Потом признал:

— А у нас с таким предложением не знал бы, куда идти. У нас только рационализацию рассматривают.

— Так в том же и штука, ядь Вить! — горячился Володя. — Пусть это и не рационализация, но ведь нужная, полезная заводу вещь. А сколько их, таких мелочей, у каждого. Тут что самое важное: от тебя не отмахнется уже никто. Не сможет — система так работает. Ты предложи — обязательно рассмотрят. Если не примут — объяснят почему. Я же предлагал, чтобы завод приобрел свои автобусы — развозить людей после ночной смены, в пансионат на отдых, детей в пионерский лагерь. А то пока приходится пользоваться арендованными. Мне объяснили: нет на это фондов, да и не очень-то это выгодно. Обижаться тут не на что.

Зато сейчас у нас в день рождения каждый получает цветы из заводской оранжереи. А по пятницам на заводе «банный день» — в конце смены все прибираются на участках, на территории. У нас теперь как на выставке или в парке. И все это благодаря ПМП, через нее.

Уточкин слушал внимательно, не перебивал. На смуглых, запавших щеках Володи разгорался различный румянец.

— Я помню до армии — авралами постоянно. Детали только в двадцатых числах месяца поступали по настоящему. Сейчас другая работа — детали весь месяц есть. У нас теперь при первичной комсомольской организации цеха тоже совет ПМП появился.

— Это хорошо, — улыбнулся Уточкин. — Ты только голос поубавь, а то людей перепугаешь.

Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним поводом, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда...

В.И. Уточкин

«ВЗРЫВ»

— Виктор Иванович, — навязчиво тянул я свое. — А почему же все-таки у вас произошел «взрыв инициативы», а на других предприятиях такого не наблюдается? А ведь там тоже пытаются стимулировать творческий поиск.

Быстрый, безрадостный взгляд из-под бровей.

— А может, не очень хотят, а? «Взрыв», знаете, штука нешуточная. Так тряханет, что от прежних методов работы, уже привычных, обжитых, тепленьких, ничего не останется. Тысячи предложений рассмотреть, оценить и, главное, лучше внедрить — тоже задача. Так, может, на словах хотят, а...

— Да нет, я о тех, кто вправду хочет. На многих заводах сейчас во всех цехах ящички специальные висят: «Сдавайте ваши предложения!» А сдают что-то не очень.

— А какие предложения требуют?

— Ну, скажем, по экономии и бережливости.

— И не сдают, — жестко, уверенно бросает Угаров. — Потому что пытаются людей в рамки загнать. Дай нам то, что сейчас от нас требуют, а с остальным не суйся. А у нас поиск резервов идет по всем направлениям. Мы рассматриваем любые предложения, пусть даже они не ведут прямо к повышению производительности. И потом, простите, ящички — это же несерьезно. В него любую нелепицу можно бросить, а можно серьезное предложение — он промолчит. Ты в него записочку бросил, а кто на нее и когда ответит — неизвестно. И главное — поиск резервов нужно руководить оперативно, творчески, гибко. А расширение «узких мест» по предложениям рабочих должно быть под постоянным и жестким контролем. А вы говорите — ящичек.

Ах, Виктор Иванович! Знал я уже, что и на приборостроительном начинали с ящичков. Висели они в цехах, красные, с непонятной новичкам надписью ПМП. То ли пожарных вызывать, то ли еще зачем?

Сейчас ящички эти только в памяти у некоторых сохранились. Ныне предложения подаются мастеру участка или начальнику отдела, которые возглавляют первичные советы ПМП. Эти первичные советы, созданные на каждом участке, при каждом бюро, — есть советы детских учреждений, баз отдыха, службы медицинского обслуживания, службы общественного питания, — и организуют творческий поиск. Ежедневно рассматривают проблемные вопросы, выделяют «узкие места», ведут учет предложений — поданных, принятых, реализованных.

Следующий уровень — советы ПМП цехов и отделов. Руководят всей деятельностью системы Малые советы, которые возглавляют главный инженер и заместители директора. На уровне предприятия системой управляет заводской совет. Во главе его стоит директор.

Каждый из советов на своем уровне рассматривает поданные предложения. Если принимает — определяет срок реализации или внедрения, назначает ответственного исполнителя.

— А чтобы «взрыв» произошел, — подвел итог разговор Угаров, — надо поработать. И поработать здорово, не жалея себя, не теша иллюзиями. И партком и заводскому комсомолу. Мы на некоторых участках по целому году не то что «взрыва», легкой

хлопка добиться не могли. А на других люди выявляли, и весьма грамотно, проблемы, которые надо коллективно решить, набрасывали предложения, а претворить их в жизнь все никак «не успевали». Руки не доходили: все дела поважнее обнаруживались. Учились работать по-новому. И была эта учеба тяжелой.

Насколько тяжелой, можно судить хотя бы по такому факту: ушел с завода, не вписался в систему один из заместителей Угарова.

И совсем не сразу на заводе раскусили основные принципы системы. Что предложения должны быть реальными, обеспечивать достижение положительного эффекта. Что их реализация не должна требовать значительных затрат — любое предприятие ограничено в своих возможностях, и следует выбирать задачу по силам. И что, наконец, предлагающий должен сам активно участвовать в воплощении идеи в жизнь, то есть поработать своими руками на нее. Кстати, этот пункт не отталкивал, как высказывались опасения, а, наоборот, привлекал людей, пришелся им по душе. Подавляющее большинство предложений внедряется сейчас силами бригады, участка, цеха.

...Поколение... которое... будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день, в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.

В.И. Уточкин

СЕКРЕТАРЬ

...Мукаш Буранчиев, мастер автоматного участка, готовился к заседанию совета ПМП. Думал Мукаш, но и на соседку, Галину Селезеву, мастера участка токарно-револьверных станков, поглядывал. А на той лица нет — заматана вконец.

— Опять втулки? — только и спросил Мукаш.

Галия кивнула. Жалко ее было Мукашу. Точить втулки на их станках и так мучение, а у Гали еще все рабочие молодые, им пока только детали от заусениц очищать в самый раз.

На совете Мукаш со своими проблемами разобрался быстро. Ребята у него были асы, притертые друг к другу накрепко. Тут он как бы между прочим и сказал:

— У соседей опять с втулками замот. Может, поможем?

— А как?

— Да на наших же станках мы им за несколько дней этих втулок на год бы наточили.

— Ну, ты скорый, мастер. Не так все просто. Это и время лишнее нужно, и кулачки на станках другие ставить, да еще придумать, как их под втулку подогнать.

— Я в принципе говорю.

Порядились, подумали, сошлись: помочь можно и нужно. Подали предложение цеховому совету ПМП: переведите изготовление втулок на наши автоматы. Чертежи новых кулачков разработали сами — Каргалолов, Русянов, Гончаров ими занимались. Поощрили их потом и за распредложение и за предложение, поданное в ПМП. И на соседнем участке жизнь повеселее пошла.

А через несколько месяцев Мукаш избрал секретарем заводского комитета комсомола. Первый же разговор с Угаровым убедил его — комсомол еще недостаточно вписался в систему. Надо искать новые пути. Нужны свежие идеи.

И скоро при первичных комсомольских организациях появились советы ПМП из молодых рабочих. Сектор ПМП начал работать в комитете. Сразу выработали свою линию: бросаться на все не надо. Во-первых, нужно улучшать работу первичных организаций по вовлечению людей в систему. Во-вторых, самим взяться «расширять» те «узкие места», что прежде всего касаются молодежи. Ими оказались — малое число комсомольско-молодежных коллективов на предприятии и то обстоятельство, что многие молодые рабочие подолгу не повышали свои разряды. Этим и занялись. Уже через год на заводе было не четыре комсомольско-молодежных бригады, а девятнадцать. Причем каждая была действительно коллективом. «Планируем довести их число в ближайшее время до сорока, — это слова Буранчиева. — Для этого все есть». А для того, чтобы молодые побыстрее повышали свою квалификацию, комитет принял решение увеличить число наставников на заводе.

Мукаша Буранчиева теперь как ни увидишь — он думает. Раз прикидывал, как награждать лучшие комсомольские организации по вовлечению молодых рабочих в ПМП. Кто-то из ребят предложил посоветоваться сначала с Угаровым.

— С Угаровым? — переспросил Мукаш. — Хочешь — сходи. Только я тебе вместо него могу ответить: «Вы все решите, обдумайте, согласуйте, а я уж потом решу: утверждать или отклонять. В этом моя работа. А за вас работать не собираюсь». Так что давайте думать сами.

А потом вдруг заметил:

— Вот ведь не занимаются наши советы непосредственно комсомольскими делами, а смотрите, в тех цехах, где они работают хорошо, проблем со взносами, например, не бывает.

Как будто вдруг, как будто ненароком. Как Угаров.

Хорошо организованная, эффективно, я бы сказал, умно работающая бригада — подлинная школа для развития управленческих навыков рабочих, экспериментальная лаборатория для любой творческой инициативы. ...Создавая бригаду, передовые рабочие выражают желание и готовность взять на себя ответственность за своевременное и качественное выполнение трудового задания во всем его объеме, комплексе.

Л.Борисенко

ХАРАКТЕРЫ

Гостей сейчас на приборостроительном бывает много. Но одну группу Угаров вспоминает особо. Входили в нее члены совета бригадиров Калужского турбинного. Люди, привыкшие решать у себя самые серьезные производственные проблемы.

— Вот это мужики! — с удовольствием вспоминает Виктор Иванович. — Это, я вам скажу, работяги! Львы! Самые настоящие львы. Все знают, все понимают, все умеют. Силы из них прет. И ответственность на себя взять не побоятся и перед трудностями не спасуют. С ними даже страшновато как-то, — засмеялся он. — Не всякому директору они по вкусу придутся. Но уж зато с ними никакая работа не страшна.

ПМП как раз на такие характеры и рассчитана. Более того, она их воспитывает. Когда-то Угаров сам ходил по цехам, уговаривал людей действовать.

Брал рабочих, что называется, за пю-вицы спечивок, втолковывал, что и как. Сейчас, когда система заработала, приобрела необходимую законченность и четкость, он этим уже не занимается.

Недавно в одном из цехов рабочие ему так и сказали: «Нас теперь уговаривать ни к чему. Это как раз то, что нам нужно — что нашим мнением серьезно и честно интересуются. И правильно, что интересуются. Как на нашем месте можно лучше сработать, никто лучше нас не знает». Затем разговор перешел на вещи конкретные. У нас, сказали директору, несколько интересных задумок есть, а вот результата пока нет. Чем, надо нам на нашего механика посылнее жать. А то не слишком поворачивается.

— Помочь? — словно часовой на посту вскинулся Угаров.

А на заводе все знают: если директор поймает кого на волокиты, на небрежном отношении к предложениям рабочих, то — горе этому человеку.

Но в упоминаемом нами разговоре директору ответили так:

— Да нет, не надо. Мы его сами дождем.

— Ну, жмите, — согласился Угаров. Видел отлично — дождут обязательно.

Раз директор одного из казахстанских заводов, походив по цехам и отдела, сказал ему:

— Ну, ладно. Все это хорошо — ПМП, советы... Все это может быть. Но меня другие вещи интересуют.

Угарову сразу скучно стало — не понял человек ничего.

— Министерство чуть ли не каждый день требует: переходите на бригадный подряд, создавайте бригады. Комиссии приезжают проверять, как идет работа по созданию бригад. Мы их создаем, стараемся, а они или толку не приносят, или распадаются чуть ли не на другой день. Замучились мы с ними. А у вас с этим как? Какой процент охвата рабочих бригадами?

— А никак, — махнул рукой Виктор Иванович и стал смотреть на облака с окном. Красивые были в тот день облака.

Выдержав эффектную паузу, Угаров объяснил:

— Мы никого по приказу в бригады не тасчим, вот они у нас и не разбегаются. Бригады у нас сами рождаются — через ПМП. Снизу растут, от корня.

Юрий Лафичский часто вспоминал, как он, уроженец солнечной Киргизии, мотал по Северу. Добрался до Магадана, потом был Дальний Восток, в Уссурийске на машиностроительном заводе пилорамы клепал. Было у него, нетерпеливого комсомольца, в жизни такое время, потянуло мир посмотреть, со страной познакомиться. А вернулся — родной завод каким-то новым казался. Вместо асфальта газоны. На территории парикмахерская, ателье разные. В столовой новые механизированные линии — на обед пятнадцать минут хватает, остальные сорок пять можешь спортом позаниматься, площадки есть. К врачу надо — прямо из цеха можешь записаться по телефону. Молодых в цехах больше стало — рядом с заводом подшефное ПТУ открыли и филиал техникума. И все, как рассказали ему ребята, по предложениям рабочих и инженеров. Мало того, что всем от этого лучше стало, тем, кто толковые предложения вносит, — и почет и материальная выгода. По радио, в газете, на досках почета их славят, грамоты вручают, премии. Есть теперь на заводе и такой знак «Лауреат ПМП». Получил бронзовый — бесплатный отдых и лечение в пансионате и профилактории, детям — бесплатные путевки. Заработал серебряный — можешь без очереди путевку в пансионат получить для всей семьи, машину. А золотой — вне очереди выделяется квартира, улучшаются жилищные условия.

Тут к нему и подошел Мануенков Эдуард Федорович, бригадир слесарей-сборщиков из цеха средств автоматизации и механизации.

— Разговор есть. О бригаде.

— Таких разговоров я много слышал.

— Вот и пора их кончать. Нас же производство само в бригаду толкает, а мы все никак. Пора бы уже. Нам не разные бригады нужны, а одна — комплексная. Чтобы всем вместе за конечный продукт отвечать, и за него же получать.

Прав он был, конечно, Мануенков. Им, сборщикам, без такой бригады особенно неуютно. Как при сдельщине? Механический парк цеха вроде работает, а сборка стоит. Ни за одно приспособление взяться не может. Потому что комплекта деталей нет. К мелкосерийным, а тем более штучным деталям никто из станочников подходить не хотел. Их бы надо в первую очередь изготовить, а до них она последняя доходит. Потом слесаря начинали жать, людей просили на сборку. Жали, а возможности исправить какую-нибудь конструкторскую недоработку, оплошность не было. Физически не было. Нелепо, глупо даже, мартышкин, если уж на то пошло, труд был, а никуда от него деться было нельзя. Теперь ясно куда — в бригаду. Она от такой работы уберезжет, не допустит до нее. Можно будет вести сборку по узлам, от основания, по уму, конструкторов вовремя прижимать — думайте, исправляйте...

— Дело хорошее, — вздохнул Юрий.

— Чего же вздыхаешь тогда, как будто я у тебя займы прошу? — пошутил Мануенков. А сам глядит внимательно.

— Так ведь безлошадный я, — ткнул Юрий пальцем за спину в свой остановившийся станок. — На кой я вам такой в бригаде? А когда станок новый будет, честно скажу, не знаю. А то возьмете, а потом ворчать станете — нахлебник.

— Ничего, я читал, в колхозы в коллективизацию и не таких бедолаг принимали. Поделитесь работой, не бойся. На то и бригаду сколачиваем. Найдем, чем тебе руки занять.

— А голову? — поднял палец Юрий.

— Была бы голова, — засмеялся Мануенков. — Значит, я подаю предложение организовать комплексную бригаду.

Таков уж наш социалистический строй, что для хорошего, по-настоящему передового работника мало быть просто трудолюбивым и дисциплинированным, от него требуется еще активный, живой интерес и забота об общем деле, стремление к тому, чтобы это дело шло все лучше и в бригаде, и в цехе, и на предприятии в целом.

Л. Брутенко

СТЕНД

Вернувшись из Фрунзе в Москву, Леонид Васильевич Прусс свое впечатление об увиденном выразил так: «У них там теперь не разберешь, где начинается система, где заканчивается. Все переплелось». Прусс выделил важнейшее: система так вросла во все клетки заводской жизни, что без нее эту жизнь уже ни представить, ни понять нельзя.

Но, сложившись, обретя законченность, цельность, система не закаменила. Ей есть куда расти. И в ней проглядываются «узкие места». И их видят. Галия Абдурахмановна Шагапова, начальник управления творческим поиском резервов, выделила на данном этапе следующие:

1. Еще не отработана полностью система поощрения.

2. Еще недостает гласности.

3. Нужен более строгий контроль во всех звеньях системы.

Сейчас на приборостроительном все шире практикуются совместные заседания советов ПМП смежных — цехов, служб, участков. «Узкие места» облакуют по всем направлениям.

Иному человеку может показаться, что система приборостроителей предлагает уж слишком много всякой писанины. Тут и «лицевые карты» мастеров, начальников цехов и служб, висящие на самых видных местах, где подробно записано, над какими проблемами думает участок, какие предложения по ним поданы, что сделано. И журналы, где регистрируются все предложения, и анкеты, и графики, и стенды оперативного контроля. Тут начинают мерещиться бюрократизм и бумажная волокита.

Но давайте не поддадимся поверхностному впечатлению, зову привычных ассоциаций. Не всякий документ — волокита, отписка, канцеляризм.

Гласность и контроль — вот что за документами, принятыми в ПМП. Когда пошли предложения, когда надо было их воплотить в жизнь, сразу стало ясно, что рассчитывать только на полет мысли, только на желание проявить себя — идеализм. Нужен механизм — четкий, отлаженный, бесплощадный — который бы тянул каждую мысль к результату, доводил бы ее до дела. Не давал ей захлебнуться, задохнуться, пропасть из-за чьей-то расхлябанности, забывчивости, непредприимчивости, просто дурного настроения. Механизм, который бы создавал порядок, не сковывающий творческую мысль, а оберегающий ее. Толкающий к результату. Порядок, который бы развязывал руки, освобождал время, позволял тратить энергию на творчество, а не на сопутствующие детали.

Советы ПМП, необходимая документация как раз и стали таким механизмом.

Комсомол завода видит сейчас свою главную задачу в настойчивом и целеустремленном обучении каждого молодого рабочего, а их на заводе все больше, приемам творческой работы, умению выявлять резервы, принципам участия в управлении. Все это на конкретных примерах, в конкретных, пусть сначала и достаточно скромных делах. Именно на обучение уходит большая часть усилий советов ПМП при первичных комсомольских организациях. Важность этой работы видится не только в том, что выявляются производственные, экономические, социальные резервы, в ходе ее вскрываются в людях резервы более глубокие и потому дорогие — нравственные.

Нельзя пройти мимо появившихся в цехах стендов «Как надо работать».

Самый же большой стенд с таким названием находится в помещении, где постоянно собирается руководство и актив завода. Экспонаты для стендов приносят рабочие, все, кто болеет за завод и его дело. Это может быть громоздкая заготовка, из которой надо вытравить крохотную деталь, непродуманная оснастка. А может быть фотография или не слишком умелый рисунок, на котором запечатлено неумное, небрежное отношение к материалам, к готовой продукции. Словом, принесет такой экспонат в отдел управления творческим поиском ПМП, рабочий как бы задает вопрос конструкторам, технологам, снабженцам, руководителям участков, цехов: «Как же так, товарищи? Почему мы вынуждены работать так неумно, непродуктивно?»

И прослушать, пропустить, не обратить внимания на такой вопрос нельзя. Потому что все это — на глазах руководства завода начиная с директора. И потому, что каждый такой экспонат аккуратно фиксируется в отделе управления ПМП и берется на контроль. А через отпущенный срок задается уже другой вопрос: «А что сделано?»

В первом квартале этого года на стенде находились экспонаты по семнадцати позициям. По шестнадцати были приняты конструктивные решения — введена новая оснастка, изменена технология. Только по одной детали ничего не было предпринято. Деталь была мелкосерийная, и менять техноло-

гию уже не было смысла. Смысл же от того, что она пролежала положенный срок на стенде для тех, благодаря кому она туда попала, несомненно, был. Многих конструкторов, технологов перспектива попасть на стенд заставляет работать с большей отдачей.

С этим стендом вообще любопытно получилось. Если вначале система работала по принципу: руководитель выявляет «узкие места» и поднимает людей на их устранение, то теперь и сами рабочие могут, нащупав «узкое место», мобилизовать руководство и инженерно-технических работников на работу по его устранению.

Вот такой изящный и полный глубокого смысла круг описала система ПМП в своем развитии.

ХОЗЯЕВА

Люди, с которыми довелось встретиться на Фрунзенском приборостроительном заводе, были разными по возрасту, характерам, судьбам, национальности. Но все они равно ощущали себя хозяевами на своем заводе.

Эти люди действительно равны во всем — в желаниях, стремлениях, ответственности. Потому что с каждым из них считаются, потому что перед каждым простор для мысли и дел. И поэтому они полны планов и надежд, убеждены в их необходимости, осуществимости.

Одна мысль постоянно и убедительно подчеркивается в документах нашей партии. Мысль о том, что как подлинная демократия невозможна без социализма, так и социализм невозможен без постоянного развития, движения демократии. «Заинтересованность в общем деле, в развитии производства, сопоставление мнений, открытая и принципиальная критика и самокритика, повышение общественно-политической активности каждого гражданина — в этом суть советской демократии, демократии работающей, действующей», — говорилось на XXVI съезде партии.

Значит, главные пути развития, совершенствования советской демократии — это прежде всего обеспечение на деле как можно более широкого участия трудящихся в управлении всеми делами общества — а это: максимум внимания к предложениям людей, гласности при их обсуждении, строгий контроль за выполнением принятых предложений — и создание условий для всестороннего развития личности.

Потому что одно невозможно без другого.

Ответственность не нужна равнодушным, бескрылым исполнителям. Творчество не увлечет человека, забитого в жесткие рамки обязанности, усвоившего накрепко, что спрос с него маленький.

Инициативность человека, его ответственность за судьбу дела — на этом и стоит подлинная демократия. И там, где создана действительная возможность демократического участия в деле, эти черты обязательно проявляются в характерах людей. По людям и можно вернее всего судить, на каких принципах строится жизнь. На принципах демократизма подлинного или на принципах демократизма показного, существующего лишь на словах.

Вспоминаются люди Фрунзенского приборостроительного, Калужского турбинного, Ивановского камвольного, Павлодарского алюминиевого...

Сколько их еще, таких предприятий.

ПРОХОДЯТ ГОДЫ, НО В БЛАГОДАРНОЙ ПАМЯТИ ЛЮДЕЙ ЖИВУТ И БУДУТ ВЕЧНО ЖИТЬ ГЕРОИ СРАЖЕНИЙ НА НОВОРОССИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Не многим городам отпущено было историей столько испытаний, сколько этому. Сходились над его судьбой военные тучи одна другой страшнее и безжалостнее, свинцовым дождем выкашивая его сынов и защитников.

Никогда Новороссийск не забывал о пережитом, о тех, кто, добывая ему славу, не щадил себя в боях с врагами. И потому на улицах его и площадях, на окраинах и проселках столько памятников.

Не деля события в истории Новороссийска на главные и второстепенные, все же надо заметить, что почти всякая военная пора имела здесь свою наивысшую по драматизму и накалу точку. И, оглядываясь на минувшее, лучше всего брать за исходный рубеж ее. То же и памятники Новороссийска: велико их число, непреходяща нравственная ценность каждого из них, но долгие годы не

ВОСПОМИНАНИЯ.

хватало городу таких, что связали бы воедино историю военного подвига Новороссийска. А теперь есть и они. Завершено строительство мемориального комплекса «Героям гражданской войны и Великой Отечественной войны 1941—1945 годов». Завершено последним, задуманным авторами и городом уже давно, памятником—ансамблем «Малая земля». И хотя за монументальность, выразительность, внутреннюю мощь поставить его следует во главе гранитных и бронзовых собратьев, вспомним сначала о них. Этого требует логика событий, отраженных в руковорных композициях.

Многие из них пришли на сентябрь, в Новороссийске еще теплый и приветливый. В сентябре еще далеко до пронизывающих, сбивающих с ног, беспощадных норд-остов. Но у военных ветров был свой порядок. На сентябрь же приходится и светлые дни в его истории—освобождение от гитлеровцев. И Указ о присвоении городу-воину Золотой Звезды Героя.

Но если искать истоки этого героизма, то вернее всего обратиться к временам более отдаленным. Вспомним, как стиснутый в 1919 году германской блокадой Черноморский флот предпочел смерть бесчестью плена. Трагический, страшный день, потребовавший от черноморцев величайшей решимости, самоотверженности, преданности революционно-

12-й КИЛОМЕТР СУХУМСКОГО ШОССЕ. РАССКАЗЫВАЕТ ВЕТЕРАН БОЕВ ЗА НОВОРОССИЙСК

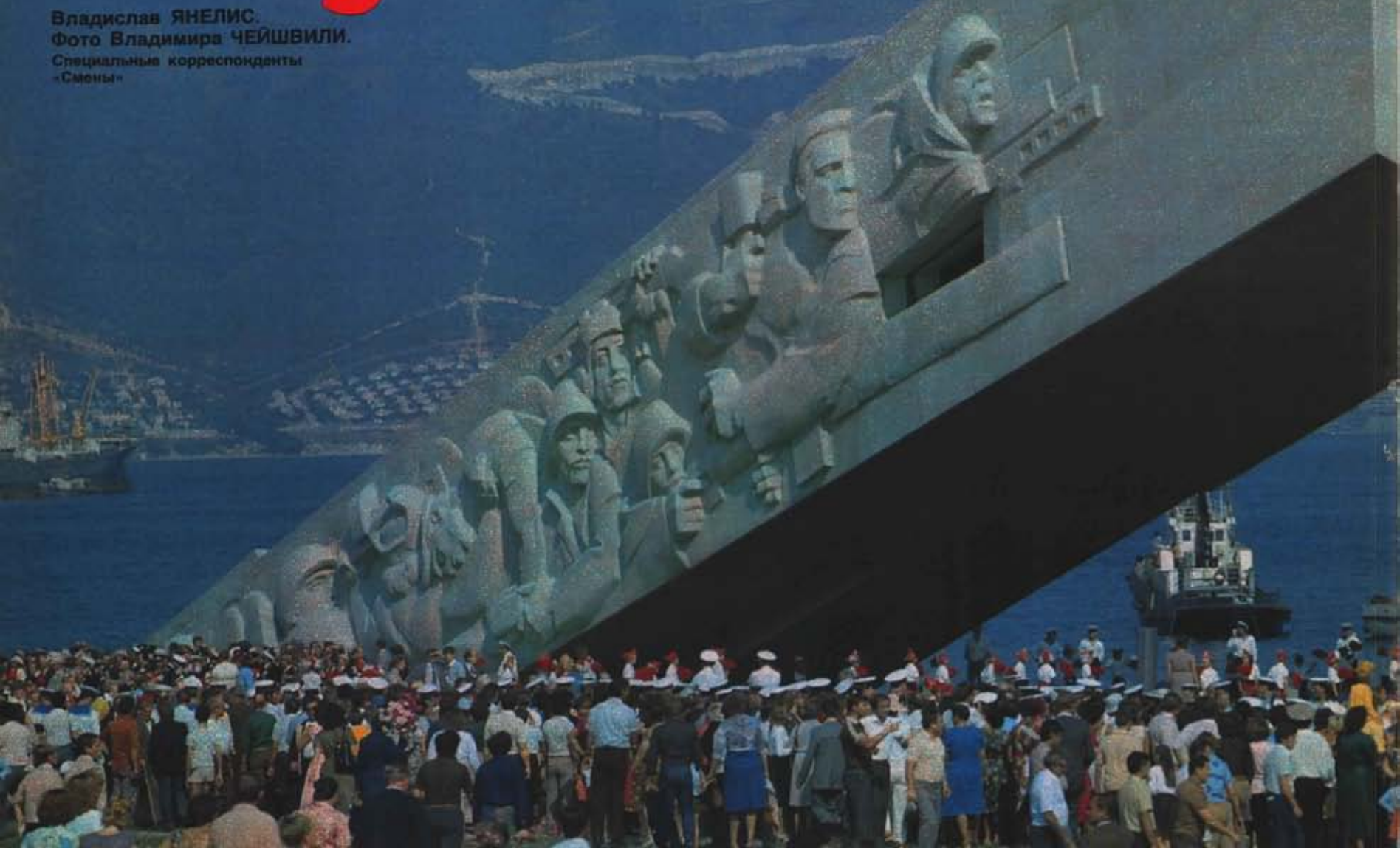
му долгу. «Погиваю, но не сдаюсь». С этим сигналом уходили в пучину Цемесской бухты боевые корабли. Но то, что предстояло испытать Новороссийску и его защитникам от сентября 1942-го до сентября 1943-го, было во сто крат труднее. Помнятся слова малоземельца Григория Севостьянова.

— Год здесь воевали, а до сих пор тот год целой жизнью кажется. Оттого, что каждый день помню и всех, кого здесь оставил...

Год как жизнь. Год, вместивший в себя столько испытаний, сколько не выпало Новороссийску за все предыду-

Новороссийская звезда

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты
«Смены»

шее столетие. И если считать наиважнейшие рубежи этого года, то первым будет 9 сентября 1942-го. Вскоре после полуночи 305-й отдельный батальон морской пехоты занял оборону в районе цементного завода «Октябрь», оседлав Сухумское шоссе и доставая передним краем до Балки Адамовича. Молодой комбат Вениамин Богословский, вступивший в эту должность совсем недавно, разместил свой штаб в пульмановском товарном вагоне. И сказал: «Все, баста. Назад ни шагу». И батальон, а потом и другие подошедшие части стояли насмерть, не уступив больше врагу ни пяди.

А пульман тот, изломанный, изрешеченный тысячами осколков и пуль, вер-

В МУЗЕЕ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ СОБРАНО ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ.

УРОК МУЖЕСТВА ВЕДЕТ БЫВШИЙ ВОЕНФЕЛЬДШЕР ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА СТРИЖКОВА.

нее, остов его, стал памятником. И реликвией, бесценной и страшной своей непридуманной правдой. Глядя на искореженное железо пульмана, навольно задумываешься: каково же приходилось здесь людям, если столько выстрадал металл.

А чтобы помнилось, что враг был остановлен именно здесь, над шоссе переброшена балка-стела, символизирующая несокрушимость и негибаемую стойкость защитников Новороссийска. И четыре автоматных дула салютуют вечным огнем солдатскому их подвигу. Бетонная балка-стела, на несущем основании которой выбиты наименования и номера частей, стоявших здесь насмерть,— продолжение мемориального комплекса.

В тот год вписалось событие, в хронологии Великой Отечественной отмеченное особым шрифтом.—Малая земля. Плацдарм, вырванный у гитлеровцев в ночь с 3 на 4 февраля 1943 года на западном берегу Цемесской бухты. Малой земле суждено было прожить долгие 225 дней и ночей, прежде чем она слилась с Большой. Но она так и не забылась, как Малая. Ибо вобрала в

себя, сконцентрировала на территории, не насчитывающей и трех десятков квадратных километров, мощь и дух, казалось, всей земли русской.

Началась Малая земля десантниками Цезаря Куникова, людьми не просто бесстрашными, а еще и трижды умелыми воинами. Через огненное горнило Малой прошли потом тысячи солдат и матросов, и мало кто из них не вынес после боев на плацдарме в теле своем вражеский свинец или осколок. Уже потом было подсчитано, что на каждого защитника Малой земли пришлось по

ПОЗОЛОЧЕННАЯ КАПСУЛА-СЕРДЦЕ ХРАНИТ СПИСКИ ПАВШИХ ГЕРОЕВ-МАЛОЗЕМЕЛЬЦЕВ.

1250 килограммов смертоносного металла. «Думается, что десант на Малую землю и бои на ней,— пишет в своих воспоминаниях Леонид Ильич Брежнев,— могут служить образцом военного искусства».

Здесь, на южном берегу Цемесской бухты, у самой морской кромки, подобный стреле, вырвался на земную твердь десантный корабль. Нависнув форштевнем над берегом, он символизирует бесстрашие героев-малоземельцев, тех, кто, застыв в бронзе, готов броситься с его борта в пламя боя, готов умереть, но не уступить врагу ни пяди отвоеванного берега. И то, что довелось вынести им, то, чем жили они все 225 дней, выражено в словах бывшего малоземельца, в равной мере с другими принявшего на себя все военные испытания на огненном плацдарме, в ту пору начальника политотдела 18-й армии Леонида Ильича Брежнева. Они отлиты в бронзе на борту рукотворного корабля: «Горела земля, дымилась камни, плавился ме-

талл, рушился бетон, но люди, верные своей клятве, не попятятся с этой земли».

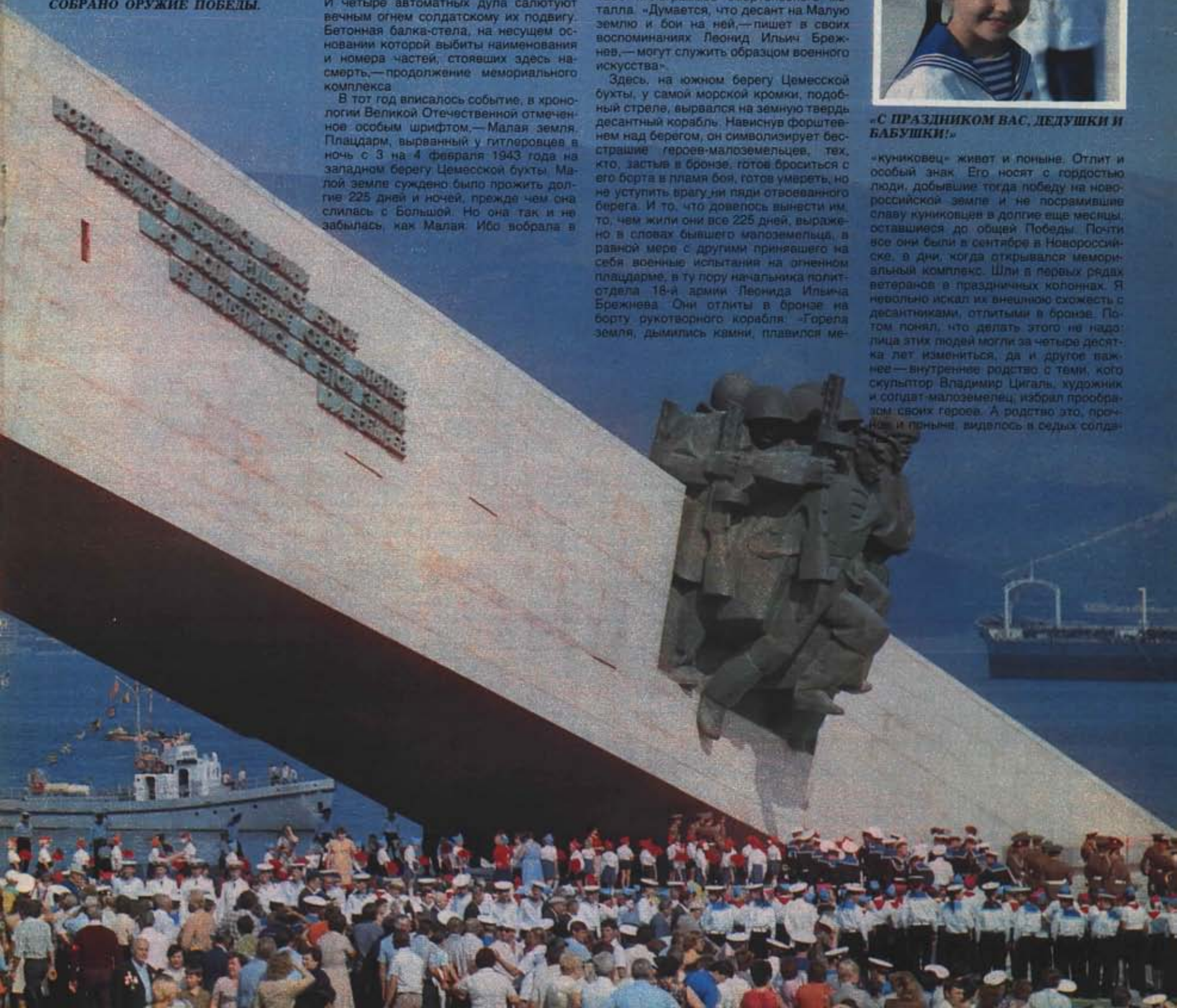
Памятник-ансамбль «Малая земля» — завершающий этап в создании Новороссийского мемориального комплекса. Открытие его пошло еще на сентябрь, на 16-е число, когда в 39-й раз праздновалась годовщина освобождения города. Этот памятник открывали с особой торжественностью, ибо он не просто венчал большой труд строителей, но отражал самое памятное для новороссийцев — подвиг малоземельцев и победу над врагом, которой увенчалась сентябрьская битва 1943 года. Ведь началась она тоже с берега, только уже в районе городского центра, началась со столь же дерзкого десанта, что и тот, малоземельский. Немало шло тогда в первых штурмовых группах и бывших куниковцев.

А впрочем, почему «бывших»? Звание

«С ПРАЗДНИКОМ ВАС, ДЕДУШКИ И БАБУШКИ!»

«куниковец» живет и поныне. Отлит и особый знак. Его носят с гордостью люди, добывшие тогда победу на новороссийской земле и не посрамившие славу куниковцев в долгие еще месяцы, оставшиеся до общей Победы. Почти все они были в сентябре в Новороссийске, в дни, когда открывался мемориальный комплекс. Шли в первых рядах ветеранов в праздничных колоннах. Я невольно искал их внешнею схожесть с десантниками, отлитыми в бронзе. Потом понял, что делать этого не надо: лица этих людей могли за четыре десятка лет измениться, да и другое важнее — внутреннее родство с теми, кого скульптор Владимир Цигаль, художник и солдат-малоземелец, избрал прообразом своих героев. А родство это, прочное и поныне, выделось в седых солда-

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 21 (1331) НОЯБРЬ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
комплексная
изыскательская партия
Ленгипротранса.

Фото
Алексея
ФЕДОРОВА

- 1 60 ЛЕТ СССР. ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ:
«ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И ПОДВИГА».
Игорь СЕРКОВ. «ЧЕМ МЫ БОГАТЫ».
Советская демократия в зеркале одного завода.
- 4 «НОВОРОССИЙСКАЯ ЗВЕЗДА».
Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА и
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 6 Николай МОЙКИН.
«ОДИНОЧЕСТВО В КАМЕННОМ ЛАБИРИНТЕ».
- 8 Петр СКОБЕЛКИН. «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ХЛЕБА».
- 9 ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА:
СОЗДАНИЕ НОВОЙ ТЕХНИКИ ДЛЯ ЖИВОТНОВОДСТВА.
Министр машиностроения
для животноводства и кормопроизводства
К. БЕЛЯК. «СОВРЕМЕННАЯ ФЕРМА».
- 10 Рассказ Михаила РОЩИНА «ХУДОЖНИК И КОРАБЛЬ».
- 13 Стихи Анатолия БОЧИННА.
- 14 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»:
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ.
Генрих ГУРКОВ, Валерий ЕВСЕЕВ.
«И ТОГДА МИР УСЛЫШАЛ: УРЕНГОЙ!»
- 18 АВТОБИОГРАФИИ.
Анатолий ПАПАНОВ, народный артист СССР.
«ТЕАТР, СОВЕСТЬ МОЯ».
- 21 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «НЕПОХОЖИЙ ДВОЙНИК».
- 25 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 28 «ОЧЕЙ ОЧАРОВАНЬЕ...». Стихи.
- 30 АТЕИСТИЧЕСКИЕ УРОКИ.
Владимир МЕЗЕНЦЕВ. «БЕЗ МИСТИКИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответствен-
ный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора),
Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЙ ГОРОД. БЕСЧЕЛОВЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО

о свидетельству летчиков, нью-йоркское небо — огромная дымовая шапка — обнаруживается примерно за 250 километров до посадки самолета в международном аэропорту имени Джона Кеннеди.

Максим Горький, опубликовавший в 1906 году свой очерк о Нью-Йорке под названием «Город желтого дьявола», сравнивал американский Вавилон с «угрюмой фантазией из камня, стекла и железа». Грязь, писал он, является «стихией» этого города, она «пропитала собою все: стены домов, стекла окон, одежды людей, поры их тела, мозги, желания, мысли...». Владимир Маяковский, побывавший в Нью-Йорке в 1925 году, отмечал «несовременность и неорганизованность» самого большого города Америки. «Одна техника, метро, небоскребы и т. п. не делают настоящей цивилизации», — заявил тогда поэт в интервью газете «Нью-Йорк уорлд». Английский искусствовед Кларк в своей книге «Цивилизация» замечает: «Издали Нью-Йорк выглядит действительно фантастическим. Издали. Но подойдите ближе — и вы увидите, что в нем много убожества и грязи, а в его роскоши есть нечто паразитическое».

Сердцевина Нью-Йорка — Манхэттен. Лет 350 назад остров этот был покрыт густыми лесами, которые подступали к

нось острова у нынешнего Гудзонского моста — исчезла в 1948 году. Ветер истории заставил индейцев уйти с насыщенных мест в пустынные резервации на северо-западе и юго-западе страны или раствориться в городских джунглях «бледнолицых». Теперь на месте этой стоянки парк. Деревья, земля и небо — единственное, что осталось от всей индейской предыстории. Интересно, сколько еще туристов успеют побывать в этом парке, прежде чем и его подомнут под себя стоэтажные динозавры цивилизации?

Тротуарная мозаика нью-йоркских улиц бывает самых разнообразных цветов и конфигураций: бутылки и банки из-под пива и фляжки из-под виски, баррикады картонных ящиков, прочитанные и выброшенные газеты, бензиновые и масляные пятна, пищевые отходы. Захламляется в этом городе не только земля, загнанная под асфальт и железобетон. Ежедневно в атмосферу над Нью-Йорком извергается до 4 тысяч тонн углекислого газа и окиси азота, более 3 тысяч тонн двуокиси серы, около 300 тонн промышленной пыли. Гудзон, Ист-ривер и прочие водные артерии и водоемы в черте Большого Нью-Йорка превратились за 300 лет в настоящую свалку всевозможных отходов, начиная от артиллерийских снарядов и каркасов автобусов и кончая

Николай
МОЙКИН

ОДИНОЧЕСТ

самой воде и смотрелись в нее — настолько прозрачны были Гудзон и Ист-ривер. Английский путешественник начала XVII века Генри Гудзон (по имени которого названа река под Нью-Йорком), исследуя побережье Манхэттена, писал, что гавань здесь — «самое красивое место, какое я когда-либо видел на Земле».

До прихода европейцев индейцы сохраняли остров в естественной красоте и первозданности. В 1626 году голландский предприниматель Питер Минуит выменял Манхэттен у «краснокожих» на бисопушки стоимостью 24 доллара — и история острова понеслась по совсем другой параболе. На земле, испокон веков принадлежавшей бесхитростным предкам и потомкам Гайаваты, возник самый большой цивилизованный табар мира, куда со всех сторон света стекаются люди самых невероятных судеб и качеств и где лучше всех — как рыбам в воде — живется самым изощренным дельцам и комбинаторам. Там, где когда-то вился «голубой дымок вигвамов», встали гигантские склепы — «Эмпайер стэйт», «Крайслер», «Дженерал моторс» и десятки других небоскребов, навсегда заслонивших от горожан, быть может, самую величественную картину мира — свечение вселенной над планетным горизонтом перед восходом солнца. Там, где когда-то была зеленая распахнутость природы, теперь пролегли железобетонные улочки-каньоны (порой без единого листика). Вместо «примитивной», но естественной и конкретно осмысленной культуры и искусства коренных жителей (для которых, как и для древних греков, творческое начало было неотделимо от природы и самой жизни) теперь процветает «современное искусство», представляющее собой подчас бесконечный конвейер самых невообразимых поделок — «грошовых, худосочных штучек», как писал о таком искусстве великий американский поэт Уолт Уитмен.

Последняя индейская стоянка на Манхэттене — самая северная оконеч-

сточными водами и опасными ядохимикатами.

Из окна своей рабочей комнаты на 13-м этаже в небоскребе Секретариата ООН на Ист-ривер я каждый день наблюдал, как по реке проплывали баржи с мусором. Они плывут вдоль всего Манхэттена, пересекая близ Бруклина Верхнюю гавань и после Вераццано выходят в Атлантику. Океан принимает любые нечистоты человеческого прогресса молча, безропотно. Но иногда он не выдерживает — и отвергает грязные дары людей, отгоняет их обратно к берегу. Когда объезжаешь Манхэттен на туристическом кораблике, около статуи Свободы видишь, как на волнах рядом с роскошными частными яхтами раскачиваются сгустки мазута, обломки бревен, доски, коробки из-под молока, шины, бутылки. А сколько хлама погребено на дне?

Не так давно в американской прессе появились сообщения о том, что в США разрабатываются планы захоронения городских и промышленных отходов как можно дальше от береговой черты — то есть как можно дальше от Америки — на различных островах в Атлантическом океане...

В Нью-Йорке не существует границ и для других, не менее разрушительных бедствий: для преступности (только в 1981 году в городе было убито 1850 человек), торговли наркотиками (в Нью-Йорке не менее 100 тысяч наркоманов), бедности (36 тысяч бездомных), роста цен (ползущих вверх со скоростью бамбука), позорной системы медицинского обслуживания (больничные счета на сумму 400 долларов в день давно стали обычным явлением), проституции и порнографии... Бремя всех этих пороков оказывается для среднего ньюйоркца слишком тяжелым, чтобы он мог без вреда для себя уживаться с ними. И он нередко выбирает хотя и самое пассивное, но пока что самое надежное средство самозащиты в большом американском городе — бегство. Бегство в прямом смысле (переселиться за город, в

провинцию) и в переносном смысле (жить, закрывая глаза на эти пороки, покорно мирясь с ними).

Статистика свидетельствует, что численность людей, живущих непосредственно на Манхэттене, неуклонно уменьшается. На острове появляется все больше и больше небоскребов-учреждений, встающих на месте старых жилых домов. «Оцивилизация» центрального района Нью-Йорка закончится, может быть, тем, что здесь со временем не останется ни одного жилого квартала — все будет занято офисами, банками, театрами и кинотеатрами, магазинами, бурлесками и прочими местами общественного пользования.

Но и пригород становится для ньюйоркцев все менее спасительной гаванью. Пригород — это лишь зеленый парик, под которым все равно не скрыть язв больного города. В Нью-Рошеле, на Лонг-Айленде, в Медвежьих горах — всюду под Нью-Йорком слышится гул самолетов (вблизи города 3 больших гражданских аэродрома и 3 гелиопорта для вертолетов); в лесах, прочесываемых сотнями оживленных автострад, вместо озона все более ощущается запах бензинового перегара; в периферийной прессе много чаще, чем прежде, появляются сообщения о кражах, изнасилованиях, убийствах...

Бегство из больших городов США — это скорее временная иллюзия, душеуспокаивающий наркотик, который вынужден принимать средний американец. С помощью одних только перемещения адреса социальные проблемы никогда еще никем не разрешались. Разве мож-

ресс. Внешний рационализм — внутренняя иррациональность. В этой безликой и сверхупорядоченной машинной цивилизации, так гордящейся своей объективностью, спонтанность слишком часто принимает формы преступных актов, а творческий инстинкт находит для себя главный выход в разрушительной деятельности... Проблема нашего времени в том, чтобы уберечь человечество от совершения духовного самоуничтожения именно в тот момент, когда нас возносят на гребень ликования наши односторонние механические победы».

Хорошо известно, что в архитектуре, живописи, музыке, литературе, театре, кино — почти в любом жанре искусства, представленном в Нью-Йорке, — можно обнаружить действительно великолепные образцы. Но в то же время в нью-йоркском саду искусства есть и «темные аллеи», а точнее, тулики, где испытываешь лишь недоумение и разочарование. Заглянем на минуточку хотя бы в одну из них — скажем, в аллею изобразительного искусства. Некоторое время назад тут среди сухого частогокола традиционных «измов» наряду с сюрреализмом, поп-искусством, «живописью в действии» и т. п. появился еще один абстрактный ствол — так называемое «земляное искусство». Это направление известно также под названиями «экологическое искусство», «невозможное искусство», «концептуальное искусство», «микросоциализм»... Его представители выдвинули лозунг: уйдём из тесноты городских студий и музеев, приблизимся к природе, станем более

в углу другого зала к стене была привинчена красная лестница. Она уходила под самый потолок. Я подумал: пожарная. Мой пятилетний сынишка подбежал к лестнице и начал было забираться по ней вверх. Подошел дежурный по залу и сделал несмысленную внушение: ведь это — произведение искусства, разве не понятно? Подойдя ближе, я действительно обнаружил табличку: скульптор такой-то...

Есть в Нью-Йорке еще один «музей». Он расположен в самом сердце Манхэттена — на площади Таймс-сквер и прилегающих к ней авеню и улицах. Часть его «залов» находится прямо под открытым небом, а часть — в зданиях, на которых прелят вывески: «Книжный магазин для взрослых», «Кинотеатр для взрослых», «Массажная», «Танцевальный салон» и т. д. Продукция этой индустрии — порнографические газеты, журналы, книги, фильмы, представления на сцене; в «цехах» отрасли «трудятся» живые носители «первой древнейшей профессии» — проститутки, сутенеры, сводники.

Одна из причин жизнеспособности порнографического бизнеса — его редкая прибыльность. По подсчетам экспертов, в закрома американских поставщиков секса ежегодно сбывается от 500 миллионов до 2,5 миллиарда долларов. Одна только нашумевшая в свое время порнолента «Глубокая глотка» через полгода после выхода на экраны в 70 крупнейших городах США дала своим создателям доход в размере 3,2 миллиона долларов. Следует заметить, что производство фильма заняло лишь

между порнографическими материалами и антиобщественными поступками людей нет очевидной связи. Более того, некоторые американские юристы и социологи усматривают в порнографии «аварийный клапан» для антисоциальных импульсов в поведении многих граждан...

Почти любая улица в центре Манхэттена — словно вытянутый гараж или дно колодца, заполненного пыльно-влажной смесью под названием «воздух». Солнцу здесь очень трудно совершать свой простой и великий обряд — касаться земли (она упрятана в железобетонный панцирь), обогреть ее, наполнить жизнью серый, почти безликий город. Густая сетчатка узких улиц раскрошила Манхэттен на мелкие островки — кварталы, и громадным домам — срубам «колодца», кажется, некуда больше деваться, кроме как ползти все выше и выше, к облакам, отчего «на дне» Нью-Йорка становится все сумрачнее и теснее.

Голландца Адриана Блока и его сподвижников, заложивших в 1613 году первые камни Нью-Йорка, наверняка волновало не столько архитектурно-экологическое будущее города, сколько доходность разворачиваемого ими бизнеса. Американский Вавилон — это порождение буржуазного предпринимательства, эффектное внешне, но уродливое по своей социальной сути. Издающаяся в Бостоне газета «Крисчен сайенс монитор» отмечала, что американские урбанистские центры создаются и расширяются частными фирмами «без

ВО В КАМЕННОМ ПАБУРИНТЕ

но излечить организм от рака, срезав лишь видимый слой разрастающейся злокачественной опухоли?

Социальные недуги, прогрессирующие в Нью-Йорке, характерны в той или иной степени и для остальных 223 крупнейших городов США. Вообще Нью-Йорк, как считают многие американцы, представляет собой сгусток всего сугубо американского, этот город — Америка в миниатюре. Но что станет со средним американцем, выехавшим из нью-йоркского мегаполиса в «тихую провинцию», если и туда дотанутся щупальца «раковой» цивилизации? Что, если и негородская Америка окажется вконец опутанной той же сетью проблем и пороков, из которых нынче не может выпутаться Нью-Йорк? Не начнется ли тогда обратный исход людей в Европу или в какие-то другие области планеты в поисках чистой земли? Испанский журнал «Гасета» несколько лет назад предрек, например, что в недалеком будущем возникнет новый очаг капиталистической цивилизации — в бассейне Тихого океана и что Австралия станет «Америкой XXI века». Как бы то ни было, уже сегодня США ежегодно покидают по тем или иным причинам 40 тысяч американцев, чтобы уже никогда не возвращаться в эту страну.

Однажды газета «Нью-Йорк таймс» поместила статью о Нью-Йорке под названием «Зима великого города». Среди прочих сетований по поводу блеску американского Вавилона в текст была вкраплена короткая, но, как представляется, глубокая и значительная фраза: «Может, наихудшая из бед города — это отсутствие духовного элемента».

Еще три с лишним десятка лет назад американский социолог и философ Мамфорд, говоря о том, что научно-технический прогресс XX века (он имел в виду прогресс в рамках капитализма) подавляет все естественные инстинкты в человеке и обществе в целом, писал: «Внешний порядок — внутренний хаос. Внешний прогресс — внутренний рег-

реальными, земными. Привлекательная, хотя и не очень оригинальная идея. Зато несомненной оригинальностью отличаются творческие методы, используемые этими «земляными» художниками для осуществления своих замыслов на практике.

К примеру, метод Майкла Хайзера сводится к созданию «произведений искусства» с помощью лопаты, бульдозера или самосвала. Один из своих «шедевров» этой земляных дел мастер сочинил следующим образом: улете из Нью-Йорка в штат Невада, он вырыл там в пустыне глубокую канаву, причем свежеврытая земля была оставлена на краю, а когда дожди смыли ее обратно в канаву — произведение в результате этого и было завершено!

Нью-Йоркский «скульптор» Боб Смитсон скупил несколько десятков зеркал, взял автомобиль и укатил на Юкатан, где зарыл зеркала в землю. «Когда я создавал эту подземную галерею, — заявил он, — у меня было такое чувство, будто я совершенно проглотил по лезвию ножа, обогранному кровью солнца».

Все свои творения «микросоциалисты» запечатлевают на фотопленку и выставляют в частных галереях, домах и музеях Нью-Йорка и других городов. Мнения серьезных критиков об этих художниках не особенно расходятся: у подавляющего большинства отношение к ним явно отрицательное. В журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин», например, «экологические произведения землячерпальных живописцев» сравнивались с несвежим винегретом, которым прохвосты от искусства потчуют общество.

Нечто подобное, «концептуальное» я увидел в нью-йоркском музее современного искусства. Одна из комнат музея оказалась совершенно пустой. У дверей посетители читали табличку: «Скульптор Ирвин из Лос-Анджелеса...» — и недоуменно переглядывались. Я тоже сначала ничего не понял, потом заметил... нитку, протянутую от одной стены комнаты к другой. Это и было скульптурное изображение.

неделю и обошлось в 25 тысяч долларов...

Лет десять назад одним из заправил порнобизнеса на Таймс-сквер был некто Мартин Ходас. Его называли «королем порно». По данным нью-йоркской полиции, секс-империя Ходаса обеспечивала ему ежегодную прибыль в размере 13 миллионов долларов. Ходасу принадлежало 90 процентов порнографических киноавтоматов Нью-Йорка. За «королем порно» стояла мафия. Этот человек, говорил о Ходасе помощник комиссара нью-йоркской полиции Уильям Маккарти, «имеет прямую связь с главарями семейств» организованной преступности.

Но не только американская «Коза ностра» стоит на страже индустрии секса в США. Не только нынешний духовный застой в американской культуре способствует массовому распространению порнопродукции в стране. Ряд американских социологов и политический наблюдатель утверждают, что сексуальный бизнес в США поощряется и оплачивается из весьма солидных федеральных источников — с целью приглушения политического и гражданского самосознания среднего американца.

Несколько порнографических книжных магазинов и «кинотеатров для взрослых» процветают буквально под боком у нью-йоркской мэрии — на улицах Мэйдэн-лейн и Парк-роу. Городские судебные власти в отношении этих заведений ограничивались лишь мелкими штрафами и опечатыванием не более чем на день...

В 1973 году Федеральное бюро расследований (ФБР) и почтовые ведомство США провели следствие по 900 делам, связанным с распространением порнографических изданий и фильмов по почтовым каналам, радио или с помощью обычных транспортных средств. Лишь в 75 случаях были вынесены вердикты с осуждением.

Комиссия по борьбе с непристойностями и порнографией, созданная в 1970 году при президенте США, считает, что

всякого планирования, без координирующей концепции» федерального правительства, во многих случаях даже без контроля над государственными инвестициями, и что все это ведет к ярко выраженной «расовой и экономической сегрегации» в городе, к ухудшению качества жизни среднего горожанина.

За последние 10 лет плата за отопление жилья в Нью-Йорке возросла в два с лишним раза, проезд в метро стал стоить вместо 35 центов 50. Любопытную статистику о росте цен в США и, в частности в Нью-Йорке, приводит сама американская печать. По ее данным, за последнюю четверть века такая неформальная статья расходов, как «ужаживание за любимой девушкой», испытала подорожание на 420 процентов! Два билета в театр, например, стоили 25 лет назад около 7 долларов, теперь — 25 долларов.

Таймс-сквер... Мечущийся, неизвестно куда несущийся «сгусток времени», не знающий, куда ему деваться... Негаснущая и не меняющаяся из года в год электореклама кока-колы на 42-й улице близ авеню Америк; разноперые и разноязыкие туристы у отеля «Манхэттен»; бесчисленные собаки; запах греческих шашлыков и кебабов; нищие наркоманы на тротуарах и нарядные театралы в «кадиллаках»; черно-белые проститутки и цветной веер порнографической стряпни, зазывающе разложенной на прилавках... Я еще нигде не видел и не ощущал такого шумного и безысходного одиночества людей, как на Таймс-сквер.

Мне Нью-Йорк запомнится городом, в котором то, что понимают под прогрессом технической цивилизации, утверждало и утверждает себя не во имя, а против человечности и духовности, где жертвой стали природа, земля, воздух, естественность, мораль, культура, здоровье и жизнь человека.

Американский Вавилон. Америка в миниатюре.

Бесчеловечный город. Бесчеловечное общество.

60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция:
Эстафета дружбы и подвига»

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ХЛЕБА

Петр СКОБЕЛКИН

Этот день — 13 сентября 1955 года — ветераны Айдарлинского совхоза, должно быть, помнят и сегодня. Но ближе и дороже этот день все-таки Ивану Андреевичу Меренкову. И почему — вот об этом и сказ.

В степи только что началась уборка. Бригада, в которой работал Иван Андреевич, находилась на отшибе, километров за тридцать от центральной усадьбы. Продукты и даже хлеб приходилось завозить издалека, да и то с перебоями.

Но этот день не был будним, обыденным — убирали первый хлеб. Первый хлеб в далекой, непохожей на тесные русские северные поля степи. И, может, поэтому, а

еще и потому, что в первом хлебе непременно должно быть что-то обязательно необычное, что-то от новой, необбетованной земли, от жизни, которую нельзя пересказать, а почувствовать только сердцем дозволено, наверное, именно поэтому и взяли парни из первого бункера комбайна зерно. Смололи. И подумали вдруг: «А не сотворить ли нам из этого зерна свой хлеб?»

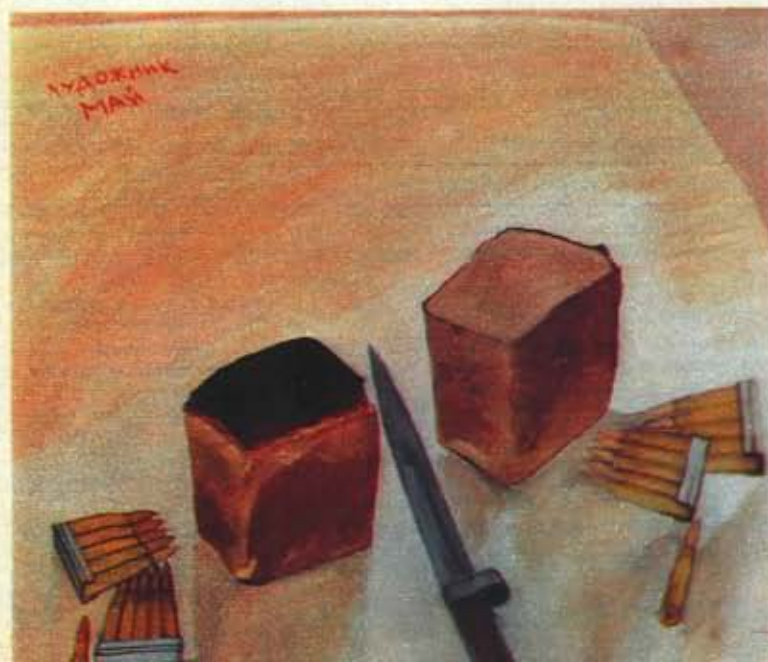
А откуда пекарня в степи?.. Смешно... Но оказался среди них человек, который на своем долгом веку перевидал немало разного хлеба — и сладкого и горького, — Иван Андреевич. И сказали тогда ему трактористы, усталые и счастливые: «Ах, как хочется испробовать первый хлеб!..»

ПОЖАЛУЙТЕ К СТОЛУ. ХЛЕБ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК.

ДАРЫ МИРНЫХ ПОЛЕЙ. ХЛЕБ ЦЕЛИНЫ.

ПЕРЕД БОЕМ. ХЛЕБ, ПОПОЛАМ ПОДЕЛЕННЫЙ.

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА МАЯ ЧУХЛАНЦЕВА ИЗ ЦИКЛА «ВЕЛИКИЙ ХЛЕБ».

ОСЬМУШКА. ТРУДНЫЙ ХЛЕБ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Единственным «капитальным» строением в степи в то незабываемое лето был старый, исхлестанный ветрами вагончик. В этом-то вагончике и решился Иван сотворить первый целинный хлеб.

И вот наскоро соорудили что-то похожее на печку. Славка Сагадин привез муку, взятую из первого бункера.

И стал Иван Андреевич делать хлеб. Поздно ночью, когда намаившиеся за день парни вернулись с поля, они не узнали Ивана Андреевича. Важный и торжественный, он стоял у вагончика, и сиреневыми звездами отливала его новая батистовая рубашка. И на цветастом полотенце покоился румяный каравай.

Первый хлеб целины.
— Наш хлеб! Ну надо же, наш хлеб! Подумать только!.. — сказал кто-то уважительно, и каравай пошел по кругу.

Парни осторожно по очереди принимали его, как ребенка, на свои тяжелые руки и передавали друг другу. И каждый с наслаждением вдыхал земной, знакомый и дорогой с детства аромат теплого каравая и, раскачивая, взвешивал на руке!

А потом, причмокивая и широко раздувая ноздри, смаковали этот хлеб.

И лежали прямо под открытым высоким небом, молча и торжественно разглядывая над собой далекие, непонятные звезды. У крутых их изголовий мягко шелестели колосья несжатой пшеницы (оставили полоску, как сад, как цветник), и пахло в степи теплой землей и сухим колосом.

И вот случилось же так, что одну из

буханок этого первого сдобного хлеба увезли в Кустанай. А в Кустане как раз в это время устроили необычный конкурс: лучшие дегустаторы Целинного края собрались туда, чтобы определить, какой хлеб и у кого всех богаче и ароматнее. Очень трудную и ответственную задачу предстояло решить высокой комиссии. Около сотни караваев, испеченных в самых разных печах, возвышались важно, как на троне, на высоких столах.

И началось священнодействие. И только поздним вечером после долгих трудов и горячих споров намаившееся жюри вынесло свой приговор: самый славный хлеб испекли в Айдарлинском совхозе. Вот так вот...

А сейчас на улице лето. И первый пекарь, Иван Андреевич Меренков, сидит дома. И вдруг вспоминает свое обещание, данное самому себе: испечь хлеб из зерна первого бункера. И вот настает этот день.

— Мать, доставай муку и мою рубашку. Жена приносит муку, потом, долго копаясь в сундуке, извлекает сиреневую батистовую рубашку. Старик начинает часто-часто моргать, но старается совладать с собой.

— Топи печь, мать!
А вечером рассядутся у Ивана Андреевича мужчины с твердыми, крутыми плечами, с дубленными ветром лицами и чуть осевшими от пыли голосами — те самые парни, что вели здесь первые борозды, и вспомнят трудную, прекрасную первую весну. И будут есть хлеб, испеченный старым волшебником. Свой хлеб.

Министр машиностроения для животноводства и корموпроизводства
К. Н. БЕЛЯК
отвечает на вопросы журнала «Смена»

— Каким должен быть вклад отрасли в выполнение Продовольственной программы?

— Выступая на XIX съезде комсомола, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Продовольственная программа сегодня — это и повышение урожайности, и увеличение производства удобрений и сельхозмашин». То есть наша отрасль в числе тех, на кого ложится основная нагрузка по выполнению программы.

Конкретно наши задачи таковы: уже в нынешней пятилетке мы должны в основном перейти на выпуск машин и оборудования, составляющих единые технологические комплексы для заготовки, приготовления, раздачки кормов и механизации всех производственных процессов в животноводстве. Нам необходимо создать и ввести мощности для ежегодного производства 20 тысяч самоходных и 20 тысяч прицепных кормоуборочных комбайнов. Обеспечить наше сельское хозяйство машинами и оборудованием для транспортировки и внесения в почву твердых и жидких органических удобрений. Вообще за десятилетие нам необходимо выпустить машин на сумму около 30 миллиардов рублей. Согласитесь — цифра внушительная. Причем мы должны не просто выпустить столько машин, но значительно улучшить их качество, добиться существенного снижения расхода материалов, более 100 наименований техники выпускать со Знаком качества.

Сумеет ли выйти на эти рубежи — значит, в нашем животноводстве снизятся до минимальных затраты ручного труда. Молодежь, получив возможность работать на самых современных механизмах, будет оставаться на селе. А это — одна из важнейших задач, поставленных Продовольственной программой. Она комплексная, потому что все ее звенья органично связаны между собой. И всем нам необходимо научиться видеть не только свои локальные задачи, но и их взаимосвязь с общими перспективами.

— Читателей «Смены» особенно интересует: какая роль отводится молодежи во всей этой большой работе?

— В свое время я работал в городе комсомольского подвига — легендарном Комсомольске-на-Амуре. Так что прекрасно знаю, на что способна молодежь, что ей по силам. Мы связываем с ней самые большие надежды. Да и как не связывать, если половина всех работающих в отрасли — люди, которым нет и тридцати? Если на решающих участках у нас трудятся — и весьма успешно — около 800 комсомольско-молодежных коллективов.

Благодаря инициативе комсомола на предприятиях отрасли становится все больше сквозных и комплексных бригад, а также коллективов, работающих по единому наряду с оплатой по конечным результатам труда. О том, как умеет работать наша молодежь, красноречиво говорит такой факт: каждый третий молодой рабочий отрасли выполнил досрочно план пяти месяцев ко дню открытия XIX съезда комсомола. 15 тысяч молодых тружеников носят звание «Ударник коммунистического труда».

Глубоко убежден, что сила молодых не только в энтузиазме, нерастроченном запасе сил, но и в умении небанально мыслить, в особо чутком восприятии всего нового, передового, в стремлении перестроить сложившиеся формы труда, привычные технологии. Надо всегда помнить об этих качествах, рассчиты-

вать на них. Строить свою работу с молодыми с таким прицелом, чтобы они могли проявить эти свои качества в полной мере.

Всего один пример. Только в прошлом году в отрасли было внедрено более 3 тысяч рационализаторских предложений молодых рабочих и специалистов. Их экономический эффект превысил 4,5 миллиона рублей. В. Афонченков с «Гомсельмаша», А. Свешников с Люберецкого завода имени Ухтомского, В. Цекин с «Нежинсельмаша» подали за год более десяти рационализаторских предложений каждый. Так работают молодые там, где на их инициативу рассчитывают, где ее всемерно поддерживают.

Реконструкция действующих предприятий, техническое перевооружение производства, внедрение новых технологий и форм труда — без всего этого нам не решить поставленных Продовольственной программой задач. А для успеха здесь прежде всего необходимы те качества молодых, о которых я говорил выше.

Сейчас, когда вся наша отрасль по-новому оценивает свои возможности, перспективы, строит работу соразмерно поставленным партией задачам, мы ве-

мо молодых ученых и специалистов. На ВДНХ проводятся «Дни молодого новатора Минживмаша».

Наше сотрудничество крепко стремлением к одной цели: помочь молодым быстрее определиться в жизни, прочно встать на ноги, научиться приносить пользу стране. Формы нашего сотрудничества не застыли раз и навсегда, они постоянно обогащаются, развиваются в новых направлениях. Так, с прошлого года в «Поездах дружбы» за рубежом побывали передовики производства, победители социалистического соревнования наших предприятий. Поездка в Венгрию показала, что эти мероприятия сплачивают молодых тружеников наших предприятий и организаций, помогают закреплению молодых кадров. Ведь в такой поездке ребята чувствуют себя представителями единой большой семьи машиностроителей, ответственными за ее дела.

— Очевидно, это далеко не единственная форма работы по закреплению кадров, которая проводится на предприятиях отрасли. Как вообще обстоит в отрасли дело с подготовкой молодых рабочих и специалистов?

**Продовольственная программа:
создание новой техники
для животноводства**

СОВРЕМЕННАЯ ФЕРМА

Отрасль и молодежь

рим, что наши молодые труженики включатся в дело без раскачки и напояний, так, как включились в важнейшее общегосударственное дело — поход за экономией и бережливостью. Сейчас на многих предприятиях отрасли подвигаются по инициативе «Каждый пятый день работать на сэкономленном сырье», «Потерям топливно-энергетических ресурсов — комсомольский заслон».

— Как осуществляется сотрудничество между министерством и ЦК ВЛКСМ?

— С самого возникновения министерства мы старались наладить прочную двустороннюю связь. В результате при министерстве была создана постоянная комиссия по делам молодежи, в которую вошли ответственные работники предприятий и организаций отрасли, аппарата министерства, ЦК комсомола. Возглавляет комиссию заместитель министра Р. М. Полис. О работе комиссии ее председатель уже рассказывал на страницах «Смены». Напомню лишь, что комиссия занимается регулярным изучением проблем, возникающих перед молодежью отрасли — от производственных до культурно-бытовых, — разрабатывает реальные рекомендации и предложения, которые после утверждения руководством министерства становятся обязательными для исполнения всеми руководителями наших предприятий.

Совместными усилиями министерства и ЦК ВЛКСМ организуются всесоюзные конкурсы профессионального мастерства, семинары секретарей комитетов комсомола и председателей советов

— Без ежедневной, систематической подготовки молодого пополнения нельзя рассчитывать на успех. Сейчас у нас 15 базовых ПТУ, из которых на наши предприятия приходит ежегодно более 5 тысяч молодых рабочих, причем уже достаточно квалифицированных. В отрасли есть 5 средних специальных учебных заведений. В них сейчас обучается более 6,5 тысячи учащихся, солидная часть — без отрыва от производства. Это наш ближайший резерв, который пополнит корпус наших мастеров, начальников цехов, участков.

Один из важнейших моментов в жизни молодого рабочего — первый шаг в самостоятельной трудовой жизни. Будет ли его поступь твердой, во многом зависит от того, кто находится рядом. Вот почему в отрасли широкий размах приобрело движение наставничества. Наставников у нас сейчас более 9 тысяч. Среди них как прославленные ветераны, Герои Социалистического Труда, лауреаты Государственных премий, так и те, кто еще сам начинал недавно, — члены комсомольско-молодежных бригад, лауреаты премии Ленинского комсомола.

На наших предприятиях привилась новая форма обучения передовым методам труда — «Школы лауреатов премии Ленинского комсомола». Сейчас их у нас уже 19. В этих школах молодые рабочие убеждаются, что добиться успехов в работе по силам каждому, возраст здесь не помеха.

Да, проблема кадров у нас в отрасли стоит достаточно остро. И ни для кого не секрет: один из путей ее разрешения — создание хороших жилищно-бытовых условий молодым труженикам. Жилье необходимо — значит, его нельзя не строить. Желательно как можно быстрее и больше. Стараемся сделать все,

что в наших силах. У нас уже сейчас есть современные молодежные общежития более чем на 15 тысяч человек. В XI пятилетке мы планируем ввести в строй еще ряд общежитий — на 5,5 тысячи человек.

В последние годы на наших предприятиях довольно заметно снизилась текучесть. Это, конечно, радует, но успокаивать не должно. Все-таки текучесть остается еще достаточно высокой по сравнению с некоторыми другими отраслями. Но у нас есть предприятия, где упорная работа по стабилизации трудового коллектива приносит хорошие результаты — например, «Нежинсельмаш». Этот опыт мы стремимся сделать всеобщим достоянием.

Теперь, когда развернулась всенародная работа по выполнению Продовольственной программы, работа на наших предприятиях — работа на переднем крае. Решать главную проблему десятилетия — что может быть почетнее и ответственнее?

В нашей отрасли — как на новых, так и на предприятиях, переживающих реконструкцию, техническое перевооружение, — молодых ждет работа над механизмами и машинами, которые по своим параметрам и сложности превосходят самые современные автомобили — такими, как самоходный кормоуборочный комбайн КСК-100 Гомельского завода, ни в чем не уступающий лучшим мировым образцам. Или над огромными, похожими, если хотите, на ракеты, но легкими агрегатами витаминной травяной муки АВМ-1,5. Пропущенная через такой агрегат трава не только обогащается витаминами. Ее очень просто хранить — можно в брикетах и гранулах, ее раздачу легко механизировать. Недаром в хозяйствах, где этими агрегатами пользуются, говорят, что без них теперь как без рук. А на других предприятиях молодых ждет работа над небольшими ручными косилками для неудобий и приусадебных участков. Любой сельский человек скажет, как нужны они. Установки для доения и первичной обработки молока, кормораздатчики и погрузочные средства, стогообразователи и пресс-подборщики, комплекты машин не только для животноводства, но и овцеводства, птицеводства — вот наша номенклатура.

Проблемы, связанные с молодежью, на различных предприятиях схожи, но и отличны. На одних большинство составляют городские ребята, на других больше выходцев из села. Одним срочно нужно жилье, другим, живущих за городской чертой, волнуют проблемы транспорта. Среди тех и других кто-то стремится продолжить образование, а кому-то важнее как можно быстрее набрать мастерство, повысить квалификацию. Нам нужно уметь понимать всех. Создавать условия для каждого.

Еще очень важный момент. Мы не просто машиностроители. Каждый труженик отрасли должен строить работу исходя из того, как будет действовать его машина в поле, на ферме. Значит, наши машины обязаны быть надежными. Когда на ферме или птицефабрике выходит из строя оборудование — потери невосполнимы. Нужно повышать производительность, но не усложнять оборудование — не везде еще на селе есть кадры достаточной квалификации, способные обслуживать очень сложные механизмы. Особое же внимание должно быть обращено к выпуску машин по единому стандарту, комплектами, они должны быть неразрозненными, а соединяемыми в единые технологические линии. Из всего этого следует и то, что сейчас нам необходимы молодые специалисты именно по сельскохозяйственному машиностроению. Знающие село, его нужды и возможности.

Таковы наши заботы и задачи. На предприятиях отрасли закладывается основа будущих наделов и привесов. База, без опоры на которую невозможно успешно работать над Продовольственной программой. Исходя из этого мы работаем сегодня, определяем свои планы на завтра.

¹ См. «Смену» № 23, 1979 г.

Стоим с Толиком Краснухой, старлеем (старшим лейтенантом, или, как сам он себя рекомендует на иностранный манер, лейтенант-командером), на железном дне баркаса, идущем на полном ходу через бухту к крейсеру, вокруг плеск и блеск, брызги и ветер, наши лица почти вровень с поверхностью моря — забавное ощущение и интересный ракурс: так должны видеть мир рыбы, высунувшиеся из воды. Море, море, вот и море! Мы идем ходко, и матрос-крючковый с багром, картинно изготавившись ошвартовываться, в своей белесой робе, обдутой ветром, с летящими ленточками бескозырки, возвышается во весь рост высоко над нашими головами, наклонясь вперед, как юный летящий бог. В просторном чреве баркаса еще всего лишь трое матросов с ящиками явно продуктового содержания, с болгарскими клеймами, и двое других офицеров. Громада крейсера близится, а берег быстро уходит назад, поворачивая перед глазами всю панораму центра города понизу и на холмах.

Старлей Краснуха мал ростом, рыж, порывист, говорлив. С самого начала — мы только вышли на площадь, покинув прохладные коридоры и лестницы штаба флота — он дал понять, что недоволен поручением: провожать художника на корабль, быть то ли гидом, то ли нянькой; и что они уж выдвинулись здесь, на флоте, немало художников, артистов и поэтов, даже знаменитостей.

Я и без того провел в штабе два битых часа, пока морское начальство изучало мои документы и согласовывало, на каком корабле разрешить мне побывать. А тут еще лейтенантик фыркает, — между прочим, нетипично для флотского гостеприимства. «У меня мало времени, старший лейтенант, — пришлось сказать ему, — у вас тоже, будем взаимно вежливы». Краснуха не ожидал такого тона. Даже остановился и, опять фыркнув, но уже не без смущения сдвинул вверх свою белоснежную фуражку с сияющим «крабом». Я приостановился тоже, глядя на него искоса. В следующую секунду мы не удержались, рассмеялись, слава богу. Он протянул руку, я свою.

А еще через полчаса на Минной, на причале, ожидая в тенечке баркаса с крейсера, — мне разрешили для начала побывать на учебном корабле — мы уже вволю дымили сигаретами и чесали языки, небрежничая и спеша показать друг другу, как мальчишки, что один не меньше другого знает. Я сидел на камне, на своей кипе газет, купленных в киоске, с которой никак не мог расстаться, а Краснуха стоял передо мной. Я забежал все же в гостиницу за своим планшетом для рисования, — ящик стоял у меня в ногах. Из нашего разговора ясно было, что у Краснухи в Москве и Ленинграде все свои, он «вхож куда хошь», а меня здесь, на флоте, тоже с детства знают (с моего послевоенного детства), адмиралы по головке гладили, а мой отец на этом вашем крейсере, куда мы сейчас идем, самого командующего эскадрой в бильярд обыгрывал. «Бильярд-то стоит еще в кают-компани?» — небрежно спрашивал я, и Краснуха пасовал: щелчком сбивал вверх фуражку и взглядывал на меня потрясенно.

И вот так, в разудалом, небрежном тоне всезнайства я, уже стоя в баркасе и прикованно глядя на вздымающуюся из воды гору крейсера — мы пошли к нему напрямик, как птица летит, — бросил что-то скептическое насчет корабля: мол, такие посудины уже непригодны в современной войне.

Старлей Краснуха, взяв тот же тон, называл, хоть и помягче, крейсер «железякой» и «старой галошей». Мы соревновались, как два дурака, в остроумии и тем потешались.

ХУДОЖНИКИ

Громада крейсера, однако, приближалась все быстрее, и ее величие гипнотизировало. Память моя пузырилась, как нарзан. Я все это уже видел когда-то, так же отчетливо, как теперь. Я умолк, дав старлею понять, что хочу взглядеться. И даже отступил на шаг, завороченно глядя на корабль, различая все больше деталей и все сильнее закидывая голову.

Мы обошли крейсер с кормы, лихо кренясь, поднимая белый бурун позади. Вот уже попали в тень корабля и нацелились прямо на сквозной, косо прилигший к борту и чуть не достающий до воды забортный трап.

...Мой отец, веселый и белозубый, в белой офицерской форме (в приталенном кителе, а не в свободной рубахе-форменке навывуток с галстуком, как теперь одет Краснуха), стоял сейчас со мной, держа меня, семилетнего, за руку. И по трапу он тоже пойдет сейчас, подбадривая, помогая шагать по таким ненадежным, на взгляд, ступеням, — они обрываются прямо в плещущее под нами море. А потом подхватит на руки, спасительно прижав к себе, понесет и вынесет на самый верх, поставит на горящую солнцем палубу, которая пахнет надраенной рейкой, будто вымытый дома пол. И я окажусь в ногах людей, так же сверкающих, как отец, белыми кителями, фуражками, золотыми пуговицами, кортиками и погонами. Одетый тоже в матроску, в настоящую, а не детскую, магазинную, в бескозырку с лентами, я тоже буду на общую потеху отдавать честь дневному с голубой повязкой на рукаве, с черной кобурой пистолета у пояса.

Не знаю, что это был за праздник, День флота или прием по случаю награждения, но на крейсере царил обстановка бала, кругом цвели нарядами офицерские жены — тогда еще веера не вышли из моды, — и стояли чинно наряженные дети, девочки в бантах. Мой отец никогда не служил на крейсере, но тоже оказался в числе приглашенных, — значит, скорее, это был общевфлотский праздник. Но держался он там по-свойски, как среди своих, всех знал. (Была ли с нами мать, не помню, надо будет спросить ее.)

И отец действительно играл на бильярде — помню свою душеразпирающую гордость за него, когда он, собранно и весело, ходит без фуражки, с киём в руке вокруг огромного стола, а по сторонам белой стеной густо стоят моряки, «болеют». А противник у отца — громадного роста офицер, который кажется самым главным, адмиралом, потому что он все время громкогласно говорит, будто угрожает, всех смешит, дымит папирисой, кладет шары страшным трескучим ударом. А потом, когда все аплодируют, поздравляют отца, сверкающего улыбкой, замачивается шута на отца золотым кортиком, который отстегивал на время игры, а теперь снова прилаживает под пузо.

Счастье, свет, флаги, ордена, улыбки; чайки порхают; вышколенные вестовые разносят шампанское среди бела дня; женщины вскрикивают и прибивают ладоняминизу взвывающиеся от ветра платья. Пусть лежит рядом город в белых руинах, и лоза еще еле пробивается из забитой железом и обугленной земли, пусть мало осталось тех, кто собрался здесь прежде, до войны, — все равно надо жить, смеяться, греметь оркестру, держать на лицах отсвет победы и надежд, а не утрат и горя. Потому что горе слишком велико, чтобы сместь жить с ним.

Я поднимался теперь по трапу, и он скрипел подо мной так привычно, будто я ступал по нему лишь день назад. И так же пахла деревом залитая солнцем палуба, опять выскобленная до белизны, будто деревенский стол радивой хозяйкой. И дневальник — руку под козырек, с голубой повязкой и пистолетом, извинившись, просил развернуть мой злополучный газетный сверток, зашмыганный руками, и открыть мой этюдник.

Краснуха, ступив на палубу, сделал движение, нырнув будто рыба в воду, и потащил за собой, козыряя на ходу, перекидываясь приветствиями с матросами, с офицерами, которые не без любопытства глядели на мою штатскую и даже несколько пижонскую в белых узких брюках фигуру.

А я опять с нарастающей жадностью глядел на весь в самом деле старомодный простор юта, на койс, кормовой флаг, который мы только что видели снизу, на множество замечательных корабельных вещей: кнехты, скобы, леерные стойки, трапбалки, крышки люков с задрайками, вентиляционные раструбы, рубки и мачты с марсами — все оказалось в удивительной близости, а не в привычном удалении, как мы видим это с берега. Десятки матросских фигур в робах, скоро-скоро топчущих башмаками, занятых совершенно непостижимой на первый взгляд, но типично муравьиной деятельностью, — какая-то группа непременно тянет дружно что-то за канат, а какая-то набрасывает на что-то или стаскивает с чего-то брезент — мелькали в глазах, как кадры из многожды виденного фильма, и плотная фигура мичмана, руководящего работой-учением, зычногоголосого, со свирепой и усатой физиономией, совершенно напоминала героев Станюковича или Новикова-Прибоя.

Печать старины, даже вполне определенного стиля, «либерти», модерна начала века, нежели модерна нынешнего, неуловимо чувствовалась во всем. Меня поразило, как боевой корабль, неся на себе отпечаток дизайна, может походить на старый дом — представьте себе отель «Метрополь» с мачтами и башнями главного калибра.

Впрочем, Краснуха не дал мне вникнуть в картину корабля по-настоящему (хотя уже на ходу мне попались два-три лица, которые так и просились на карандаш) — он потащил меня внутрь, в узкие коридоры и на внутренние трапы. И еще через минуту мы уже входили в каюту-кабинет замполита корабля, капитана первого ранга Ивана Федоровича Соловьева, о котором Краснуха успел сказать, что он мужик ничего. Из-за стола поднялся плотный, с широким красным лицом человек, уже в летах, с седым зачесом. Он крепко пожал мне руку, не смутясь моим праздным видом, который, кажется, смущал больше меня самого, предложил садиться.

— Доставил? — спросил он Краснуху вроде полушутя, показывая, что расположен к разговору свободному.

Старлей откозырял улыбкой.

Замполит сел на свое место, взял мое командировочное удостоверение, журналистский билет. Белый вентилятор бесшумно вращался на подставке, в круглое окно сияло южное небо.

— Хорошо, что доставил, — говорил между тем замполит, показывая, что он вроде и не смотрит в мои документы, а продолжает, уже начал разговор, — мы любим, когда про нас пишут... А уж еще и портреты... — Тут он остановился и поглядел на меня, чуть откинувшись. — А ну-ка, ну-ка?.. А вы... ты не сын ли Алексея Павлыча? Алекси?.. — Он назвал фамилию моего отца. — Ну, точно же!.. Краснуха! Ты погляди, кто это!

И Иван Федорович Соловьев, голос которого, лицо и манера тоже неуловимо мне кого-то напоминали, опять пошел из-за стола, хлопать меня по плечам, разворачивать к свету, как Тарас Бульба сына Андрия, — искать во мне того, кого уже давно не было и повторить было бы невозможно.

— Все дадим! — шумел чуть позже Иван Федорович. — Создадим творческую обстановку! Каюту найдем, на довольствие поставим! Как, Краснуха? Ты мне отвечаешь за него головой, понял?.. Ну, Володя! Ну, браток! — Он обращался ко мне. — Ты мне всю душу поднял! Как фонтан, брат, как фонтан!..

— Сейчас обед как раз, — говорил затем Иван Федорыч, — пойдем, представлю тебя личному составу. Как, Краснуха?..

Я стал отнекиваться, ссылаясь на свой небрежный наряд, намекать, что мне надо еще обязательно быть к вечеру в городе.

— Все успеешь, все! День велик! — Иван Федорович уже выключал на ходу вентилятор и снимал с крючка на стене фуражку. — Восемнадцать минут еще есть, можем пока поглядеть кое-что, для первого знакомства. Ну! Как фонтан, брат, как фонтан!

Он чуть не в обнимку повел меня перед собою, и мы втроем отправились по кораблю.

...Чудеса! Лежу, отдыхаю в своей каюте, постукиваю по своей дурной привычке ногтем по зубам, читаю, наконец, газеты. Правда, не понимаю ничего, не входят в меня чужие слова. По корабельному радио идут вызовы, распоряжения: такого-то туда-то, к тому-то срочно. В каюте жарко, «ташкент», как сказал Краснуха, иллюминатор открыт, он глядит на палубу, и в него заносит корабельные запахи краски, борща, гречневой каши. Пол и койка мелко вибрируют от работающих в недрах корабля машин.

Настраиваюсь, готовлюсь, планшет белеет ватманом. Сейчас Краснуха приведет матроса, которого я углядел накануне на баке, где «годки» и «салаги» курят после обеда и дуются, как повсюду, в «козла» (о домино, великая игра нашей эпохи!). Я

КОРАБЛЬ

переполнен новыми словами: бак, салаги, гюйс, кавторанг; перенасыщен впечатлениями: лица, фигуры, обед в кают-компани, знакомство с офицерами (с каждым за руку, запоминающий взгляд, характерные детали), вертящееся кресло, длинный стол, отсутствие командира, попытка Ивана Федорыча разговорить меня, расписаться о столичных новостях. Мальчишеское хвастливое чувство причастности к кораблю, к флоту, к оружию — я уже играю в выправку, в морскую походку и прищур, голову мне сжимает невидимая фуражка, и твердеют на плечах невидимые погоны. Но вместе с тем вечный корабельный компот грустно пахнет детством — точно такой давали когда-то на отцовском тральщике; кают-компания старинна и строга, как фойе МХАТа, и в глубине ее, позади меня, зеленеет суконным полем принайтованный к полу бильярд, — я не ошибся.

Я чуть раскис и увял, это верный признак, что довольно набирать, «полна коробушка», пора начинать работать. Да я уже и работал, глядел на офицеров и матросов не праздно, а с прицелом и уже выбрал кое-кого.

Разумеется, как всегда, начальство само выделит и предложит свои кандидатуры «отличников боевой и политической подготовки», я могу и не трудиться выбирать. Но обычно, бывая, как теперь, в армии, на стройке, в деревне, на заводе, я, конечно, делаю десятки набросков «для себя», и из них непременно что-нибудь подверстывается потом к тем, что официально предложены и завизированы. Среди «отличников», само собой, бывают и замечательные лица.

Да и вообще не дело художника капризничать и писать только то, что закажут. Все великие картины были написаны для заказчиков. К а к м ы это делаем — вот это зависит от каждого, это наша кухня, манера — есть человек, «стиль» — это человек. Но уметь надо все.

Я люблю свою работу. Я увлекаюсь, я только этим, может быть, и живу. Но отчего же моя продукция так себе, невысокого качества? Я знаю, почему: меня не интересует результат. То есть даже не так: натура все еще занимает меня больше, чем отражение, вот в чем дело. А мир — всего лишь материал для художника, а не пища — съеденного винограда не напишешь.

Ну, например. Вот я приглядел матроса, который сейчас придет. Юное, тонкое, осмысленное мелькнуло в его взгляде, но вместе с тем опытное, раннее и горькое. Лицо узкое, правильное, линии чисты, схватить их ничего не стоит, всей работы на час. Я вырву его из привычного ему потока, выдерну, как рыбу из воды, и заставлю, если уж продолжить сравнение, немного повисеть в воздухе на крючке или поплавать в стеклянной банке. Казалось бы, что такого?..

Но вот уже теперь, пока он не пришел, я вступил с ним в некую таинственную

связь. Рисуя, я разговариваю с ним и узнаю его жизнь. Люди относятся к художнику, который их рисует, как к врачу, легко отдают себя нашему вниманию. Только слишком сильные натуры начинают сопротивляться, скрывать свою суть, подставлять вместо себя некий иной образ, который им кажется наиболее в эту минуту им идущим. Сильные натуры сильнее волнуются.

И правильно. Потому что позирование — тревожащий и, как ни странно, всегда этапный для натуры момент. Все художники немного мистики именно потому, что снятие изображения и выявление сути (я тоже в этом убежден) есть тайна. И уж точно тайна — перенос частицы жизни в жизнь изображения. Во-первых, я обязательно «обдираю» натуру, во-вторых, сам выкладываюсь, обдирая и себя тоже, и портрет не заживет сразу, если не ободрать. Вот это и есть главная связь, почти слияние, близость.

Мои-то портретики пустяки, ученичество или халтура (да извинят меня те, кого я рисую), но процесс тот же, и я думаю, что знаю то же, что знают и испытали великие мастера, которым удавалось схватить самую душу изображаемого.

Вот эта-то чужая душа, которую я так или иначе вызываю, которой касаюсь и которую не умею переселить в изображение, остается на полпути между хозяином и портретом, а это полупутье как раз и есть я. Как-то так выходит, что я беру, а никому не передаю. Представьте себе врача, который бы не лечил обычным способом, изгоняя болезнь, а всякий раз прививал бы ее себе.

Ну вот так и есть. Рисуя, смотрю, разговариваем; Владик уже поуспокоился, привык ко мне, даже юмор появился. Больше всего он удивлен, что на него пал выбор: неужели это начальство, не может быть. Не на таком он счету, чтобы с него лепить портреты. Пришел растерянный, с мокрыми от пота волосами. Краснуха заставил его надеть форменку, брюки, ремень с пряжкой, еще раз пройти по щеккам электробритвой.

Он рассказывает, и его жизнь оказывается в десять раз сложнее и интереснее его физиономии (и моего наброска). И, конечно, неожиданнее любого предположения. Владик Беглов — ялтинский мальчик, музыкант, охотник, пижон, 22 года, вторая труба; девятнадцатилетняя жена и дочка Виола, полтора годика. С восьмого класса — компания, все мотоциканы, «битляне», у всех мотоциклы, ружья. В горы, на охоту. И вдруг армия, призыв. Он «косил», уваливал, женился срочно на Наташке и принес справку, что она беременная, но ничего не вышло, и никакие штучки-дрючки не помогли. «Прощай, Владик! Прощай, радость!» Кто-то пустил слух, что он попадет на север, к океану, в стройбат. А вышло — флот, корабль, юг, Крым. Хотя он всего-навсего подносчик в башне, но зато в музыкантской команде. Сначала неприятности были, письмо пришло из Ялты, подписано «Джонни», где этот Джонни как раз его называл «нищим» и всех их, на корабле, — разбирали на комсомольском собрании, шум был, диспут, крик, и Владик рыдал в кубрике, потому что у него родилась как раз дочка, а его не пустили домой. Он грезил: Ялта, Ялта, а удавалось изредка понюхать берега, сбегать на танцы. Теперь привык, уже второй год, но военным не смогу быть никогда, как не смог быть приборщиком у мичмана в каюте... «А дальше что, Владик? Опять рестораны, оркестр, набережная?..» «Не знаю». Вот то-то и оно. «Уже как-то неинтересно». «Почему?» «Не знаю...» Владик крутил на пальце бесозырку, глядел в пол.

Мы курили, молчали. Зазвонил телефон на стене, с тяжелой ручкой и запорами, чтобы ручку не сбросило при качке. Звонил Краснуха. «Ну как?» Я ответил (соврал): все хорошо. Мол, работаем.

купался, хотя мне тяжело было купаться, нырять, получать удовольствие именно здесь. Освещение делало воду почти черной, а пену волн красной, бурой, кровавого оттенка — и казалось, это плещет, все плещет в море бесконечная, незасыхающая кровь моего отца и всех моих предков, павших на этих берегах.

Это, может быть, мое самое дорогое место на свете. Я хотел бы, чтобы меня похоронили здесь или развеяли над этой водой мой пепел. Открытое море, бескрайнее небо, простор и вечный ветер, сухая земля, колючки, вереск, силуэт развалин старого собора. Здесь почти всегда пустынно, здесь лежат и стоят древние, как наша, взявшая начало от Греции цивилизация, камни, обломки колонн с завитушками. Здесь ты делаешься мал и ненужен относительно открытого пространства и беспредельного времени, — не то чтобы не нужен, но ни ветру, ни морю, ни небу — это ясно — абсолютно все равно, есть ты тут или нет, стоишь ты или плывешь, рвешься или уходишь в море навсегда. «Равнодушная природа», — как сказал Пушкин.

Вечность и вечная память, ветер раскачивает старый корабельный колокол, кузнечик — ему четыреста миллионов лет, и он, точно фантастическое создание завтрашней биомеханики, сидит на дорической завитушке. А завитушке всегонавсего от силы три тысячелетия. И она почти сглажена, почти слилась с камнем, стерлась. А кузнечик жив и ярок.

О художники, соперники вечности, все проходит все равно. Нет, все-таки завитушка лежит, ничего не осталось, а она лежит, а сделала ее не Природа, а руки ваятеля, такие же, как мои.

Я шкурой ощущаю на этом месте тайну жизни — тайну этих обрывов, водоворотов, взлетающих волн, прозрачного дна, испянного разномастными камнями. Тайна в том, что никакой тайны нет, все просто: приходит день, потом ночь, опять день. Колокол, колонны и тут же набитые среди кололочек и сухой травы вечные человеческие тропки, выходящие с холма на холм. Высокое место, здесь неуютно думать о командировочных, об ужине, о калыме, о выпивке — впрочем, выпить берет охота, хватить сразу стакан водки, сесть в колючках одному, охватить башку руками и замереть. Ведь и мой отец канул в это море, и его гроб несли по улицам пустым, лишь с его фуражкой наверху.

Утоплюсь к черту, приеду сюда однажды и утоплюсь, если не стану самым лучшим художником!..

...Мы сидели в ресторане, официант Костя в галстике блестящими общается с нами, как свой человек. Меня продолжает нести, крутить, колотить изнутри страстное, веселое нетерпение, предчувствие и отчаяние, тайная и сильная тоска. Что это? С чем я прощаюсь и куда ухожу? Что нашел и что теряю? Я не закрываю рта, острою, потешаюсь над танцующей публикой и тут же едва не плачу: слезы вдрут навертываются, как у старика.

Ночь ступила на землю, за окном, над морем опять зияла низкая луна над самым горизонтом; народ в легких платьях, в летних рубашках плясал рок под саксофон и барабаны, и выкрикивали с эстрады мальчики свои «лав», «лайк», «ми», «ю». Такие же, как я, халтурщики размалевали ресторан на древнегреческие мотивы, терракотowymi многovesельными триерами, дельфинами, мускулистыми бородачами в сандалиях и нежными девицами в туниках — я оттолкнулся и от этой мазни, унеся в древность: как прекрасна-легка наша мысль, путешественница во времени! «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос...» Что я говорил, зачем, сам не знаю. «Между прочим, — проповедовал я страстно, — двадцать пять веков назад здесь кипел город, и это был город-республика! На него нападали скифы, но он выдерживал набег и осаду. Легкие греческие корабли шли на подмогу своим, и никто никогда не мог одолеть этот город — он горел и поднимался из пепла, пережил саму Грецию, и Рим, и Византию, — никто и никогда, кроме Времени, — тяжелый шаг Времени тяжелее римских когорт и топота скифской конницы. Ты знаешь, что такое Время? Ты вообще ощущала когда-нибудь, как оно бежит, уходит, снимается с твоего крыла? Я не знаю, сколько мне лет, тридцать, или десять, или сто, но я стал понимать время. Время уходит, уносится, течет между пальцев, что делать? Не вечны даже вечные города. Представь, жизнь кипела здесь двадцать пять веков подряд, какие были люди, страсти, истории!»

Я говорил и говорил и сам видел, ясно, как на картине, синий воздух над морем, деревянные эскадры, водопровод — цементные желоба, бегущие через сухую колючую степь; тесный порт пах рыбой и парусами, мясным дымом жаровен, торг выплескивался с площади в прилегающие белые улочки, мужи сядились на инжир и виноград, мычали волю, черноглазые носатые гречанки несли на плечах длинные кувшины, бородастые Одиссеи катили по сходням черные бочки с вином. «...Десять веков назад здесь уже стоял театр на три тысячи мест, а? Не эта эстрада! И не эти «лав, бай, тейк, гоу» вопили, а выходили громоголосые актеры на котурнах, в масках Жизни и Смерти говорить о высоком, о вечном, о Времени! И, между прочим, рыба была в ихних харчевнях, друг Костя, а не воюющий эскалоп, извини, конечно, хорший ты парень, но унеси эту дохлатину, давайте лучше разведем это густое вино артезианской водой, как делали древние, и умакнем в него лепешку, то бишь хлебушек, родимый наш хлебушек; желтый и сухой от кукурузы?»

Что я плел, что я собирал отовсюду, точно уличный рапсод?

Я не был пьян, моего возбуждения не могло одолеть сегодня никакое вино, сколько я ни пил, — мне хотелось дальше, дальше: куда? Я не знал.

Я опять держал речь о нерасторжимости времен, о колоннах древних храмов и рыбацких плавбазах, о нас, живых, и о тех, чьи имена лишь дрожат в воздухе, когда мы произносим их, — но, стало быть, тоже хоть отчасти живых, я соединял несоединимое и различал соединенное навсегда. В открытые окна машины летел густой и жаркий ветер ночи, женщина смеялась и улыбалась мне, и глаза ее посверкивали из темноты кабины, как глаза кошки.

Так я болтал, шумел, вдруг понял: все, ура, я придумал картину!

Я нарисую Владика Беглова и еще Ивана Федоровича Соловьева. И Красуху. Я буду жить на крейсере, впитывать в себя жизнь, я соберу потом их группой на фоне города и моря, как они стоят на палубе, я сделаю крупно и ярко лица, белые бескозырки, черные ленты, черные козырьки, — все это будет пробито солнцем, и в каждом лице будет своя жизнь, своя биография, — если нужно, я даже намельчу, на миниатюру кучу маленьких персонажей, унижу ими весь берег, весь воздух, точно эльфами, чтобы мир и жизнь проступили через форму военного флота, люди с их маленькими дочками, юными женами, родителями, братьями, памятью о древних греках и тех, кто взлетал на минах годы спустя после войны. Долг — вещь сознательная, отчего же жизнь бессознательная? Я должен написать не просто портреты, но мысль, мысль. Может быть, я еще не очень хорошо ее знаю, но она близка, я чувствую: идея рождается из материала, а не наоборот, я хочу не подчинить, а подчиниться мысли — той, которая вызревает сама, вот что важно.

Нет, не зря летит и тянется без конца этот мой долгий день, все не зря, все зачем-нибудь нужно, мы только не всегда знаем, зачем, не понимаем. Все нужно, все важно. И это натяжение моих нервов, и встреча с Галей. И то, что мать на аэродроме провожала меня в наш с нею город, тоже важно. Все это одна картина, моя, мой мир, я пишу его собою, люблю его и жажду поднять высь и спасти от суховерья Времени. Пусть будет, пусть вечно живет.

В № 12 «Смены» за прошлый год состоялся дебют молодого поэта Анатолия Бочинина. «Работаю во Владивостокском порту... Отца и матери не помню, рос в детдоме...» — писал он о себе. Стихи Анатолия привлекли искренностью, эмоциональностью, обостренным ощущением жизни во всей ее многосложности. По душе они пришли и нашим читателям — об этом свидетельствовали отклики. Анатолий Бочинин стал лауреатом премии «Смены» за 1981 год.

Редакция поддерживает постоянные творческие контакты с начинающим поэтом, и мы предлагаем вниманию читателей подборку его новых стихотворений.

Анатолий БОЧИНИН

*Все так же ветер за кормой
Свистит надрывисто и бойко.
Все та же мачта надо мной.
Все тот же кубрик. Та же койка.
Все небо заревом горит.
Душа высот не сторонится.
Там чайка белая парит
Из книги вырванной страницей.
«О чем грустишь? Трюм рыбой полн.
Живется вроде бы не плохо», —
На языке прохладных волн
Со мною шепчет эпоха.
А я молчу. Я в думах весь.
Что же могло со мной случиться:
И масло есть, и сахар есть,
А мне вот хочется горчицы?
Вон и олады на столе...
Чем ни румяней, чем ни слаще,
Тем, как ни странно, черный хлеб
Мне вспоминается все чаще.*

*Ноябрь месяц. Первый снег
Кружит над улицами Спасска.
И все былое, как во сне,
Ушло из жизни в черных красках.
Вокруг так мило и свежо.
Душа волнением богата,
Как будто розовый снежок
Признал во мне родного брата.
Тенистый парк. Скамеек ряд.
С тобой под тополем сидим мы.
И ты вздыхаешь, бросив взгляд
На мои первые седины.
А ночь светла — хоть свет туши.
И мне так хочется, ей-богу,
Как сена стог, разворошить
Всю свою жизнь.
И в путь-дорогу...
Бьет в лоб пространство. Полбеда.
Мне бы испить весь мир однажды.
...Луна, что капелька воды
Над умирающим от жажды.*

*Уже умолкли шквальные раскаты.
Ни гроз,
ни бурь за финишной прямой.
Лишь волны, как бывалые солдаты,
Шеренгами проходят за кормой.
А в стороне,
где черный буреви́стник
Врезался в шторм с крутого виража,
С тяжелым грузом
выстрадавшей песни
Плывет вдоль бухты
Старая баржа.*

*Вновь за окном метут метели.
Вновь сопки мрачные вокруг.
Находок нет. Одни потери.
Работа валится из рук.
Как будто мне на старую клячу
Пришлось познать огонь и дым:
Обжечь глаза и стать незрячим,
Обжечь язык и стать немым.
Искусство, трудное искусство,
И так, а после эдак мнет,
Оно меня от мысли к чувству
Путем неведомым ведет.
Сегодня здесь, а завтра где-то...
И новый год, как знаем мы,
Ведет отчет своей не от лета,
А почему-то от зимы.
Зима... Зима... Ты сам поверишь
В ее морозные тиски:
Когда прижмет, и не заметишь,
Как бросит иней на виски.*

Память ветерана

*То не смола,
то слезы стройных сосен
Волнуют небо в буднях штормовых.
И тихо-тихо всхлипывает осень
О всех друзьях,*

*которых нет в живых.
Враг наседал и с моря и с Амура.
И я свой мир рассматривал с низов.
Во мне стучало сердце Бонивура.
Во мне жило величие Лазо.
Я шел на восхождение прямое.
Врывался в пекло огненных атак.
Сам погибал, но думал о Приморье.
Все было так.*

*Все было только так.
Слезамы раны штопал, когда вновь
Через бинты просачивалась кровь.
А в сорок первом,
в страшном сорок первом,
Когда от мук обугливались нервы,
Снаряд как жажнул!*

*И осколком в грудь...
Но не последним в жизни
был мой путь.
Я тот осколок и зимой и летом
Ношу в карма́не
вместе с партбилетом.
Пахать и сеять людям не впервые.
Но если в бой потребуется вдруг,
То все мои заслуги боевые
На щит подымет сын мой или внук.
В родную землю,*

*в глубь уходят корни,
Каким бы ни был пущенный росток.
Мужая в бурях, сопками Приморья
Россия строго смотрит на восток.*

*Из всех картин, какие есть, —
Одна, как боль щемящая,
Как злом поруганная честь,
«Аленушка» скорбящая.
Былое вспомню — не пою.
В душе темно, как в кратере.
Я в той девчонке узнаю
Судьбу покойной матери.
Чтоб не сойти от мук с ума,
Мне бы вот так у озера
На шею камень... Да зима
Ту прорубь заморозила.*

Экспедиция «Смены»:
Западная Сибирь —
факты, проблемы, люди

И ТОГДА МИР УСЛЫ

О советской стратегии освоения Сибири и Дальнего Востока «Смена» рассказывает уже многие годы.

Сегодня наш разговор — о центральной стройке пятилетки, крупнейшей стройке XX столетия — системе магистральных газопроводов, берущих свое начало в Уренгое.

«Визитная карточка» лишь одной из запланированных ниток — трансконтинентального супергазопровода Западная Сибирь — Западная Европа — выглядит так:

4451 километр трассы;

150 километров в вечной мерзлоте Приполярья;

700 километров в труднопроходимых болотах;

2000 километров через леса;

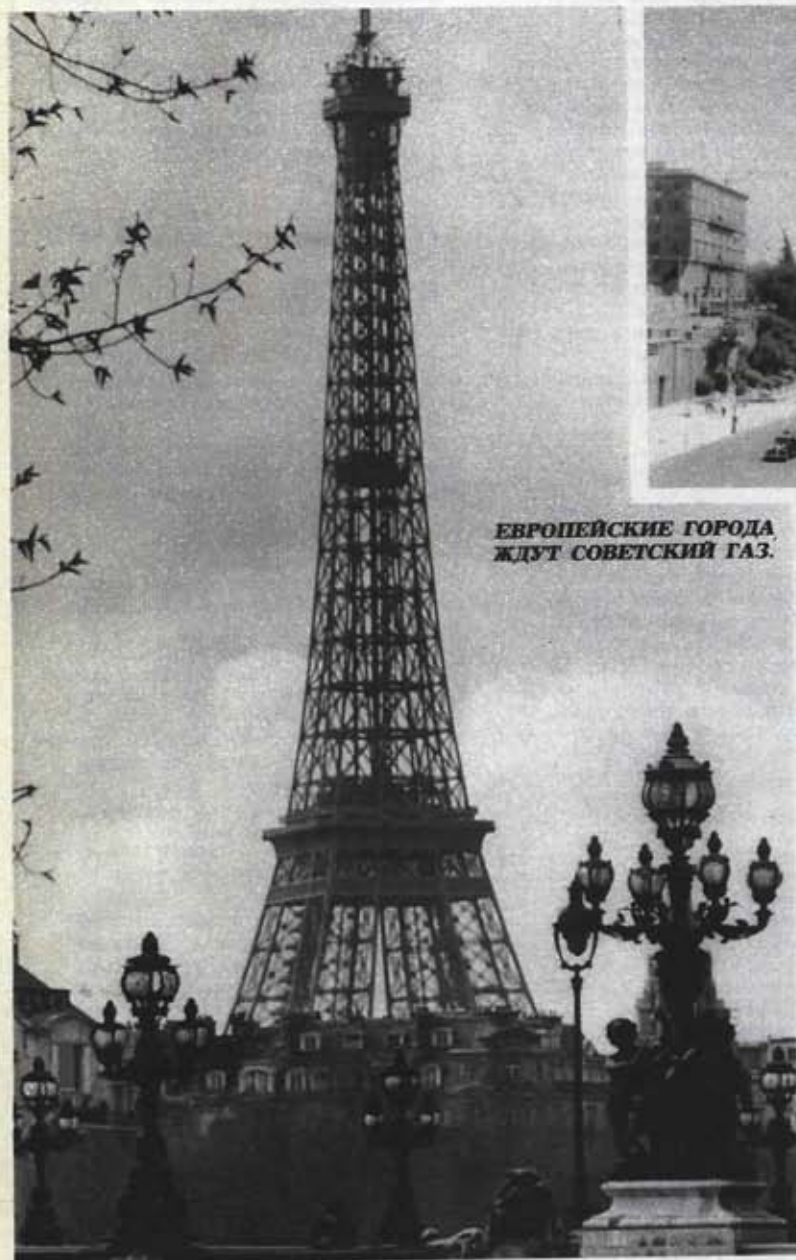
545 километров по горам Урала и Карпат;

трасса пересечет более полутысячи больших и малых рек, ее

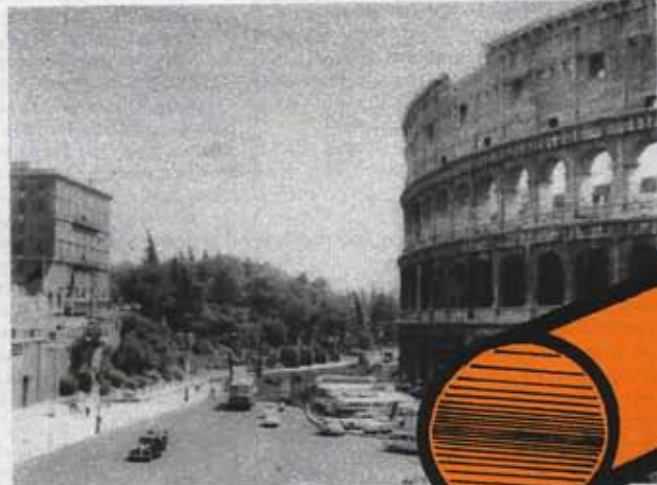
200 километров будут находиться под водой;

более 400 раз строителям придется форсировать шоссейные и железные дороги;

диаметр труб — 1420 миллиметров.

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОРОДА
ЖДУТ СОВЕТСКИЙ ГАЗ.**

**Генрих ГУРКОВ,
Валерий ЕВСЕЕВ**

Причудливые изгибы и прочерки северных рек и речушек, разбросанные бесконечными точками и запятыми озера, темная щетина чахлах лесов, уходящих за горизонт, — типичный пейзаж севера Западной Сибири. Чем дальше к

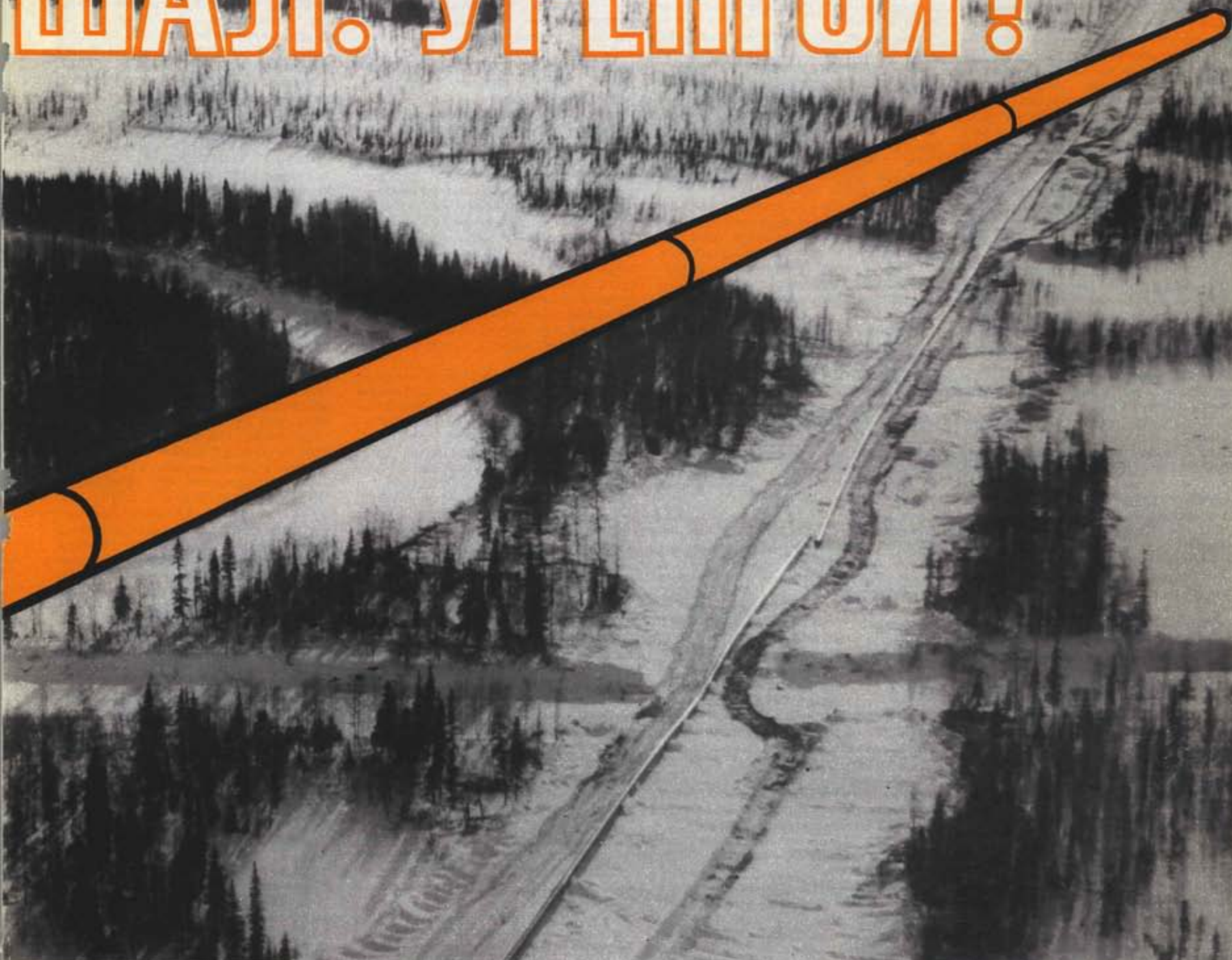
Полярному кругу, тем меньше деревьев. Их ветки, скрученные ветрами и морозами, — жесткая, своенравная графика, творение суровой здешней природы. Зимой тут минус 50, а то и побольше. Зима долгая. В этих местах говорят: «Июнь — еще не лето, июль — уже не лето».

На первый взгляд — унылая, однооб-

Один миллиард кубометров газа в сутки —
к этому рубежу
идут газодобытчики Тюмени.

ШАЛ: УРЕНГОЙ!

разная картина. Но, присмотревшись, начинаешь улавливать в ней некую размашистую живописность. Однообразие тундры — как однообразие океана. Разве похожа волна на волну?

Но не только пейзажные ассоциации заставили нас вспомнить о волнах.

Как вал цунами, обошла в свое время планету весть об открытии в этих местах залежей подземного топлива.

21 сентября 1953 года.
6 июня 1966 года.

22 апреля 1978 года.

Мы не случайно столь торжественно, с красной строки представили эти даты. Выпишите их, запомните! Поскольку именно в них — первопричина того, что сегодня Европа и весь мир связывают с понятием «Уренгой».

«Мы все поднялись на ноги. Кто мог точно знать, что случилось? Участко-

вые милиционеры ходили по домам, просили не зажигать света, не жечь огня. Шум от буровой стоял ужасный, и дрожала земля. Естественно, район буровой был оцеплен и охранялся для безопасности. Вдруг к нам является Роман Ильич Самарин, начальник милиции: «У тебя аппарат на мази?» А надо сказать, что знакомый фотокорреспондент «Крыльев Советов» регулярно снабжал меня пленкой и реактивами, и я фотографировал для семейного альбома. С «лейкой» меня пропустили к буровой...»

Тот снимок, сделанный 21 сентября 1953 года Григорием Дмитриевичем Добровольским, учителем из тюменского села Березово, стал достоянием не семейного альбома — истории. Именно в тот день на берегу таежной речки Вогул-

ки, близ райцентра, до той поры известного большинству лишь по картине В. И. Сурикова «Меншиков в Березове», ударил газовый фонтан первого открытого в Западной Сибири месторождения.

Поколению двадцатилетних, пожалуй, трудно и представить себе, что когда-то про Тюмень и в газетах почти не писали и песен не пели. Подъезжая к нынешнему областному центру, редкий пассажир поезда иронически не произносил: «Тюмень — столица всех деревень». А к северу от Тюмени, на громадных заболоченных пространствах, и деревни-то были редки. Мало кого привлекали эти глухие места. Чуть ли не единственное, чем могли похвастаться перед соседями тюменцы, была ценных пород рыба, вылавливаемая в низовьях Оби.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

Так и просится тут рука сама написать некую восклицательную фразу: вот, мол, и не знали они, бедные, что буквально под ногами у них нефть!

И все вроде будет правильно в этой фразе — и то, что бедные, и то, что не знали... Но только все же восклицание, обращенное в прошлое, пожалуй, напрасно. Потому как, если бы и знали крестьяне той поры о необычности своих земель — а они, надо сказать, об этом догадывались, не раз замечая на реках да на озерах маслянистые круги, — то и тогда, что бы им дало это знание? Разве что копилку нефтью заправить — вот и вся выгода. Ведь даже золото, обнаруженное в речках, вытекающих из предгорий Урала, добывать здесь было убы-

точно из-за дороговизны работ. Об этом сообщал в самом начале века авторитетнейший источник — «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона. О нефти и газе на территории бывшей Тобольской губернии в энциклопедии не было сказано ни слова — «в геологическом отношении губерния очень мало исследована».

Но свое дело, видимо, сделала молва, опередившая научные исследования и сообщения в солидных справочниках. Во всяком случае, в Государственном архиве Томской области сохранился любопытный документ, свидетельствующий, что министр земледелия и государственного имущества «позволил установить... десятидневную плату на 1903 год за разведку на нефть в пределах губерний: Тобольской, Томской и Енисейской в размере одного рубля...» Вряд ли сия мера сильно обогатила казну, но для нас важно иное — попытки искать тюменскую нефть были уже давно. Из этого же документа очевидно и другое — искателей «нефтяного счастья» в более южных районах было побольше: не зря же в «пределах области Семипалатинской, Семиреченской и Акмолинской» тот же налог был в два раза выше.

Вероятно, не очень удачными были те поиски, раз до нас не дошло никаких сведений об их результатах. Но попытки найти нефтяную жилу продолжались.

В июне 1932 года академик И. М. Губкин в интервью корреспонденту газеты «Правда» заявил:

«...Мне думается, что пора начать систематические поиски нефти на восточном склоне Урала.

...Эта разведка может увенчаться успехом. Перспективы и значение разработки нефти в этих районах огромны. Добыча в этих районах может обеспечить не только потребности Урало-Кузнецкого комбината, но и всего народного хозяйства СССР».

Вот так говорил академик Губкин за двадцать семь лет до получения первой нефти в этом районе, еще до того, как его гипотеза была проверена практически. Гениальное предвидение? Да. Но опять же, легко сегодня цитировать ученого, уже заглянув в конец учебника, где его именем названы и тюменское месторождение и московский институт. А тогда у Губкина были не только сторонники, но и противники — ученые с не менее громкими именами в науке, которые доказывали бесперспективность поисков большой нефти в Приобье.

А земля, словно уставшая беречь свои сокровища, сама напоминала о них. Вот пример. В министерство нефтяной промышленности восточных районов СССР в 1946 году пришло письмо:

«Неподалеку от моего селения Татарская, в котором я живу вот уже как три года, я начинаю замечать выход на поверхность земли маслянистой жидкости. Признаки таковы: как будто разлитый керосин на воду, а на перекате реки (мель) против этого места сплошное пузырение, показывающее выход газов. Притом такие признаки не в одном месте, вокруг села расположены треугольником... А вот из увала-горы все время сочится вода, такая, как будто в нее налили горячее, сверху покрытая слоем фиолетового цвета. Вот такие и есть признаки. Конечно, точных признаков месторождений нефти я не знаю, а по таким предполагаю, что здесь есть нефть. Прошу Вас сообщить мне точные приметы месторождения и охарактеризуйте мои. Вот все, что я должен был Вам сообщить. Викулов».

Мы привели это письмо, полностью сохранив стиль его написания, процитировали его точно так, как оно было написано 29 июля 1946 года трактористом из Тюменской области Иваном Григорьевичем Викуловым. Сейчас это письмо хранится в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР. Тогда же тракторист Викулов получил в ответ рекомендации, как самостоятельно проверить характер на-

блюдаемых им маслянистых пленок, поскольку «посылка геолога на место выхода пленок для проверки их качества сопряжена с большими расходами и рядом других трудностей».

Ряд других трудностей... Для человека, недостаточно вдумывающегося в историю нашей страны, подобная формулировка может показаться бюрократической отпиской. Но вспомним, что в ту пору всего лишь год прошел с окончания войны; восстановление народного хозяйства только начиналось, и нужно было не семь, а семьдесят раз отмерить, прежде чем вложить средства в тот или иной проект.

Не следует, конечно, искать символику в случайном совпадении цифр. Но как не обратить внимание на такое... Семь месяцев бушевала не поддававшаяся укрощению Березовская скважина, своим ревом словно утверждая право северных широт на особое к ним внимание со стороны геологов.

Но следующая после березовской большая радостная весть пришла из Тюмени только через семь лет!

Все газеты обошла тогда эта фотография — мощный брандспойтом, наполняющим целое нефтяное озеро, бьет труба, отведенная от скважины, пробуренной бригадой С. Н. Урусова, впоследствии Героя Социалистического Труда. Так началось знаменитое Шаимское месторождение.

Затем были Мегионское и Самотлорское, Правдинское и Усть-Балыкское, Мамонтовское и Сургутское... Сегодня этот перечень исчисляется многими десятками названий. Но за каждым из них — долгие месяцы, а порою и годы напряженного труда, бессонные ночи, отчаяние и озарение, за каждым из них — мужество тысяч людей. Открывая новые подземные кладовые, разведчики недр уходили все дальше на север, к самому Полярному кругу.

6 июня 1966 года «увидел свет» первый уренгойский газ. Тогда до него на глубину 1148 метров добралась бригада опытного бурового мастера В. Б. Полупанова. Дебит скважины удивил даже специалистов — больше двух миллионов кубометров газа в сутки.

Но мало только обнаружить месторождение, мало даже, пробурив скважину, дать «голубому золоту» выход наружу — разве что газовый факел зажечь можно. Чтобы газ начал служить людям, надо его доставить в промышленно развитые районы, проложить для этого сотни и тысячи километров стальных трубопроводов, надо провести гигантские работы по обустройству самого месторождения.

Свое реальное начало Уренгой берет в 70-х годах, когда в приполярной тундре появились первые домики поселка — предшественника большого города, будущей столицы тюменских газодобытчиков.

...Лет десять назад, когда Новый Уренгой существовал только в мечтах, от коренных жителей тундры мы услышали легенду о добром великане Тусавэ, который владел голубым огнем, согревающим землю. Все двенадцать лун не замерзали тогда речки, богатые рыбой, жирели на сочных травах олени. Но не нравилось это коварной птице Минлей, приносившей на своих крыльях ночь. Стала бороться с добрым великаном злая птица. На восьмой день не выдержал Тусавэ, спрыгнул под землю. С тех пор холодно стало в тундре, и на полгода прикрывает ее мрачная ночь. И ждали люди богатыря, который освободит бы Тусавэ, голубой огонь из-под земли достал...
Сейчас же во многих городах и поселках нашей страны элементарную яичницу хозяйки жарят на легендарном огне Тусавэ — газе, пришедшем в наши квартиры из Ямало-Ненецкого автономного округа. Историей даже точно зафиксирован день, когда старая ненецкая легенда в своем первоначальном значении напроць потеряла всю актуальность.

22 апреля 1978 года, в день рождения

В. И. Ленина, первый газовый промысел Уренгой отправил свою первую «продукцию» в путешествие по стальному руслу рукотворной газовой реки.

Но тень черной птицы Минлей еще жива, еще пытается она погасить своими крыльями мирный голубой огонь.

Задумаемся над таким, например, заявлением, сделанным в конгрессе США сенатором от штата Нью-Йорк Китингом. В мае 1962 года, когда стали известны только первые страницы сибирской нефтяной истории, он, очевидно, насмерть запуганный «потоком красной нефти», пророчествовал, что у капиталистического Запада, мол, «осталось только три года, чтобы предотвратить затопление США, Европы, Азии, Южной Америки и Африки коммунистической нефтью».

Есть своя, человеконенавистническая логика в политике конфронтации, в политике вражды и ненависти. И есть другая, жизнеутверждающая логика в политике сосуществования и сотрудничества, направленной на совместное решение государствами и народами мира стоящих перед человечеством глобальных проблем. Размышляя над ситуацией, в которой оказался современный мир в результате грубейшего экологического браконьерства, практикуемого ведущими капиталистическими державами, известный американский ученый, специалист по окружающей среде Барри Коммонер писал в книге «Закрывающийся круг»:

«...существуют некоторые излишества, от которых кризис окружающей среды и приближающееся банкротство, которое он означает, я полагаю, заставит нас отказаться. Это политические излишества, которыми так долго наслаждались те, кто мог наживаться на них: излишество, заключающееся в том, что допускается такое положение, когда национальное богатство служит преимущественно интересам некоторых избранных; роскошь неправильно информировать граждан в тех вопросах, которые им необходимо знать, чтобы осуществить свое право на участие в политической жизни; роскошь предавать анафеме любые попытки переоценить основные экономические ценности; роскошь хоронить проблемы, подсаживаемые логикой, в болоте самоспасительной пропаганды. Чтобы выйти из кризиса окружающей среды, мы должны, наконец, предать забвению роскошь политики войн, расовой дискриминации и терпимости к нищете. В своем невольном движении по пути экологического самоуничтожения мы свели возможность выбора к минимуму. Теперь, когда окружающая среда предъявила нам свой счет, наш выбор уменьшился до двух вариантов: либо социальная рационализация использования и распределения ресурсов Земли, либо неоярварство».

И, вероятно, уместно вот над чем задуматься...

Уже сегодня удельный вес природного газа в общемировом топливно-энергетическом балансе составляет 19 процентов и, согласно всем прогнозируемым оценкам, будет неуклонно расти. Об этом говорилось на состоявшемся в Лозанне летом 1982 года V Мировом газовом конгрессе. Он проходил в год 50-летия основания Международного газового союза, объединяющего газовые ассоциации стран, на долю которых приходится 96 процентов общемировой добычи природного газа. Самый представительный за всю историю газовых конгрессов форум в Лозанне — около трех тысяч ученых и специалистов из 47 стран — заслушал 86 докладов по проблемам развития мировой газовой промышленности и международного сотрудничества в этой области. С интересом был встречен национальный доклад Советского Союза, в котором был дан подробный, детальный анализ современного состояния и основных тенденций развития отрасли, возможностей СССР в плане увеличения поставок природного газа в другие страны. Разу-

меется, всеобщее внимание было приковано к «делке века» — торговле-экономическому соглашению «газ — трубы», к строительству газопровода Западная Сибирь — Западная Европа.

Экспурс в сферу статистики... С 1950 года добыча природного газа во всем мире увеличилась в 7,7 раза, а в СССР — в 75 раз. Постоянно возрастала доля нашей страны в мировой добыче: 1950 год — 2,8 процента; 1965 год — 17,5; 1980 год — около 28 процентов. Для сравнения: доля США — 41 процент; социалистических стран, кроме СССР, — около 5 процентов; остальных стран мира — 26 процентов. За одиннадцатую пятилетку добыча газа в Советском Союзе возрастет на 38—47 процентов, до 630 миллиардов кубометров, тем самым будет почти достигнут современный уровень США. Стремительное наращивание добычи газа и расширение сети газопроводов позволят не только решить многие важные проблемы экономического развития различных районов Советского Союза, обеспечения их энергоресурсами и сырьем для химической промышленности, но и еще более активно ввести природный газ советского происхождения во внешне-торговый обмен. Взаимная выгода здесь очевидна: ни один из торговых партнеров Советского Союза еще никогда не мог посетовать на небрежность или недобросовестность в выполнении обязательств, а что касается богатейших перспектив использования природного газа, то по этому поводу между специалистами разных стран если и существуют разногласия, то лишь в смысле «превосходных степеней» по части этих перспектив.

Напомним... Первый в Советском Союзе газопровод Саратов — Москва, введенный в эксплуатацию в 1946 году, имел протяженность 800 километров. За одну десятую пятилетку (1976—1980 годы) прибавилось 33 тысячи километров газопроводов. Их общая длина достигла 132 тысяч километров — примерно такова протяженность эксплуатационных железных дорог Министерства путей сообщения СССР. Благодаря строительству газопроводов неуклонно росла доля природного газа в общем топливном балансе Советского Союза. Она составляла в 1960 году 7,9 процента, в 1970-м — 19,1, а в 1980 году — уже 27,1 процента.

Система шести магистральных газопроводов Западная Сибирь — Центр, включая экспортный газопровод Западная Сибирь — Западная Европа, протянется почти на 20 тысяч километров. Производительность этого крупнейшего в мире газотранспортного комплекса составит 200 миллиардов кубических метров газа в год. Общая мощность 356 компрессорных станций на этой газовой системе превысит 24 миллиона киловатт.

Масштабы неслыханные! И, задумываясь над конкретикой сегодняшнего дня, когда реализуются эти поражающие воображение планы, хочется вернуться к некоторым принципиально важным мыслям, высказанным как совсем в далекие, так и в не слишком далекие от нас времена.

Два столетия назад Александр Николаевич Радищев написал:

«Как богата Сибирь своими природными дарами,

Какой это мощный край!
Нужны еще века: но как только она будет заселена,

Ей предстоит сыграть важную роль в летописях мира».

В этих словах — широта взгляда патриота России, заботящегося не только об успехе и престиже своей родины, а и о судьбах человечества.

И хотелось бы привести еще одно высказывание — сподвижника Ленина, академика, коммуниста Глеба Максимилиановича Кржижановского.

«Вопрос об ископаемых богатствах Сибири и об утилизации этих богатств, — писал он, — это даже не вопрос СССР, а вопрос мирового порядка».

Да, разделение труда между государствами и их взаимовыгодное сотрудничество — тот путь, который имеет подлинно историческую перспективу.

Общая стоимость всей программы строительства системы газопроводов из Уренгоя оценивается в 25 миллиардов рублей, что превышает общие затраты на строительство крупнейших строек страны — Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, таких гигантов, как Камский и Волжский автомобильные заводы, а также «Атомаш». Такой разворот работ, естественно, не может не заинтересовать человека, в какой бы стране он ни жил. А уж если результаты этих работ самым непосредственным образом касаются его самого, то оснований для совсем не праздного любопытства — «Как же там идут дела?» — более чем достаточно. И не случайно в газетах и журналах многих стран появились постоянные рубрики об уренгойском газопроводе.

Корреспонденции, политические комментарии, интервью, которые посвящены этой теме, весьма примечательны и передают с большой точностью сложные обстоятельства современного витка мирового развития, противоборство сил, выступающих за расширение и укрепление международного экономического сотрудничества, и других, пытающихся по своим корыстным мотивам это сотрудничество торпедировать.

Так кому же она выгодна, «сделка века»?

Журнал «Экспресс», Париж:

«Контракт «газ — трубы» — крупнейшее соглашение по экономическому сотрудничеству из когда-либо заключенных между Востоком и Западом. С 1984 года по газопроводу из Сибири в ряд западноевропейских стран — в том числе в Западную Германию, Францию и Италию — начнет поступать советский газ. Этот гигантский проект предусматривает поставку в Западную Европу до 40 миллиардов кубометров газа в год и несет с собой для промышленности западных стран и Японии заказы на сумму более 10 миллиардов долларов. Проект разрабатывался в 1978 году, в период расцвета политики разрядки, а подписание контракта пришлось на период, когда отношения между Востоком и Западом омрачены, в частности, спорами по поводу «евроракет».

Соединенные Штаты повели ожесточенное наступление против проекта. Администрация Рейгана продолжила в этом вопросе линию администрации Картера. Но тщетно...

Федеративная Республика Германия — самый крупный торговый партнер СССР среди развитых капиталистических стран. Объем торговли между СССР и ФРГ увеличился за десятилетие (1970—1980) в 10,5 раза и превысил в эти годы 27 миллиардов рублей. Более 2 тысяч фирм ФРГ сотрудничают с внешнеторговыми организациями Советского Союза. Многие ведущие фирмы открыли свои представительства в Москве. Будни делового сотрудничества — это подготовка новых контрактов, обмен научно-технической информацией, лицензиями, совместные выставки, семинары, симпозиумы.

Мы побывали в московском представительстве концерна «Маннесман». Его возглавляет Фолькер Хюттен. Что он думает об экономических связях СССР — ФРГ?

«Фирма «Маннесман», — сказал нам Ф. Хюттен, — осуществляет поставки в СССР со времени основания Советского государства. В последние годы объем торговли значительно увеличился. В экспортной программе фирмы — трубы большого диаметра для магистральных нефте- и газопроводов, включая уренгойский, а также машины и оборудование. Заводы концерна «Маннесман» продадут в нынешнем году 60 процентов всех произведенных ими труб большого диаметра в СССР. Мы на фирме «Маннесман» убеждены, что торговля с Советским Союзом вносит позитивный

вклад в развитие отношений между нашими странами».

По подсчетам экономистов ФРГ, советские заказы обеспечивают западногерманской экономике не менее четверти миллиона рабочих мест — что это такое, нетрудно понять, читая тревожные сообщения о росте безработицы в странах Запада.

Что касается стратегических аспектов крупных совместных экономических проектов, осуществляемых странами с различными общественными системами, то по этому поводу недвусмысленно высказался председатель правления «Дойче банк» (ФРГ) Фридрих Вильгельм Кристианс. Он заявил:

«Совершенствование политических отношений невозможно без развития экономических связей. Деловые люди, разумеется, не могут игнорировать политическое окружение. Но мы стремимся содействовать ослаблению политической напряженности. Мы надеемся, что всестороннее развитие экономических связей поможет нам прийти к взаимопониманию, к разрядке нынешней сложной международной обстановки».

Наконец, еще одно авторитетное высказывание.

Президент Франции Франсуа Миттеран подчеркнул: «Франция отвергает усилия администрации Рейгана по вовлечению Западной Европы в экономическую войну против Советского Союза».

Мы, как и другие журналисты «Смены», много раз бывали в Уренгое, с которым нашу редакцию связывает давняя дружба, высаживались там с комсомольско-молодежными десантами, летали на строительство «трубы», участвовали в бригадных собраниях и в читательских конференциях в библиотеках, построенных «Сменой» в Новом Уренгое (постоянные читатели журнала, конечно, помнят, как «всем миром» собирались для них книги), были свидетелями и участниками будней и праздников новоуренгойцев, стали там, можно сказать, своими людьми. Высшей оценкой скромного редакционного вклада в развитие Нового Уренгоя стало присвоение одной из его улиц имени журнала «Смена».

Главная уренгойская достопримечательность — с ней прежде всего знакомят каждого, приезжающего сюда с Большой земли, — это громадные, под стать иному заводу, сияющие на солнце алюминиевые корпуса, выросшие вокруг города. В УКПГ — установках комплексной подготовки газа — при помощи автоматизированных процессов, предшествующие отправке газа в магистральные трубопроводы. Газ не нефть, его не увидишь глазом, и, только уловив рукой подрагивание стальных труб, услышав приглушенный металлическими стенками гул, можно понять, какая мощь начинает свой дальний путь здесь, на уренгойских УКПГ.

Установки комплексной подготовки газа под номерами восемь и девять пока самые северные на Уренгойском месторождении. Пока... Потому что газодобытчики уходят все дальше, уже за Полярный круг. Но какими бы порядковыми номерами ни обозначились будущие газовые промыслы, УКПГ-8 и 9 уже обеспечили себе место в истории. Именно от них начинается сверхмощный трансконтинентальный газопровод Западная Сибирь — Западная Европа.

Когда администрацией США была занята позиция дискриминационного характера в отношении строительства газопровода Западная Сибирь — Западная Европа, из Уренгоя мы получили немало писем, авторы которых выражали свое отношение к происходящему. Вот строки лишь из одного письма — депутата Верховного Совета СССР, члена ЦК ВЛКСМ, командира отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ, бригадира треста «Уренгойгазстрой» Павла Баряева.

«Когда мы узнали о том, что админи-

страция Рейгана наложила «вето» на поставку в нашу страну оборудования для строительства экспортного газопровода, — писал Павел, — первой нашей реакцией было недоумение. Неужели политические деятели за океаном все-таки считают, что подобными методами они смогут сорвать осуществление заключенного нашей страной соглашения о поставках уренгойского газа в страны Западной Европы? Неужели им неизвестно, что у нас в Стерлитамаке уже выпускаются трубоукладчики, ничем не уступающие «кэтерпиллерам»? Или им неизвестно, что именно в Советском Союзе созданы новые, многослойные трубы большого диаметра, способные выдержать высокое давление, трубы, которые изготавливает завод в городе Выкса? А может быть, «советологи» в США сомневаются в способностях советских рабочих, обеспечивающих выполнение «сделки века»? Скажу честно, логичных ответов на эти вопросы мы не нашли. Видно, просто кое-кому не по душе политика международной разрядки и ее добрые вестники — торговые соглашения между странами с различным социальным строем. Но мы, уренгойцы, — люди, работающие у самого истока пятитысячекилометровой газовой реки, которая потечет к западной границе, — мы заявили тогда на митинге, что сделаем все возможное, чтобы газ Уренгоя в срок, который запланирован, пришел в западноевропейские страны. А наше рабочее слово твердое».

Свое рабочее слово произнесли не только уренгойцы — весь советский народ. В июле нынешнего года ЦК КПСС и Совет Министров СССР одобрили патристическую инициативу трудовых коллективов предприятий и организаций ряда министерств по обеспечению своевременного ввода в действие магистрального газопровода Уренгой — Помары — Ужгород, несмотря на принятые администрацией США дискриминационные действия.

Сооружение сверхмощного газопровода Уренгой — Помары — Ужгород идет полным ходом. Работы развернуты на всем его почти пятитысячекилометровом протяжении. С трассы, которая проходит через 24 области и автономные республики России и Украины, каждый день поступают новые сообщения. Мы не приводим здесь цифр и показателей уже сделанного: они стареют быстрее, чем попадают в отчеты. Достаточно сказать, что за те тридцать — сорок минут, которые, надеемся, читатель уделит нашим заметкам, механизаторы-землеройщики удлинят траншею для трубопровода более чем на километр.

Работы на трассе ведут комплексные технологические потоки — хорошо оснащенные необходимой техникой большие хозрасчетные бригады, объединяющие более трехсот человек, которые выполняют весь цикл работ: рытье траншеи, сварку трубы, ее изолировку, укладку, засыпку грунтом...

Но жаркая работа не только у тех, кто трудится непосредственно на трассе. Ленинград, Донецк, Киев, Тула, Ульяновск, Сумы, Челябинск... Вот только одна строка из способного занять чуть ли не всю страницу списка городов, в институтах, конструкторских бюро, на промышленных предприятиях которых тысячи людей работают над выполнением заказов центральной стройки пятилетки. Работают так, чтобы, несмотря на подножки противников «сделки века», уренгойский газ ни на один день не отложил начало своего «делового визита» в Западную Европу и ни на один день не опоздал в советские города и поселки в самых разных уголках страны.

Всесоюзная стройка. Стройка, к которой приковано внимание всего мира. Она продолжается. День за днем, час за часом...

И вписывается в летопись исторических подвигов Советской страны и нашего народа гордая и трудная уренгойская строка.

Тем, кто учится на последних курсах вечерних отделений вузов и техникумов, предоставляют один день в неделю, свободный от работы. Расскажите подробнее об этом.

Е. БЛИЗНЕЦ,
п. Зуя Крымской области

Действительно, студенты старших курсов пользуются и такой льготой. Свободный день предоставляется им за десять месяцев до времени сдачи государственных экзаменов или начала работы над дипломным проектом (ст. 197 КЗоТ РСФСР и соответствующие статьи Кодексов о труде союзных республик).

За этот день студенту-вечернику платят половину его заработка, исчисленного за последние два месяца работы, но не ниже минимально установленной суммы. Какой именно день недели может быть предоставлен работнику-студенту — это определяется совместно с администрацией. Кроме того, по просьбе дипломника администрация может предоставить ему еще один или два свободных дня в неделю, но уже без оплаты.

При исчислении указанного десятидневного периода учитываются лишь учебные месяцы, а те, на которые приходится каникулы, исключаются.

В любом случае суммировать эти дни для присоединения или учебному отпуску нельзя. В виде исключения такое право предоставлено учащимся — будущим специалистам рыбной промышленности. Учитывая специфику их работы и по договоренности с администрацией, будущие рыбаки могут «собрать» свободные дни и использовать их в удобное для себя время.

Кроме них, такое право предоставлено лишь учащимся заочных высших и средних музыкальных учебных заведений, учителям общеобразовательных школ, которые учатся в вечерних и заочных педагогических учебных заведениях.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Юридическая консультация продолжает работу. Ждем ваших вопросов. На каждый из них будет дан ответ или на страницах журнала, или отдельным письмом.

Автобиографии

Анатолий ПАПАНОВ,
народный артист СССР

Родился я в небольшом уездном городке Вязьме, что в Смоленской губернии. Стоял он, как и нынче, на реке того же имени — левом притоке Днепра. Отец мой был военным человеком, служил в охране железнодорожного узла, мама хозяйничала по дому. Двое детей — я и сестра Нина, чуть постарше меня. Живет она сейчас под Москвой.

Какая жизнь была в ту пору в маленьком уездном городке? Радостей немного, однообразие, нужда. Но отец мой, человек веселый, неугомонный, активно участвовал в местной самодеятельности, которую, между прочим, организовал Николай Сергеевич Плотно-

ТЕАТР, СОВЕСТЬ МОЯ

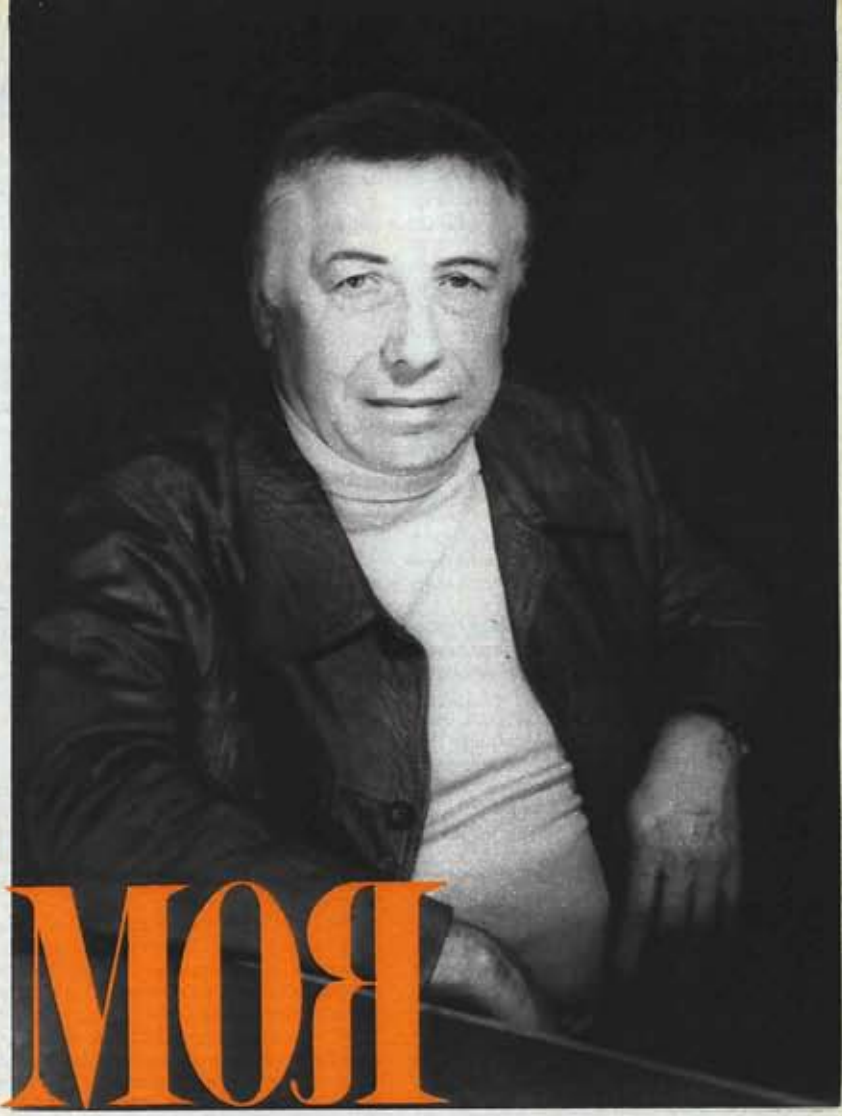

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ников, будущий вахтанговец, известный исполнитель роли В. И. Ленина в театре и кино. Руководила самодеятельностью бывшая актриса императорских театров Лучезарская, жена командира вяземского воинского гарнизона.

Николай Сергеевич играл в те годы в небольшой местной труппе. Случалось и отцу моему играть в одних спектаклях с Плотноковым. Да и нас с сестрой нередко вводили в разные сцены. Мама была против этого, но отец всегда отстаивал нас, причем не конфликтуя, а, напротив, превращая спор в добрую шутку. Он был любимцем Лучезарской, которая не раз отмечала его актерские способности. И еще — отец постоянно снабжал спектакли любителей утварью из собственного дома, что вызывало уже открытое недовольство мамы. Однажды для изображения грома за кулисами он принес из дому корыто, вещь по тем временам очень ценную. А корыто «разгрохали», били по нему так «от души», что потом в дело употребить его уже нельзя было. Что было! Трагедия! Мама долго не могла успокоиться, и понять ее было нетрудно: в корыте обстирывалась вся семья. Отец ходил, виновато опустив голову, но иногда вдруг бросал на меня взгляд, полный лукавства: мол, обойдется...

Позже мы переехали в Москву. Отец стал гражданским лицом, работал на стройке, мама тоже поступила на работу — строгальщицей на завод. Со временем отец закончил строительные курсы, был прорабом... В самодеятельности он уже не участвовал, но постоянно прививал мне любовь к сцене, лицедейству. Пожалуй, ему я и обязан тем, что в будущем потянулся к театру.

Однажды в нашем дворе появилась Н. К. Крупская. Собрала мальчишек и девочек и сказала:

— Давайте, ребята, украсим двор, посадим в нем деревца, цветы. Давайте будем хозяевами, хорошими хозяевами в своем доме.

Мы тогда здорово поработали — рядом со взрослыми во главе с Надеждой Константиновной. Огромная клумба стала красоваться в центре двора. Неподдалеку от нее стройным рядом выстроились хрупкие саженцы.

С тех пор очень люблю сажать деревья, трудиться на земле...

Какие мы тогда были, московские мальчишки с окраины? Каждому — 10—12 лет, играли в «казаков-разбойников», чижика, лапту. Кино, мороженое...

Зато жили, как взрослые, — всеми новостями страны. Знали про челюскинцев, Шмидта, Доронина;

знали, что едут и едут комсомольцы куда-то на Дальний Восток строить город... Говорили об этом непрестанно, спорили, кто-то хотел сбежать из дому. Появился фильм «Чапаев» — только и разговоров было, что о геройском командире и его ординарце Петьке. Рассказывали-пересказывали фильм друг дружке, хотя все знали наизусть не только каждый кадр, но и почти весь текст.

...Ближайшей от нашего дома «культурной точкой» был Дом культуры «Каучук». Туда я и ходил смотреть фильмы, концерты. Смотрел и спектакли драматического коллектива ДК: «Профессор Полежаев», «Учитель» (по пьесе Сергея Герасимова, который поставил одноименный фильм), «Укрощение строптивой», «Васса Железнова», водевили. Руководил коллективом известный вахтанговский актер В. В. Гуза. Своим приобщением к театру, сценической культуре я обязан этому на редкость доброму и талантливому человеку. Общась с ним, стал понимать, что актерство — это прежде всего труд, и труд нелегкий. Позже, уже выступая в коллективе ДК, я смотрел спектакли вахтанговского театра и видел прекрасные создания Василия Васильевича — его Растиныка в «Человеческой комедии», Годуна в «Разломе», Мишеля Бродского в «Интервенции»... Созданные им образы всегда были овеяны романтикой, и это было естественно, потому что сам Василий Васильевич оставался в жизни вдохновенным романтиком, настоящим рыцарем без страха и упрека. Недавно в одном из старых театральных календарей я прочитал, что Василий Васильевич ухитрился (в двадцатом-то веке!) подраться с одним из актеров на дуэли из-за понравившейся ему женщины и потом лежал в больнице с огнестрельной раной. Человек, увлеченный жизнью в самых высоких ее проявлениях, он принес с собой эту увлеченность и в коллектив ДК, работал с любителями так, будто готовил их к профессиональной актерской деятельности, хотел даже создать в будущем еще одну московскую труппу. Вахтанговцы преподавали в нашем коллективе технику речи, движение, фехтование. На занятиях по мастерству актера бывали Шукин, Горюнов, Понсова. А декорации какие были, а костюмы!...

Играл я в том коллективе Гортензио в «Укрощении строптивой», Пятеркина в «Вассе Железновой», другие роли... Если быть откровенным, то сначала я стал участвовать в спектаклях из чисто эгоистических соображений: те, кто участвовал в клубной самодеятельности, могли бесплатно ходить в ДК на

фильмы и концерты. Но позже сие для меня перестало быть главным — настолько интересно было репетировать, играть. Я совершенно пленился человеческим обаянием и талантом Василия Васильевича, любое его указание старался выполнить, что называется, стремглаз. Делал черную работу: строил и таскал декорации, получая от этого огромную радость.

Ходил и в другие кружки ДК — хоровой, изостудию, играл в оркестре на домре. Мне открывался совершенно неведомый мир, мир Прекрасного, о котором раньше и не подозревал. Это как стена, за которую вдруг разрешили заглянуть.

Отношение мамы к моим увлечениям было уже совершенно иным, чем раньше. Она была довольна тем, что я почти расстался с улицей, где со мной часто случались доставлявшие ей мало радости приключения, а то и драки, в которых всякое могло произойти.

Да, клубная сцена, вообще приобщение к делам и заботам драмколлектива стало для меня в известной мере открытием мира. Когда же выходил на сцену, наступал лик счастливых ощущений. Я будто летал. И рядом со счастьем соседствовал... страх: на меня ведь смотрели люди, много людей, и они что-то обо мне думали...

Как мало знал я тогда и как скоро это понял. Василий Васильевич говорил нам о Пушкине, Шекспире, Достоевском, а я слушал и чувствовал, что лицо мое заливают краска: ведь не читал, даже не пытался что-то узнать, постичь. И когда Гуза, случилось, говорил: «А помните, в «Медном всаднике»... — я опускал голову и изображал глубокомыслие. А сам молился: только бы не спросил конкретно меня, только бы другие не догадались, как мало я читал, как мало знаю... В такие минуты испытывал смешанное чувство жалости и презрения к себе, к бесценному времени, потерянному мною на улице.

И потянулся к книгам. Поначалу — из нежелания быть «белой вороной», из боязни быть изгнанным из коллектива за свою серость. Но очень скоро стал читать не за страх, а за совесть: Островский, Шекспир, Пушкин, Гоголь... Я уже просто не мог оторваться от них, и это было совершенно вновь для меня...

Гуза иногда говорил:

— Растет будущий студент-вахтанговец.

Всерьез этих его слов я не принимал, относил их за счет доброго ко мне отношения Василия Васильевича. Много лет спустя понял, какое огромное значение

имеет доброта в нашем деле. Да и в нашем ли только? Доброта тех, кто тебя окружает — дома ли, на работе, — чудеса творит. Человек начинает верить в себя и способен многое в жизни сделать. Но главное — доброта одного рождает ответную реакцию другого. Увеличивается **площадь доброты!** Надо только, чтоб это была **бескорыстная** доброта. Не люблю **добреньких** людей, они несут в себе тайну, которой следует иногда опасаться.

Гуза был бескорыстно добрым человеком. Он искренне любил нас, водил на репетиции и спектакли в театр Вахтангова, потом подолгу разговаривал с нами о том, что мы видели.

Видел, как репетировал Кутузова Б. В. Щукин. Смерть помешала Борису Васильевичу сыграть в этом спектакле. Роль Кутузова играл прекрасный актер Державин, отец актера нашего театра Михаила Державина.

Когда видел Рубена Николаевича Симонова в роли Дон-Кихота и Горюнова в роли Санчо Пансы, немел от восторга. А тот же Симонов в спектакле «Много шума из ничего»! А Щукин в спектаклях «Человек с ружьем» и «Егор Булычов»! Забыть такое просто невозможно. Это не только ярчайшие впечатления юности. Мы нравственно взросли после этих спектаклей, после встреч с такими актерами.

...Ну каким бы я был мальчишкой, если бы не любил кино? Любил, конечно. И смотрел многие фильмы по несколько раз. Попробуй не посмотри, если это «Путевка в жизнь», «Мы из Кронштадта», «Чапаев», трилогия о Максиме, «Суворов», «Цирк», «Веселые ребята»... Что вы! Очереди у кинотеатров! И пол-очереди — из мальчишек!

Но я не только смотрел фильмы, я и... снимался в них. В массовках. Был и солдатом в «Суворове», и крестьянским мальчиком в «Минине и Пожарском»... Снимался в фильмах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», изображал матроса, рабочего. Стрелял, прыгал, плавал, штурмовал.

Наивно-прекрасная пора... Однако пора порой, но надо было помогать семье. Десятый класс я заканчивал в вечерней школе, потому что поступил учеником токаря на 2-й подшипниковый завод, в ремонтную мастерскую.

Когда впервые пришел на завод, сразу почувствовал: тут надо отвечать за все, что делаешь, ученик ты или директор. Ответственность — первое ощущение, восприятие производства.

Месяцев шесть был учеником. Мой мастер, дядя Миша, запомнился мне тихим и застенчивым человеком. Помните фильм «Наш дом»? Так вот, дядя Миша в какой-то степени — прообраз моего героя Ивана Ивановича Иванова. По крайней мере, работая над этой ролью, я старался подробнее вспомнить дядю Мишу, его манеру общения с людьми, характер, голос, походку... Учил он меня старательно, не торопясь, не раздражаясь, если я что-то не понимал. Он все умел в своем деле и все знал в нем до последней детали, но оставался неправдоподобно скромным человеком. Мастер. Настоящий мастер, рабочий человек. С огромной внутренней собранностью, культурой. На заводе всегда приходил чисто выбритым, элегантно одетым, аккуратнейшим образом вешал костюм в личный шкаф. Никогда не курил у рабочего места, хоть это и не запрещалось. В каждом его слове, движении чувствовалась уверенность в себе, уважение к своему делу. Вообще — уважение к труду. Он и нас, учеников, учил не просто токарному делу, но — трудиться, уважать труд.

Уже в военные годы, вернувшись после ранения в Москву, я пошел на завод. В нашей мастерской никого из тех, с кем я работал, не было. У станков стояли женщины и совсем юные ребята...

В 1940 году меня призвали в армию. С первых же дней службы понял: армия — это труд. Дисциплина и труд. Позже война убедила меня в этом окончательно.

Служба моя началась в Саратове, затем перевели в Оренбург. Там и застало меня известие о начале войны. Короткая подготовка в зенитно-артиллерийской школе — и на фронт. А возраст — всего девятнадцать.

В июле нас сформировали и направили на 2-й Юго-Западный фронт — харьковское направление. Прибыли оборонять небольшой городок. По тем, кто уже воевал, понял: тут «жарко». Окопались. Силища на нас шла — не сосчитать. Почти вся дивизия полегла в тех боях. От нашего взвода человек шесть или восемь в живых осталось.

В памяти — первый бой, первая атака. Первые ее минуты. Был я заместителем командира взвода, старшим сержантом. Служил в нашем взводе Алик Рафаевич, тихий такой парень. До войны он учился на операторском факультете у Романа Кармена. В той

атаке бежал он недалеко от меня, и мы перекрикивались: проверяли, живы ли. И вдруг:

— То-о-о-о-о-ик!

Обернулся. Алик падает. Пуля попала в голову. Наповал. Психологически я не мог себе представить, что Алика уже нет. Только что был — и нет. И сейчас еще трудно себе представить. Мне нынче шестьдесят исполняется, а он так и остался двадцатилетним. Навсегда.

Рядом кто-то кричал:

— Чего склонился, чего уставился? Атакуй знай со всеми, а то и самому достанется, если на месте-то...

Шел в атаку, а из головы не выходило: нет Алика, нет Алика!

Из оставшихся в живых сформировали новый полк — и в те же места. Грохот такой стоял, что порой сам себя не слышал.

А однажды утром была абсолютная тишина, и в ней — неожиданно:

— Ку-ка-ре-ку-у!..

Петух какой-то по старой привычке начинал день. Тогда подумалось: надо же, как только он выжил в этом сплошном огне. И не только выжил, но и голосистым остался. Все-таки жизнь продолжается, нет ей конца, только биться за нее надо.

А тишину рассек рев танков. Шли они давить нас. Загромычало. И трех выстрелов не сделал — недалеко снаряд разорвался. Меня волной отбросило в сторону. На какое-то время потерял сознание. Открываю глаза, поднимаю голову — прямо на меня танк идет. И сил подняться нет. Танк уже метрах в десяти или двенадцати.

— «Все, — думаю, — конец».

А танк почему-то остановился, развернулся и пошел в другую сторону. Может, водитель не заметил меня, кто знает? Я снова потерял сознание, ткнулся головой в снег.

Ночью сознание вернулось. Пополз в сторону, где были наши минометы.

И снова нас с кем-то соединили, и снова — огненная коловерт, которой конца и края не было.

Командиром нашего взвода назначили совсем молоденького, только что из военшколы, лейтенанта. Еще вчера он отдавал команды высоким, от юношеского смущения срывающимся голосом, а сегодня... Сегодня видел его лежащим с запрокинутой головой и остановившимся взглядом.

Говорят, человек ко всему привыкает. Особенно на фронте. Я не уверен в этом. Да, на глазах погибали люди, и, случалось, некогда было предаваться размышлениям о потерях, скоротечности жизни. Но привыкнуть к этим потерям, к человеческим смертям настолько, чтобы совершенно не думать о них, было невозможно. И никогда не станет возможным.

...Мы все очень надеялись на тот бой. Верили, что сможем выполнить приказ командования: продвинуться в харьковском направлении на пять километров и закрепиться на занятых рубежах.

Мороз стоял лютый. Перед атакой зашли в блиндаж погреться.

Вдруг — взрыв! И дальше — ничего не помню...

Очнулся в госпитале. Три ранения, контузия. Уже в госпитале узнал, что все, кто был рядом, убиты. Мы были засыпаны землей. Подоспевшие солдаты отрыли нас.

В госпитале меня оперировали, вытащили осколок, и, когда хирург показал мне его, я увидел нанесенную на металл дату: 1937. Просил врача подарить мне этот осколок на память, но он не отдал, сказал, что осколок для чего-то нужен.

После операции отправили меня санпоездом в другой госпиталь, находящийся в дагестанском городе Буйнакске. Свое название этот район, бывший когда-то крепостью Темир-Хан-Шурай, получил в 1922 году по фамилии одного из организаторов и руководителей борьбы за Советскую власть в Дагестане.

Ехали долго, дней десять, и в пути мне было очень плохо, тяжело. Ухаживал за мной, помогая санитарам, молодой солдат (из легкораненых, как он говорил), совсем почти мальчишка. Прибыли к месту назначения, и в общей суматохе я потерял его из виду и очень грустил, потому что привык к этому доброму и улыбочивому паренюку. Когда стал ходить, неожиданно встретил его в коридоре госпиталя. Увидел и... мурашки по телу побежали: «легкораненый» был без ноги.

Лечили меня в том госпитале месяцев пять, и вернулся я в Москву: был признан инвалидом.

Отца в Москве не было, он работал где-то на Урале. Там же работала и сестра.

Мама знала о моем приезде, но в тот день у нее была смена на заводе. Дома увидел на столе картош-

ку, хлеб, в кулке лежали конфеты «подушечки». Я не стал садиться за стол, лишь умылся и ждал маму.

Потом мы сидели с мамой за столом, она все плакала, глядя на меня. Я закурил, и мама очень огорчилась.

— Ты куришь?

— Я и до войны курил.

— Молчал бы хоть...

Меня трудоустроили. Стал работать вахтером: пока по состоянию здоровья ничем другим не мог заняться, а сидеть без дела не хотел. Но караулил я недолго.

Пошел в ГИТИС к тогдашнему руководителю института М. М. Тарханову, знаменитому мхатовцу, народному артисту СССР. Был уже ноябрь, кажется, занятия в ГИТИСе начались чуть позже, потому что не все студенты съехались: кто «на картошке», кто рыл окопы, кто с концертной бригадой на фронте.

Михаил Михайлович взглянул на палку, на которую я опирался, и спросил:

— Что будешь читать, солдат?

Читал я плохо, просто очень плохо. И во всем винил свою проклятую палку, которую почему-то все время вертел в руке.

— Ладно, — сказал Тарханов, — приходи через четыре дня.

Пришел. На доске объявлений висел отпечатанный на машинке список принятых в институт еще в августе. И в этом списке карандашом была дописана моя фамилия. Я стал студентом... второго курса. Это объяснялось очень просто: на втором курсе не хватало мужчин.

ГИТИС — прекрасная пора моей жизни. Пора постижений многого в будущей профессии. Продолжалась война, и мы, студенты, создавали фронтовые бригады, выезжали на фронт с концертами. Игнали отрывки из пьес, пели и даже... показывали фокусы.

В нашей бригаде был студент, который в концертах изображал Швандю из «Любови Яровой», пел песни из оперетт, а также вел программу. Это был Коля Озеров, сын известного оперного певца, будущий актер МХАТа, неоднократный чемпион по теннису и знаменитый спортивный комментатор, народный артист РСФСР и заслуженный мастер спорта СССР.

Фронт был еще недалеко от Москвы, в двух-трех часах езды. Мы выезжали в Волоколамск, Рузу, другие города Подмосковья и соседних областей.

В 1947 году окончил ГИТИС и был приглашен в два театра — МХАТ и Малый. В Малый почти уже оформился и даже начал репетировать у Алексея Денисовича Дикого в спектакле «Ревизор». Но случилось иначе: вместе с курсом уехал в литовский город Клайпеду. Туда мы привезли несколько подготовленных в институте спектаклей и образовали в городе русский драматический театр. Главным режиссером театра стал Борис Ниренбург, ныне известный постановщик телевизионных фильмов.

Пожалуй, сыгранные в Клайпеде роли меньше всего убеждали в том, что быть мне в будущем актером сатирического театра. Городулин в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты», Сергей Тюленин в «Молодой гвардии», Тристан в «Собаке на сене», Леонид Борисович в «Машеньке»... Как видите, роли совершенно разножанровые, разноплановые — обыкновенный репертуар характерного актера.

Я вообще считаю, что ампула — чисто условное определение. Все актеры — это создатели **характеров**, просто один создает характер в комедийном ключе, другой — в драматическом и так далее. Но ведь можно сыграть и Шмагу из «Без вины виноватых» так, что ком в горле застрянет. Сегодня я играю Городничего в «Ревизоре». Так вот, меньше всего думаю о том, что мой герой — комический персонаж. И мне вовсе не хочется над ним смеяться. В сущности, он глубоко несчастен, потому что ошибся в лучших своих расчетах и понимает свою зависимость от сильных мира сего. Несчастен и трагичен, если присмотреться к нему повнимательней.

Однажды, во время отпуска, встретил в Москве А. А. Гончарова. В годы моей учебы Андрей Александрович преподавал в ГИТИСе, ставил концертные программы для студенческих фронтовых бригад. Нынче он работал очередным режиссером в Театре сатиры.

К тому времени наш театр в Клайпедо был практически расформирован. Узнав об этом, Гончаров сразу предложил:

— Давай к нам.

Ну, я и «дал». С тех пор вот уже тридцать четыре года работаю в Московском театре сатиры.

Очень нелегко мне было поначалу в этом театре с уже сложившимся коллективом первоклассных ма-

стеров. Многое пришлось постигать заново. И при этом сыграть за первые полтора сезона одиннадцать ролей, таких, например, как Василий Сыропятов в «Женитьбе Белугина», Джек Холлидей в «Мешке соблазнов» (по М. Твену), Лыжиков в «Роковом наследстве» Л. Шейнина... Играл все подряд... и ничего.

Сложность положения новичка состояла еще и в том, что сатириков (это было и тогда, осталось и сейчас) всегда отличали особой изобретательностью в различного рода розыгрышах — и за кулисами и даже на сцене во время спектакля.

Помню, моему Джеку Холлидею надо было по ходу действия утащить со сцены за кулисы мешок — тот самый, что с соблазнами. И не просто утащить, но красиво, артистично звалели его на плечи. Делал это уже не раз и потому спокойно подошел к мешку, дернул его на себя, а он... ни с места! Будто пять пудов камня в нем. Я и так и эдак — ну прилип мешок к сцене. А если точнее — был прибит к ней гвоздями. Хорошо еще, что молодым я был в ту пору, достало сил оторвать проклятый мешок. А за кулисами вместе со всеми смеялся автор розыгрыша В. А. Лепко. После нескольких различных розыгрышей-испытаний Владимир Алексеевич, глядя, как я легко и весело реагирую на «козни» коллег, похлопал меня по плечу: — Ладно. Наш.

Это были годы, когда я стал «добирать»: много читал (классику в основном), ходил на концерты, художественные выставки. Короче, началось мое регулярное и более менее плотное приобщение к художественной культуре. В поэзии по-прежнему любил Симонова, чьи стихи читал еще на фронте во время коротких передышек между боями, Твардовского. «Повадился» читать С. Смирнова, С. Васильева, Я. Смелякова — в их стихах были очень близкие мне темы, душевные интонации.

В театре тоже было к кому присматриваться, прислушиваться. В Художественном и Малом блистали те, о ком нынче легенды ходят. В нашем же театре играли В. Я. Хенкин, Ф. Н. Курихин, В. А. Лепко, П. Н. Польш, Н. И. Слонова... Ярчайшее актерское созвездие!

Время шло, роли мне доводилось играть разные, но успеха особого не было. Пожалуй, впервые прочно себя почувствовал в роли директора фирмы «Игрушка» Синицына в спектакле «Поцелуй феи». Даже Серафима Германовна Бирман, которая — все знали — была очень скупой на похвалу, отметила эту мою работу.

Стал получать роли значительные, интересные. Только в театре. В кино не приглашали...

В 1957 году главным режиссером нашего театра стал В. Н. Плучек. И пришел, как говорится, мой «звездный час». Под руководством Валентина Николаевича я сыграл и продолжаю играть не только интереснейшие, но и разноплановые роли. Именно Плучек доверил мне совершенно неожиданную в моем послужном списке роль — революционера Мишеля Бродского в «Интервенции». Неожиданную и очень дорогую. И потому, что Бродский — фигура сложная, человек, в судьбе которого были «крутые горки». И потому, что после большого количества комедийных ролей этот образ был воздухом, которого мне так не хватало многие годы. Потом я сыграл солдата (в последнем действии — генерала) Егора Сысоева в пьесе А. Штейна «У времени в плену»... В кино появился Серпилин, потом Иванов в «Нашем доме» и Дубинский в «Белорусском вокзале»... Я вырвался из плена комедии, в котором пребывал долгое время.

Так случилось, что в кинематограф попал, когда мне было уже под сорок. А недавно выяснил, что сыграл в кино больше ролей, чем в театре. Я не стал бы отдавать предпочтение какому-то одному из этих искусств, кино и театр дополняют друг друга в жизни актера, формируют его талант, делают актера глубже, разнообразней. Да, в кино я сыграл больше ролей, чем в театре, но, если по совести судить, и там и там я отобрал бы по десятку ролей, не больше. Просто в практике любого актера есть роли, которые — **на всегда**, а есть такие, о которых вспоминаешь с добрым чувством, не больше.

И еще один момент. Свою театральную роль актер **тиражирует**, выходя в ней на сцену до пятисот и более раз. Естественно, что-то в исполнении меняется. Просто невозможно все время играть одинаково (и неинтересно, к слову сказать), это еще ни у кого не получалось. А значит, что-то меняя во внутренней характеристике своего героя, актер **движется** в роли. Сыграв же киногероя, актер ставит точку на своем исполнении, он уже не волен изменить что-либо в нем.

Это еще одно доказательство того, что о значении кино или театра в практике актера нельзя судить по количеству сыгранных им на сцене или на экране ролей.

Было бы смешно утверждать, что характеры, которые мне пришлось постигать, никак не «зацепили» меня, мой собственный внутренний мир, собственные представления об окружающей жизни. Конечно же, я менялся. Именно через персонажей, их судьбы, философию, и так далее. Простой пример. Я воевал, был в самом пекле боев сорок первого. Но, право же, сыграв генерала Серпилина, постиг войну много больше, чем это было... на фронте. И ничего в том странного нет. Все зависит от широты взгляда на событие. Тогда, в сорок первом, мне было девятнадцать, и война ограничила мое представление о ней полем боя, теми десятками километров, которые прошел. Да, было страшно, когда вокруг рвались снаряды, бомбы, свистели пули, все горело, погибали люди... Но я не мог тогда представить **всего масштаба трагедии**, которую несла в себе война. Для этого надо было взглянуть на нее и постичь так, как постигли Симонов и Столпер. Как видел и понимал этот масштаб Серпилин, который к тому времени и прожил больше на свете (по возрасту он в отцы мне годился) и был кадровым военным.

Когда на студии заговорили обо мне как о будущем исполнителе роли Серпилина, в скептиках недостатка не было. Открыто выражать свое неверие в успех никто не стал, неловко, верно, было. Но я знал, что многие не верят, видел недоумение на лицах. Признаться, я и сам не менее других сомневался.

Это уже после премьеры фильма заговорили о художественной смелости режиссера, который из огромной армии актеров выбрал на драматическую роль... Паланова.

Для меня же предложение Столпера было в первый момент оглушительным и неправдоподобным. Помню, с каким волнением шел на первую беседу с режиссером. Мы говорили не только о будущей работе. Александр Борисович подробно спрашивал меня о том, где я воевал, что пришлось увидеть на войне, пережить, понять. Он искал во мне не столько, может быть, Серпилина, сколько человека, способного постичь характер симоновского героя, его судьбу, мысли, философию. Он пытался понять, насколько мои собственные жизненные ассоциации, возникающие от соприкосновения с судьбой Серпилина, мой способ мышления совпадают с его — режиссера — представлениями об исполнителе роли генерала.

Решимость Александра Борисовича, его доброта и постоянная человеческая поддержка помогли мне освободиться от того, если честно говорить, шокового состояния, в которое я впал сначала.

Волнение осталось. Но уже другое. Вернее, не волнение, а взволнованность. Судьбой симоновского героя. Взволнованность навсегда.

Работа над образом Серпилина стала испытанием моей актерской и гражданской совести. И таким же испытанием стала роль бухгалтера Дубинского в фильме «Белорусский вокзал».

Неожиданно подумал: в сущности, работа актера — это каждый раз испытание его художественной и гражданской совести, потому что каждый раз это **борьба**. А истинным борцом может быть человек и художник с чистой совестью. Совестью патриота. И это не громкие слова, с возрастом становится ясней их смысл. Поверьте, я прожил шестьдесят лет на земле и что-то в этой жизни понял. Например, то, что никогда не забуду сорок первый год. Помните, у Симонова: «Зима сорок первого года, как совесть, приходит ко мне...»

Я думаю о прожитом и пережитом. Самое лучшее и дорогое в жизни — люди. С одними меня объединяет работа, с другими — встречи вне театра и кино, и эти встречи не менее дороги мне. Разные люди меня окружают. И это прекрасно. У каждого свои достоинства, недостатки, каждый по-своему драматичен, смешон, парадоксален. Каждый из них загадка, которая до конца никогда не будет разгадана.

Друзей у меня немного. Симонов однажды сказал: «Настоящих друзей не может быть больше трех. Нельзя цельное чувство делить на многих».

Мне шестьдесят лет. Так и не знаю; много это или мало. Да и подумал-то об этом «по случаю». Раньше не задумывался, некогда было. И сейчас некогда. Дни заполнены работой. Все до одного.

Сейчас поздний вечер. Несколько часов сна — и трудиться. Завтра с утра — съемки, вечером спектакль. Сегодняшний день уже не повторится.

Буду работать...

Записал
Леонид ДНЕПРОВСКИЙ.

Логвинову открыла дверь уже стареющая, но упорно, как ему показалось, хранящая следы былой привлекательности женщина. Только лицо какое-то отчужденное от всего...

Первый вопрос — и ее ответ.

— Я, собственно, понятия не имею, что у них там произошло, — сказала она, и это прозвучало как предупреждение о том, что она снимает с себя ответственность за действия сына.

— Но вы знаете, что Игорь арестован? — спросил Логвинов. — Знаете, в чем он обвиняется?

Светлана Сергеевна утвердительно кивнула головой.

— И вас это не удивляет?

— Как вам сказать? — Она без всякой надобности поправила шалочку, из-под которой выглядывали завитки оранжевых волос.

— И да и нет. — Красильникова твердо смотрела в глаза собеседнику. — Когда Игорю исполнилось пять лет, муж бросил меня. Я воспитывала сына одна, без чьей-либо помощи.

— Вы хотите сказать, что если бы отец...

— Я хочу сказать, — перебила она его, — что делала для Игоря все, что было в моих силах. Он ни в чем не нуждался. Поэтому и удивляет, как могло случиться, что из него вышел... — Она запнулась, потом энергично продолжила: — Вышел неполноценный член общества. Безусловно, мне, как матери, обидно сознавать это.

Инспектор ждал продолжения, но Светлана Сергеевна, в очередной раз подтвердив свою непричастность к случившемуся, замолчала.

— Я вижу, отношения с сыном у вас не сложились, — констатировал Логвинов. — Почему, если не секрет?

— У меня нет секретов, — сухо заметила Красильникова. — А отношения у нас были не хуже, чем у других. Нормальные отношения.

— Он не доставлял вам хлопот? Я имею в виду не последние годы, а, скажем, детство, переходный возраст?

— Не больше, чем другие.

— Значит, рос нормальным мальчиком?

— Совершенно нормальным.

— Ну, хорошо, — сдался Логвинов. — Вы сказали, что случившееся не очень удивило вас. Как это понимать?

— Сейчас скажу. — Светлана Сергеевна перевела взгляд на стеклянный шкаф, стоявший в углу кабинета, и снова твердо и отчужденно посмотрела на инспектора. — Перед окончанием школы Игорю выдали характеристику. В целом о нем отзывались неплохо, но в конце было написано: «легко поддается чужому влиянию». Я побоялась, что это может повредить ему в будущем, пошла к классной руководительнице и упростила переписать характеристику. Понимаете, зачем я вам это рассказываю?

— Не совсем.

— Новую характеристику ему написали, а характер остался. Он в самом деле легко поддавался чужому влиянию. Судите сами: поступил в университет, потом бросил. Я устроила его на работу, он обзавелся друзьями, поштрафился и уволился. Дальше — эта женитьба. Я была категорически против, но отец Тамары, его жены, нажал на него, и он согласился.

— А почему вы были против их брака, Светлана Сергеевна?

— Я до сих пор считаю, что эта девушка ему не пара. Какая-то подозрительная семья: отец вечно в разъездах, дома почти не бывал, девушка оставалась одна... Не знаю... Не лежало сердце, да и рано было ему жениться...

— Вы думаете, Тамара тоже плохо влияла на вашего сына?

— Он ведь арестован, так что выводы делайте сами, — не без сарказма ответила Красильникова. — Может, она, может, ее отец. Он ведь тяжелый человек. Кичился своей порядочностью, а сам, не прошло и года, оставил их, бросил на произвол судьбы, ушел жить к сестре...

— Надо полагать, у него были серьезные причины? — Не берусь судить, — отрезала Светлана Сергеевна.

— Почему Игорь не перешел жить к вам? — Вопрос застал ее врасплох. — Жилплощадь не позволяла?

— Мы не обсуждали такой вариант...

— Но если он, как вы говорите, нуждался в постоянном контроле...

— Ну, знаете! — Голос ее осекся, и Логвинов неожиданно увидел, как повлажнели глаза Красильниковой. — Не надо меня провоцировать! Свой материнский долг я выполнила. Моя совесть чиста. Лучшие годы я отдала ему, отказывала себе во всем, забыла, что такое личная жизнь. У меня голос, я могла бы петь на профессиональной сцене, могла тысячу раз выйти замуж. Всем этим пожертвовала ради него. И что же?!

Продолжение. Начало в №№ 19—20.

Волонтир—вторым был он—поздоровался с Федором Константиновичем и, покачнувшись, сделал несколько шагов в сторону. Тихойванов прошел мимо и громко хлопнул дверью подъезда...

— Такой была последняя наша встреча,—сказал он следователю.

— Вы не задерживались в подъезде?—спросил Скаргин.

— Нет. У меня сложилось впечатление, что они выясняли отношения или счеты сводили, хотя, если вдуматься, какие у них могли быть счеты?

— А вы попробуйте представить, что счеты были,—ухватился за эту мысль следователь.—Игорь никогда при вас не заводил разговора о Волонтире?

Федор Константинович задумался: разговор такой был, но не с Игорем, а с самим Волонтиром, но стоит ли выносить сор из избы? Он решил промолчать.

— Так что?—переспросил следователь.—Как все-таки ваш зять относился к Георгию Васильевичу? Приятелями они были? Друзьями?

— Не представляю, что у них могло быть общего. Игорь парень молодой, современный, а Георгий... Я знаю его много лет...

— Старшего брата тоже знали?

— Знал.

— Расскажите о нем,—неожиданно попросил Скаргин.

— О Дмитрие?—удивился Тихойванов. Ему было что рассказать, но смущала та же мысль: нужно ли? Неужто это и впрямь интересует следователя? Ну, раз надо, так надо. Ему видней...

За год до начала войны в их дворе появился коренастый светловолосый парень с ярко-синими глубоко посаженными глазами. Вместе со своим младшим братом Жоркой он поселился во флигеле, который раньше занимал дворник дядя Миша, и на следующий день уже мел улицу, нацепив на себя широкий дворничий фартук.

Ходили слухи, будто их родители до революции имели мельницу, будто раскулачены Советской властью и высланы куда-то в Сибирь, но слухи смутные, неопределенные, и многие в них не верили.

Должности своей Дмитрий не стеснялся. Замкнутый, почти бессловесный, он быстро делал свое дело и исчезал на весь день. Изредка по вечерам у него собирались какие-то люди, мужчины и женщины, он выгонял младшего брата и запирался во флигеле.

Четырнадцатилетний Жорка дневал и ночевал во дворе, но из-за вздорного и диковатого характера своим среди сверстников так и не стал. О брате отзывался по-разному: то хвастал его силой, превозносил его ум и хитрость, а то начинал жаловаться, что Дмитрий обзывает его хрым, срывается на крик, говорил, что ненавидит и его и всю их компанию картежников. Непонятно было, ревнует ли он брата к ночным посетителям или завидует, вымещает злобу за свою увечную ногу...

Старшего Волонтира видели редко: утром за работой, а иногда вечером, когда, принарядившись, он присаживался к ребятам и рассеянно слушал песни и их разговоры. Несмотря на разницу в возрасте—ему уже исполнилось двадцать шесть,—Дмитрий предпочитал общество ребят моложе себя, кое-кого даже приглашал к себе во флигель, где угощал вином.

Бывало, братья дрались: из-за закрытой двери флигеля доносились истошные крики Жорки, но на вопрос, за что его бил старший брат, он с вызовом отвечал, что еще неизвестно, кому больше досталось, ему или Митьке. И он не хвастал: старшего частенько видели с царапинами и синяками. Однажды, это было зимой, Жорка прямо посреди двора напал на брата. Припадая на левую ногу, он подкрался сзади и неожиданно кинулся на него, вцепившись в шею мертвой хваткой. Дмитрий, матерясь, отбивался от его зубов и ногтей, кое-как отбросил в сторону, и Жорка отлетел в сугроб...

На следующий день стало известно, что драка произошла из-за Нины Щетинниковой—тридцатидвухлетней вдовы погибшего в финскую кампанию Егора Щетинникова, весельчака и балагура, всеобщего дворового любимца.

— Из-за Щетинниковой?—переспросил следователь.

— Ну да, Дмитрий встречался с ней, собирался жениться.

— А при чем здесь младший брат?

— Наверное, не хотел, чтобы Дмитрий привел ее к ним в дом, а может, ревновал: она, Щетинникова, красавица была...—Федор Константинович собрал на лбу морщины.—Мы, ребята, все были в нее немного влюблены...

— Скажите, а какие отношения с братьями были у вас лично?

— В общем-то никаких. Дмитрий приглашал меня к себе, но я не ходил. Тогда, знаете, вином не увлекались, в карты тоже...

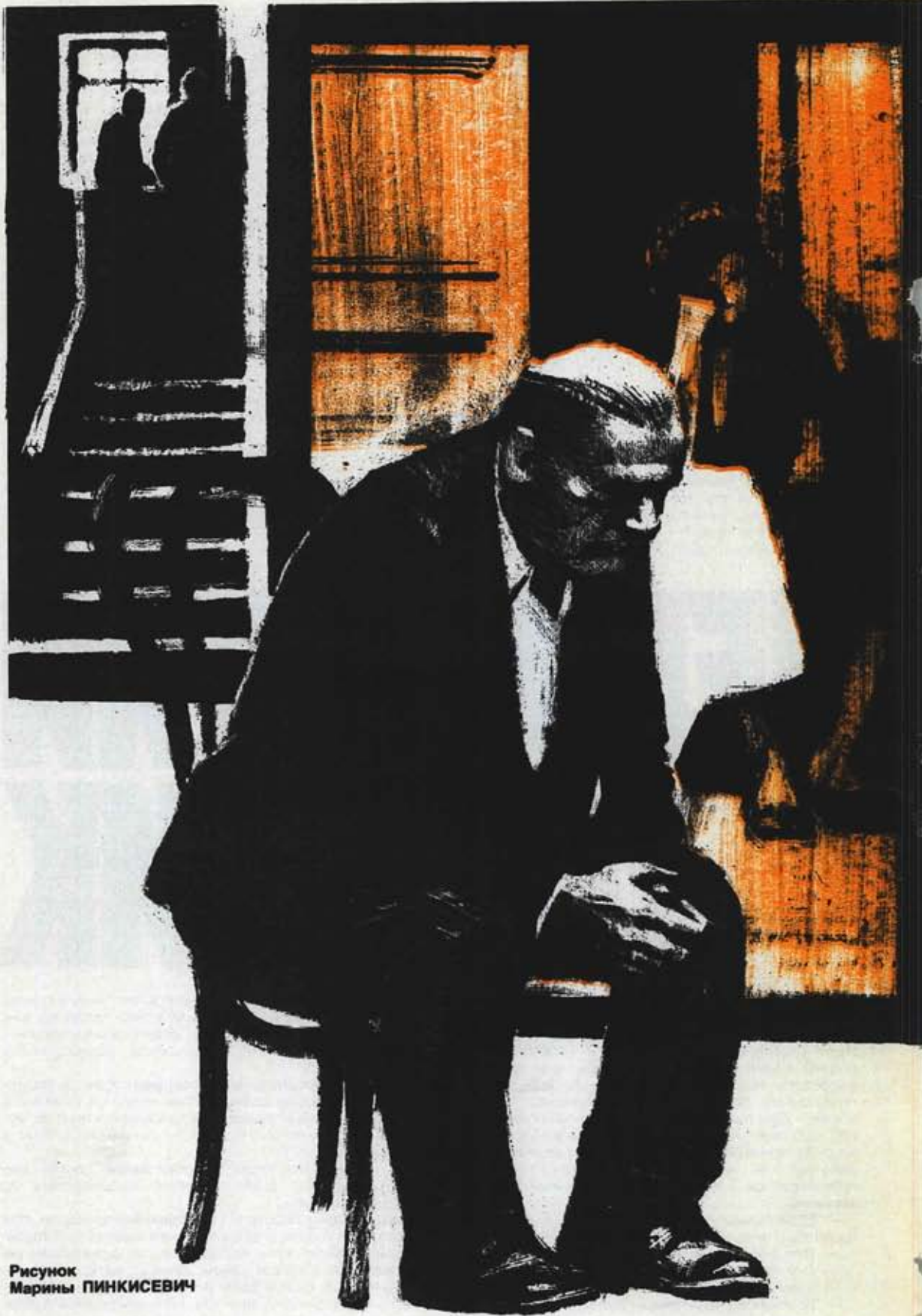

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

— А с младшим?

Тихойванов вздохнул.

— Несчастный он человек. Так всю жизнь и прожил в тени брата, опозоренный... Года четыре назад Дмитрия судил военный трибунал. К расстрелу приговорили. Так Георгий после этого окончательно себя потерял, скатился. Злым стал и... каким-то необъяснимо замкнутым.

Следователь долго обдумывал следующий вопрос.

— Ваш отец погиб здесь, в городе, верно?

— Да, зимой сорок третьего.

— А вам известно, при каких обстоятельствах?

— Я уже рассказывал: схватили его в январе... расстреляли за городом, у рва...

— Да-да... Его взяли как героя гражданской войны. Об этом знали многие, не правда ли?—Следователь встал, прошелся вдоль стены и остановился рядом со стулом, на котором сидел Федор Константинович.—А ведь в сорок третьем, в январе, Дмитрий был здесь...—Он постоял еще немного и вернулся на место.

Тихойванов провел рукой по лицу. Перед его глазами встал незначительный, полузабытый эпизод, стычка, которая произошла с Дмитрием летом сорок первого, сразу после начала войны. Сам он в то время обивал пороги райкома комсомола, военкомата и даже профкома завода, на котором работал, с просьбой призвать в армию на два месяца раньше, чем ему было положено.

Как-то, возвращаясь домой, встретил в подворотне Дмитрия. Тот был навеселе, пьяно покачиваясь, преградил дорогу и с напускным добродушием, как бы между прочим, попросил: «Слышь, Федька, ты скажи своему пахану, чтоб не задевал меня, ладно?» Тихойванов хотел обойти его стороной, но Дмитрий ухватил за лацканы куртки: «Я не шучу, слышь, кореш. Это не его ума дело, как и с кем я живу да почему добровольцем не прошусь. Пусть вон тобой командует, а будет нос совать куда не следует, не посмотрю, что герой...» Тихойванов оттолкнул его, а Дмитрий вроде того и ждал: размахнулся и, целясь в подбородок, двинул кулаком в лицо. Они схватились, упали на

Роза Рымбаева:

ПОИСК СВОЕЙ ПЕСНИ

Я пытаюсь представить — хрупкая девушка на огромной сцене-раковине песенного конкурса «Золотой Орфей» в болгарском курортном городе Солнечный берег и голос ведущего: «Высшая награда международного фестиваля «Золотой Орфей» присуждается советской певице Розе Рымбаевой!» А обладательнице «Гран при» всего-то девятнадцать. И ведь было это. Так же, как были и Всесоюзный конкурс в Риге, и телевизионный «С песней по жизни», и фестиваль в Сопоте, и конкурс «Золотой микрофон» в Турции, и XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Гаване. И везде Рымбаева — лауреат.

В 21 год Роза Рымбаева — лауреат шести (!) международных и всесоюзных конкурсов, лауреат премии Ленинского комсомола Казахстана, заслуженная артистка республики. Подобных взлетов на нашей эстраде не много наберется.

Но вот завершился первый этап творческого пути молодой певицы. Пора оглянуться назад и трезво оценить достигнутое.

Конкурсы? Да, они помогли самоутвердиться, поверить в свои силы. Правда, нервных энергозатрат было многовато... Но ведь жажда победы так сильна!

«Успех певца неразрывно связан с исполняемыми песнями, — считает Роза, — и я, вглядываясь в очень насыщенные пять лет, выделяю две песни — «Алия» и «Цвети, земля моя». Песни высокого гражданского звучания, они позволили мне максимально выразить себя и свое отношение к таким общечеловеческим темам, как любовь к Родине, борьба за мир, верность памяти павших за родную землю».

Как видим, и с песнями повезло — Роза нашла

именно свои, хотя, надо признать, приверженность к подобным песням не характерна для Рымбаевой: в ее программах преобладают лирические. И это объяснимо. Певице немногим более двадцати — весна жизни, мир воспринимается многокрасочным и улыбающимся. К тому же ощущение неизбывности молодых сил и рано пришедшее признание невольно окрыляют, рождая горячее желание поделиться со слушателями переполняющими тебя счастьем и радостью. Душа ликует, и песни сами рвутся на волю. Палитра красок певицы ярка и мажорна, когда поет: «...земля моя, земля моя, моя земля!». Так щедро и вдохновенно может петь только любящий и счастливый человек.

...В многодетной семье железнодорожного рабочего с разъезда № 9 Семипалатинской области Куаныша Рымбаева царил атмосфера тепла и взаимоуважения. С малых лет в окружении братьев и сестер Роза училась искусству дружеского общения. Позднее, в Семипалатинской школе-интернате, коммуникабельная, как теперь говорят, Роза была во главе всех ребячьих начинаний. Она и пела, и плясала, и играла на домре, и, кроме того, ходила в музыкальную школу — училась играть на кобызе. Жадная до всего интересного и по-доброму честолюбивая, Роза всюду хотела первенствовать. И чаще всего ей это удавалось. Как одну из лучших участниц художественной самодеятельности Розу вместе с фольклорным ансамблем Семипалатинска послали во Францию. А спустя год Рымбаева участвовала в Алма-Ате в республиканском конкурсе художественной самодеятельности и завоевала свою первую награду — I премию и звание лауреата. Эта победа открыла Розе дорогу в профессиональное искусство — ее пригласили в Государственный эстрадный ансамбль Казахстана «Гульдер», возглавляемый «открывателем талантов» Кабедином Туякаевым.

Именно в «Гульдере» Роза прошла путь от «зеленого» новичка до певицы, которую мы теперь так хорошо знаем. Здесь формировались ее взгляды, вкусы, артистический облик, характер.

Вершина, покоренная певицей, весьма значительна. А что же ждет ее впереди? Ведь творческий путь, по сути, только начинается. Как вы знаете, успех певца во многом зависит от репертуара. Хорошо понимая это, Роза постоянно ищет песни, которые помогли бы раскрыть какие-то новые грани ее таланта. Здесь и лирические кантиленные и игровые, шуточные. Очень, например, неожиданна была в ее исполнении песня «Я — балерина», где Роза демонстрирует незаурядную балетную подготовку. В ее концертных программах, постоянно обновляемых, песни весьма разные. Но, к сожалению, достойных ее дарования мало. Может быть, поэтому в эфире звучат записи четырехлетней давности. Вина, думается, лежит все же на композиторах: для Рымбаевой надо специально писать.

...Ослепительно сверкающие снегом цепи гор, вплотную придвинувшиеся к столице Казахстана, дышали зимой. Но в городе солнечно, птицы перекличку затеяли. Соперничая звонкостью с птичьим гомоном, звенит голос Розы:

«Почему так петь хочется? Не знаешь? — Она лукаво улыбается и сама же отвечает: — Потому, что сердце молодо и поет! Ясно?»

Глядя на радующуюся яркому солнцу Розу, я думал о том, что певцом, как и поэтом, надо родиться. И что лучшие ее песни впереди.

Павел ЕРМИШЕВ

...Что за ресторан или кафе в вечерний час без музыкантов? У нас в городе иногда просто заслушаешься хорошей песней, но случается и иначе: весь вечер с эстрады несет пошлый текст, сама музыка — стон и грохот...

Я понимаю, ресторанный музыка, эстрада имеют свою специфику. По возможности расскажите, как решается эта проблема в Москве.

Энвер КАФАР-ЗАДЕ,
Баку.

«СТОН И ГРОХОТ» У НАС НЕ В ПОЧЕТЕ.

утверждает Иван Васильевич Гераус, директор и художественный руководитель Московского объединения музыкальных ансамблей.

— За репертуаром мы следим, и следим придирчиво. Не так давно, например, пересмотрели ресторанные программы «Звездное небо», «Молодежная», «Вечерний Арбат», «Калейдоскоп», «Русская мозаика» и некоторые другие. Для гостиничного комплекса «Орленок» подготовлена новая современная программа. Постоянные наши авторы — известные советские композиторы Д. Тухманов, Л. Лядова, А. Петров, М. Таривердиев, а также их лучшие зарубежные коллеги.

— А что вы скажете насчет «грохота»?

— Условия, в которых работают наши исполнители, часто не соответствуют требованиям акустики. Интерьер и оформление некоторых залов создают немалые сложности для восприятия музыки. Но, на мой взгляд, главное — чтобы за проблемами в общем-то частными не упустить основное. А основное — это идейная направленность репертуара, художественный вкус исполнителей.

Совсем недавно специалистами объединения был проведен эксперимент, в ходе которого выяснились музыкальные привязанности коллективов. К глубокому сожалению, некоторые наши музыканты и вокалисты (а шестьдесят процентов наших исполнителей — совсем молодые) отдают предпочтение номерам с привкусом пошлости, тривиальности, эстетства.

Конечно, отработать четыре отделения по сорок минут — это примерно тридцать с лишним номеров за вечер — оркестру нелегко. Нелегко и вокалистам — восемь — десять песен за вечер, практически целое концертное отделение, и балету — восемь — десять танцев... Но нагрузка на грузку, а качество номеров постоянно должно находиться на высоком уровне.

Поэтому не случайно за прошлый и нынешний годы были расформированы четырнадцать ансамблей. Это, так сказать, оргмеры. Наш эксперимент имел цель — научить исполнителей хорошему вкусу, уважать вкус публики. Контрольные прослушивания в ряде ресторанов — своего рода рейды, которые совершаются специальной комиссией без предупреждения, — показывают, что определенного успеха мы добились.

Сейчас у нас в объединении сто девяносто пять ансамблей. Посетителям определению нравятся оркестры под управлением В. Кадерского (ресторан «Новый Арбат»), ансамбли В. Габриэлова («Столичный»), Д. Штейнгарда («Интурист»), Д. Варнавского («Метрополь»), С. Потапова («Молодежный»), программа-шоу коллектива Ю. Черенкова в ресторане «Союз». Эти артисты всегда умеют создать хорошее настроение в зале.

Другой вопрос — как распространить опыт лучших? Проблема, можно сказать, общесоюзная...

Беседу вел
Константин ИСААКОВ.

Виталий
ТРЕТЬЯКОВ

Так, текст поэта Андрея Вознесенского, музыка композитора Алексея Рыбникова, постановка Марка Захарова, хореография солиста Большого театра Владимира Васильева, режиссура и исполнение главной роли Николая Караченцова...

Драматический сюжет из русской истории; острая любовная коллизия; рок-музыка; архивные документы, декламируемые в перекрестии световых лучей; патриотический пафос и современные политические ассоциации — вот короткая характеристика интереснейшего спектакля Московского театра имени Ленинского комсомола.

Спектакль рассказывает о драматической судьбе русского дипломата и путешественника Николая Резанова (1764—1807), малоизвестной, но чрезвычайно интересной фигуре отечественной истории: одним из учредителей Российско-американской компании, а затем — главе ее правления, участнике организации кругосветного путешествия И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, полномочном посланнике русского правительства в Японии, составителе «Словаря японского языка» и пр. и пр. В конце своей жизни, выполняя поручение царя, спровоцированное, впрочем, бесчисленными просьбами самого Резанова, он на двух кораблях — «Юнона» и «Авось» — достиг берегов Америки, точнее, Калифорнии.

Резанов был за то, чтобы торговать, а не воевать, и на этой почве установил самые прочные контакты с коренным населением Америки. Эта миролюбивая линия Резанова и озадачила испанцев, которым тогда принадлежала Калифорния.

Однако Резанов нанес попыткам ограничить его контакты несокрушимый, и прямо скажем, поразительный по неожиданности удар. Он полюбил 16-летнюю Кончитту (в спектакле ее прекрасно играет Елена Шанина), дочь губернатора Сан-Франциско. Плененная смелостью, красотой и умом русского графа, Кончитта ответила взаимностью...

Любовь противостоит политике и церкви, ибо — о ужас! — Кончитта — католичка, а Резанов — православный. Тем не менее Резанов добивается гражданского бракосочетания, а затем отправляется в Россию, чтобы добиться разрешения на свой брак с Кончиттой.

Он везет в Россию свою любовь к Кончитте, грандиозные планы расширения русско-американской торговли и симпатии простых жителей Калифорнии. Увы, на обратном пути, в далеком Красноярске, Резанов простужается и умирает... Его блистательные экономические и политические проекты остаются невыполненными. Но Кончитта не верит слухам о гибели Резанова. Она не верит им 35 лет, отвергая все предложения о замужестве. Наконец, когда Кончитта получает неопровержимые доказательства смерти любимого, она дает пожизненный обет молчания и становится первой в Калифорнии монахиней...

Единая декорация, представляющая собой то трюм корабля, то его палубу, то дворец губернатора Сан-Франциско, то просторы сибирской тайги... Над сценой подвешен громадный парусник — символ мятущейся души Резанова, принесший ему блистательную славу, великую любовь и трагическую смерть. Парусник называется русским словом «Авось». В словаре Владимира Даля об этом слове сказано: «наречие — может быть, станет, сбудется — с выражением желания и надежды». А замечательный историк Василий Ключевский писал: «...Расчетливый великоросс любит подчас, очертя

ВОСК ВОС ВОС

Пьеса поз

голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы капризу собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось...»

Действие спектакля разворачивается бурно. Переговоры с вельможами русского двора об экспедиции, набор команды, детские воспоминания Резанова, плавание, политические интриги, любовь, смерть... Резанов не ждал и не искал легких путей. Он успевает торговать, строить дипломатические каверзы испанским политикам, вызывать восхищение своей демократичностью у местного населения, помогающего ему в устройстве его любовных дел, он успевает пленить сердце Кончитты, отбить обвинения католических монахов, вызвать симпатию отца возлюбленной...

Следуя за этим рвущимся сюжетом, меняются мизансцены, музыка, герои с прозы переходят на стихи, от драматического действия — к танцам...

Фантазмагория? Драма дипломата-авантюриста? История любви, изложенная в свете лазеров (использованы и они) и грохоте рока?

Нет. Сценографическая сторона не затемняет, а, напротив, проясняет четко выраженную идею спектакля: любовь сильнее вражды; миролюбие сильнее воинственности; патриотизм сильнее космополитизма; русская история — это история поиска друзей.

Впрочем, гуманистическая и, если хотите, политическая тенденция «Юноны» и «Авось» прекрасно выражена заключающим спектакль хором:

...Жители двадцатого столетия!
Ваш идет к концу двадцатый век.
Неужели вечно не ответит
На вопрос согласия человек?..

О спектакле, вписавшем удивительную, прекрасную строку в биографию театра, мы беседуем с его постановщиком, главным режиссером Московского театра Ленинского комсомола Марком Захаровым.

— Вагнер считал оперу наиболее синтетическим жанром искусства, способным представить зрителю гармонию и апофеоз музыки, драмы, живописи, пластики, архитектуры... Не идет ли ваш театр по этому пути, лишь заменяя классическую музыку более современной нам?

— Я думаю, что сегодняшний театр должен впитывать в себя все достижения современного искусства и сопредельных с ним областей жизни. Мы активно использовали в «Юноне» и «Авось» световые эффекты. Велики достижения цветомузыки — их тоже бы надо использовать активнее: очевидна связь определенных цветов с теми или иными эмоциями.

Да, театр сейчас развивается по линии синтеза искусств. Конечно, плохой синтез — это эклектика, но зачем же ориентироваться на неудачу?

Мы не можем обращаться к опыту ТВ, эстрады, кино, архитектуры, цирка, современного дизайна, даже полиграфии...

Поиски и построения из этих поисков — вот что привлекает в сегодняшнем советском театре.

— Исторически сложились несколько театральных жанров: музыкальные — опера, балет, оперетта; драматические — трагедия, комедия... Какой из них, на ваш взгляд, наиболее соответствует духу времени, интересам зрителя?

— В настоящее время наступил, по моему мнению, кризисный период в развитии музыкального театра. Современная опера академического склада уже не привлекает широкого зрителя. Настоящий

Решенная Носит

Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО и композитора Алексея РЫБНИКОВА
в постановке театра имени Ленинского комсомола

успех здесь, как мне кажется, наблюдается только у Бориса Покровского, свежо работающего в созданном им Музыкальном камерном театре над современными операми, поставленными на серьезную музыку.

Большое охлаждение и к оперетте. Законы венской оперетты, в рамках которых работали до сих пор постановщики современных оперетт, пришли в несоответствие с теми требованиями, которые мы предъявляем к театру.

Драматический театр лучше готов к отражению наших проблем, нюансов в развитии современного человека и общества.

Ситуацию в музыкальном театре обострило и появление новой звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратуры, особенно приход этой аппаратуры в дома зрителей. Очень многие театральные оркестры уступают по качеству исполнения тому, что записывается на пластинках и кассетах. Оркестровые ямы в театрах опустели, музыкальные спектакли идут под фонограммы.

Но это не значит, что пропал интерес к музыке в театре — классической или современной, академической или экстравагантной, народной или экспериментальной. Скорее наоборот. Вот почему у нас в театре, где у режиссеров и у актеров есть склонность к музыке, мы пытаемся ее максимально развить. Придя в театр имени Ленинского комсомола, я пригласил к нам работать тогда еще самостоятельный ансамбль «Аракс». С ним мы поставили современную пьесу «Автоград XXI» и «Тиль» — инсценировку знаменитого романа Шарля де Костера. Это еще не чисто музыкальные спектакли, но в них музыке отводилась очень большая роль.

Предпоследняя наша музыкальная работа — «Звезда и смерть Хоакино Мурьеты» композитора Алексея Рыбникова — строилась уже по законам современной оперы. Спектакль имел успех, был

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «ЮНОНА» И «АВОСЬ».

Фото Александра РЫБЧИНСКОГО

записан на двойном альбоме, а мы научились работать с рок-ансамблем на сцене.

Недавно ушел на эстраду «Аракс», мы приняли к себе новый ансамбль — «Рок-ателье». Наш опыт позволил нам обратиться к более ответственной теме — к русской истории. Так появился спектакль «Юнона» и «Авось».

В нем мы использовали не только достижения современной инструментальной музыки, но и русскую культовую музыку того времени, о котором повествует спектакль, а также романсовую музыку. Получилась довольно причудливая композиция; как говорят специалисты, не рок-опера, а какая-то новая форма современного музыкально-драматического спектакля. В этом жанре нам бы хотелось утвердиться.

Но в нашем театре идут разные спектакли. Коридор нового должен быть широк. Этот принцип завещал Всеволод Мейерхольд. Он сам не превращал отдельную свою удачу, отдельный спектакль в какой-то «голубой» или «фиолетовый» период. Хотя это усложняло, конечно, его путь — он каждый раз все начинал сначала.

После «Юноны» и «Авося» мы ставим спектакль, где не будет никакой музыки. Правда, музыка остается в актерах, в режиссере. Работа в музыкальном спектакле не проходит бесследно. Она обогащает актерскую пластику. Не звуча в спектакле, музыка звучит в игре.

— «Драматически» играть в опере, даже рок-опере, удастся в лучшем случае двум-трем актерам — исполнителям главных ролей. Так, на мой

взгляд, произошло и в «Юноне» и «Авось»: Караченцов — Резанов, Шанина — Кончитта и Абдулов — Фернандо Лопес имели возможность показать себя. Удовлетворяет ли это остальных актеров труппы?

— Когда появляется новая и важная идея, это интересно для всех. Театр все-таки коллективное творчество, сколько бы ни говорили о режиссер-диктаторе. У нашего спектакля несколько соавторов — людей, безусловно, талантливых. Реализовывалась какая-то общая мысль. Общая — это важно для театра.

Поэтому актеры, которые исполняют даже второстепенные роли, играют с большим энтузиазмом.

Конечно, театральная труппа — сложное образование. Актеры иногда ленятся, могут невзлюбить какой-то спектакль и халтурят на нем, иногда не хотят бегать в массовке... Но здесь этого не было.

Наш спектакль — это искусство современников, пекущихся о знании нашей истории. Ценность духовных ритуалов прошлого, необходимость сохранения древних святынь нашего народа — вот одна из главных идей спектакля. Восстановление разрушающейся связи времен, чем был так озабочен в свое время принц Гамлет, — вот в чем мы видели нашу задачу. Может быть, я несколько грущу краской, но в целом эта проблема существует.

— «Юнона» и «Авось» не может не вызвать современных политических ассоциаций. Одна из них: спектакль воспринимается как гимн разрядке. Не в военном, конечно, а в политическом, гуманистическом и историческом смысле. Другая: заявленная, как мне кажется, авторами мысль об извечном стремлении российской культуры искать соприкосновения с культурами других народов.

— Конечно... Вообще россиянам, России свойственно желание жить в мире, в добром человеческом контакте со всеми. История Резанова, искавшего на американском континенте друзей, — тому лишь один из примеров. Русский характер не ассоциируется с воинственностью. Воевать нашей стране приходилось, но никогда мы не делали и не стремились делать из этого профессии. Скорее наоборот.

— Резанов был увлеченным человеком, деловым и сильным, умевшим бороться за свое чувство. Думается, обладая таким характером, он не мог увлечься пустой женщиной — только натурой цельной и деятельной.

На мой взгляд, эти качества героев «Юноны» и «Авося» выгодно отличают их от некоторых других молодых людей — героев современных театральных постановок.

— По-моему, всем уже надоело скучающие, много говорящие молодые герои драматургии последнего времени, неспособные на самые минимальные действия в защиту своей любви, позиции, своего счастья или своего убеждения. Кончитта и Резанов активны, и уже одно это вызывает к ним симпатию. Было бы неплохо, если бы герои, подобные Кончитте и Резанову, вытеснили бездействующих персонажей, сначала в драматургии, а потом и из зрительного зала.

Рисунки
Олега
ВУКОЛОВА

Владимир ЦЫБИН

Средь ранней сырой позолоты
особенно сердцу близка,
исполнена чуткой заботы,
природа, все та же пока.

Свиваются сами волнушки,
сквозит синевую родник,
несет он вдоль старой опушки
угасшего вечера лик.

Мы все в эту пору велики,
и видим мы, зоркость храня,—
вплетаются зыбкие лики
в опавшие отблески дня.

Сгущаются красные тени,
и звезды встают у плеча,
и гаснет мое отраженье
на листьях,
на сини ручья.

Сбывается время отлета
в тревожный разгар сентября,
и хочется жить для кого-то,
жить просто,
любя и дая.

Рустем КУТУЙ

Погожей осенью
и сам пригож.

Похоже,
свет течет под кожей.

Брожу среди рогож —
душисто,
солнечно,
опратно.

Пригорок. Просека. Мосток.
И каждый звук сокрыт,

и лист небрежен, как мазок,
скользит наискосок.
Не чую возраста.

Обвалов.
Блестит вода, как чистый срез.
Здесь время и не убывало —
стоял и плавил

вечность лес.

Крик петуха восходит,
как подсолнух.

Рыжи просторы,
и земля рыжа.

А вверх как глянешь —
там по небосклону
парит сосна,
как легкая душа.

Наталья ОСОКИНА

Не уходи, сентябрь!
В молчанье золотистом,
в березовых мечтах
на бирюзе небес.
Не уноси с собой
дыханье добрых листьев
и розовый пожар цветов.
И снова лес
горящим янтарем оплавил
дуновенье
последних дней и сил
осенней красоты.
На озеро упал закат
в переплетенье
лучистого дождя,
звонящей чистоты.

Владимир БОЛОХОВ

Хлябь ноября.
Морозный хрип трясины
окраинной дороги и полей...
Нагая скорбь
березы и осины,
сквозная даль
простуженных аллей...
Но есть
неизъяснимая отрада
для человека
и в ненастном дне:
живому сердцу
так немного надо,
когда с ним
жизнь сама —
наедине.

очей очарованье...

Алексей КОЗЛОВСКИЙ

Настольную лампу рябины
Включили под осень в саду.
И, в сторону сдвинув гардины,
Я створки окна разведу.

Настольная лампа... Но вроде
От пушкинской что-то поры
В щемящей сентябрьской погоде,
В отсутствии вязкой жары.

Включили всю музыку лета,
Мелодию прожитых дней.
Махровые, как эполеты,
Последние астры над ней.

И там, в окончанье аллеи,
Все чудится мне до сих пор,
Что сам Александр Сергееч
Во флигель прошел через двор.

Татьяна СМЕРТИНА

Колодец

Все от снегов поседело,
В Сорвижах—осенние свадьбы.
Эхо в колодец влетело—
Болтали две бабы.
Осень ругали,
Морозец, мол, крепок,
И собирали
Слухи про девок.
Долго по срубам
Эхо металось
И белозубо
В воду вливалося.
Тяжко бадью
Вытягать мне на свет,
Эхо цепляется
В мокрую цепь.
Вздыхает вылезти—
Ухнется снова
В черную жуть
До единого слова.
К срубам нагнись—
Иньи все вниз.
Слушать так страшно
В год високосный.
Ночью протяжно
Стынут откосы,
Лед заживляет
Раны топоры,
Страстно зывает
Эхо с неволи...
Не слушай-ко, впрочем!
А то с этой ночи
Несчастья
Начнешь ты творить,
Безумно и глупо любить,
Кинувшись с дрожью
Дорогой чужой.
Да мало ль что может
Слиться с душой!

Михаил АНДРОНОВ

В позднюю осень

Промерз насквозь,
Прохвачен до костей
В порывах ветра,
сердце леденящих.
И больше нет на фронте новостей,
За исключением пуль свистящих.
Они свистят
И норовят—в висок.
В окопе—грязь.
Шинель давно промокла.
Смотрю на лес,
Смотрю наискосок
И протираю линзы у бинокля.
Бой не стихает...
С неба давит гарь,
И горизонт весь обгажен пожаром.
А мне б чайку,
А мне б один сухарь
Да баньку потеплее с легким паром!
Дозорный пост стрелкового полка.
Заиндевели стекла окуляров.
Промерз насквозь,
Мне смены нет пока.
Но, к счастью,
Нет и бомбовых ударов!

Карина ПЕТРОВСКАЯ

Ноябрьские сады

Дозрели листья, как плоды,
И тихо на землю упали.
И вот осенние сады
Стоят, поникшие, в печали.
Да, близок, близок зимний сон:
Покой, дремотное забвенье.
Но впереди—капли звон,
Но впереди—весны цветенье.
Пускай пока им не уснуть.
На ветках то ль роса, то ль слезы.
Но чудится садам: весну
Уже несут шальные грозы.

Александр ГОЛУБЕВ

Полыхает калина в леваде,
и над степью кровавит заря.
Вот и снова пора листопада
бьет крылами в руках сентября.

Сколько жара в пылающих гроздьях!
Прикоснись, и дырявый забор,
из штакетника выдернув гвозди,
деру даст в неоглядный простор.

Мимо хаты и сада в низине,
где, устав от потерь и невзгод,
пожилая казачка в корзину
кисти спелой калины кладет.

Был казак—коновод и рубака,
но ему, так судьбой суждено,
возле Бреста в последней атаке
выпить смертной разлуки вино.

И теперь над низиною голой,
улыбаясь приходу зари,
как заветной фуражки околыш,
у забора калина горит.

Павел ГРУШКО

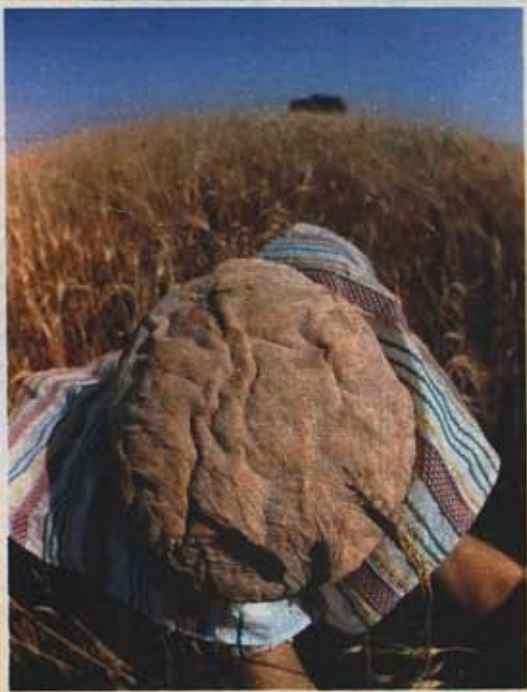
Валторна осени

Сухая осенняя ясность,
рассеянный пляс мошкары,
глухая предзимняя гласность
запруды, колодца, коры.

Обессилившее затишье
легло на мембрану пруда.
Нагие деревья чуть выше,
чуть ниже нагая вода.

О чем так светло и просторно,
взывая ко всем и ничья,
поет эта осень-валторна,
сухие уста щекоча?

Так ясно в прохладе осенней
душа твоя вновь молода,
как в пору последних прозрений
и первых шагов во всегда.

Как только не называют это загадочное явление, порождаемое нашей психикой,— «шестым чувством» и «внутренним голосом», «озарением» и «наитием», «предчувствием» и «предупреждением свыше», а иногда понаучнее — «интуицией»... Все эти слова часто отражают, включают в себя одну неизменную мысль: то, что произошло, нельзя объяснить, если не привлечь на помощь... «потусторонние силы».

Между тем наука и здесь говорит свое веское слово. И познакомиться с этим словом, наверное, небезынтересно многим. Ведь, пожалуй, нет среди нас человека, который не слышал бы что-нибудь об особом психическом ощущении, якобы предвещающем в скором времени какое-то, чаще всего неприятное, событие.

О предчувствиях пишут в художественных произведениях. О предчувствиях некоторых исторических событий рассказывают летописцы прошлого. Многие убеждены, что и в нашей обычной жизни предчувствия играют заметную роль.

Нельзя также не видеть, что в оценке всякого рода предчувствий всегда легко определить, на каких мировоззренческих позициях находится человек. Если это преподносится как «озарение свыше», как необъяснимая законами природы способность «постижения истины», можно не сомневаться — отсюда прокладывается дорога к мистике.

ЗАГАДКИ «ШЕСТОГО ЧУВСТВА»

...Этот случай авиамеханик Федотов запомнил на всю жизнь. С взлетной полосы ушло в тренировочный полет звено истребителей. Перед этим он, как обычно, доложил командиру звена о готовности всех трех самолетов. Однако не прошло и минуты после того, как звено скрылось за лесом, механика вдруг охватило какое-то смутное беспокойство, волнение. В сознании билось предчувствие большой беды. Но почему?! Мозг не давал ответа. А необъяснимое чувство надвигающейся неведомой опасности все росло. Через несколько минут мысли приняли более четкое направление, теперь Федотов напряженно думал об одном из трех самолетов. Он уже был уверен: «Что-то с ним случилось!»

Механик не ошибся. Через полчаса стало известно, что пилот этого самолета, чуть не разбившись, совершил вынужденную посадку. Отказал мотор.

...В прошлом веке в одном из волжских городов произошло событие, которое надолго запомнили его жители. Позднее о нем писали ученые, как о

редкостном случае предчувствия. В город приехал по своим делам человек. Остановился в старенькой, недорогой гостинице, снял отдельный номер. По утрам вставал с постели с необъяснимым чувством беспокойства. Человек постарался отогнать от себя это чувство. Что ему может угрожать? Однако предчувствие какой-то опасности продолжало преследовать весь день. Вернувшись однажды в гостиницу, он долго расхаживал по комнате, а затем подошел к стоящей в углу кровати и перетащил ее в противоположный угол.

Позднее, вспоминая все происходившее, этот человек утверждал, что не знал, зачем ему понадобилась такая перестановка: кровать стояла удобно, а новое место было выбрано не совсем удачно. Но... перестановка кровати его успокоила, и он лег спать. А ночью большая балка, находившаяся как раз над тем местом, где прежде стояла кровать, обрушилась.

Почти все жители города, обсуждая происшествие в гостинице, решили тогда, что человека спас сам бог.

...Из письма Галины Н., присланного в редакцию «Смены»: «Со дня смерти моей мамы прошло уже около пяти лет. Но меня все еще волнует загадка, с которой я тогда столкнулась. Получилось так, что перед смертью мамы мне пришлось уехать в Киев. Там в первую же ночь мне приснилось, что мама лежит больная и просит поскорее вернуться домой. Я не придавала этому сновидению большого значения, но на следующую ночь я увидела во сне, что маму уже хоронят. Утром дала телеграмму домой, и брат ответил, что мама заболела. Когда возвратилась, мама была уже очень плоха. Через несколько дней она умерла. Вот с тех пор меня и не оставляет мысль о пророческих снах. Выходит, что они все-таки бывают. Может ли это объяснить наука?»

Три невыводимые истории, достаточно убедительно подтверждающие реальность предчувствий. Можно ли каждой из них дать научное объяснение, отбросив сверхъестественное?

Можно. Впрочем, сначала о более частой и не столь загадочной форме предчувствий.

«ЧУЯЛО МОЕ СЕРДЦЕ...»

Кто не слышал этих слов! За день или два, иногда за несколько часов до неприятного события у человека вдруг начинает щемить сердце. Что случилось? В голову непроизвольно лезут мысли о скорой неприятности, нарастает тревога за близких людей.

Большого секрета тут нет. Щемящее чувство в области сердца появляется в минуты переживаний — думает человек о предстоящем тяжелом разговоре, бес-

покоится о том, как сын или дочь окончат школу, тревожится за ребенка, у которого вдруг поднялась высокая температура, — у него начинает болеть сердце, в груди появляется неприятное ощущение, мешающее легко дышать.

Особенно это присуще людям с повышенной нервной возбудимостью. Для них порой самый незначительный случай может привести к переживаниям. Они-то и сказываются на работе сердца. Ведь наш организм — единое целое. Работа его внутренних органов самым тесным образом связана с нервной системой, с психикой.

Плохо работает сердце, кишечник, почки — и это отражается на психическом состоянии, самочувствии, поведении человека. И наоборот, различные переживания — радость, горе, испуг, ожидание чего-то неприятного — в свою очередь, тоже сильно влияют на деятельность внутренних органов. Кто не знает, как изменяется работа сердца при внезапном испуге! Так же накладывают свой отпечаток на его работу и наши переживания, тяжелые мысли о предстоящих событиях.

Сын уходит в школу, а у матери «вдруг» начинает болеть сердце. И когда он приносит в дневнике две двойки за четверть, мать говорит: «Я уже знала об этом утром». Она и в самом деле убеждена в том, что сердце подсказало ей. А как было на самом деле? Мать знает, как идут дела у сына в школе. Ее уже не раз просили обратить внимание на плохую успеваемость, интересовались условиями в семье. Много раз она говорила об этом с сыном. Удивительно ли, что перед тем, как в школе закончится четверть, мать с тревогой думает, какие отметки принесет на сей раз ее парень. Думает и боится худшего.

Эти мысли не дают покоя, и вот уже начинает болеть сердце. Оно «предвещает» неприятное. А истоки «предсказания» — мысли матери. Нарушенная спокойная работа сердца дает о себе знать головному мозгу, и сознание человека отмечает: что-то с сердцем неладно. Что именно, сказать трудно. Расшифровать сигналы, поступающие от сердца в мозг, — очень трудная задача. Знаменитый русский естествоиспытатель И. М. Сеченов образно назвал их «темными ощущениями». Опытный врач по таким ощущениям может в некоторых случаях определить заболевание сердца. А суеверный человек начинает думать, что его сердце предвещает скорую беду.

Механизм предчувствия тут ясен. Однако бывают случаи посложнее. Далеко не всегда можно уловить, обнаружить связь нашего сознания с работой внутренних органов.

ПОГОВОРИМ О ПОДСОЗНАНИИ

Как вы думаете, может ли человек думать о чем-либо и не знать, что он думает именно об этом?

Казалось бы, вопрос не имеет смысла. Между тем мыслительные процессы, в которых человек не отдает себе отчета, существуют. Более того, неосознаваемая, подсознательная деятельность мозга занимает в нашей жизни далеко не последнее место.

Здесь нам самое время поговорить о том, а что такое подсознание. Вспомним о простых вещах.

В головной мозг поступает множество разнообразных сигналов как от внутренних органов, так и из внешнего, окружа-

ющего нас мира. Все они оставляют в нем свои следы. Но не все фиксируются, не все улавливаются нашим сознанием. Глаза, например, могут увидеть лежащую в траве ценную вещь, а до сознания это не дойдет, потому что человек думает в этот момент совсем о другом и не следит за тем, что находится под ногами. Однако глаза, повторяем, увидели вещь, дали о ней сигнал в мозг, и где-то в нем остался след.

Позднее этот след может совершенно неожиданно «всплыть на поверхность», появиться в сознании. Чаще всего такое происходит во время сна — человек может очень ясно увидеть, как он шел по траве и заметил в ней потерянную вещь. В других случаях такие не дошедшие до нашего сознания в ясной форме сигналы могут вызвать смутное и неопределенное чувство тревоги. Появляется, например, предчувствие опасности. Какой и отчего — сознание подсказать не может. И опасность действительно приходит.

Для религиозных людей такой случай является бесспорным доказательством существования потусторонних сил. Кто же еще мог предупредить человека о грядущей опасности?! Разве это не настоящее предчувствие, объяснить которое нельзя какими-то естественными, земными причинами? Между тем человек сам себя предупреждает об опасности.

Рассудочное мышление, как известно, характеризуется тем, что, думая о чем-то, мы можем проследить весь ход своих рассуждений, их последовательность и логичность. Иное дело — подсознательная, другими словами, интуитивная, деятельность мозга. Тут мы уже не можем воссоздать все звенья мыслительного процесса, мозг выдает в наше сознание лишь конечный результат размышлений.

Интуиция входит в сознание в виде готового суждения без всякого доказательства. И это, естественно, выглядит как внезапное «озарение» (в другом случае — «предчувствие»), хотя за ним скрыта порой напряженная, а нередко длительная работа мозга.

...Человеку, погруженному в гипнотическое состояние, было приказано проснуться, забыть все, о чем говорил врач-гипнолог, и в то же время выполнить один приказ: через четыре дня в тот же час позвонить врачу и справиться о его здоровье.

«Мой телефон такой-то, — сказал врач, — но вы его тоже забудьте». Все произошло без осечки. Все четыре дня человек не думал о гипнотизере, но примерно за час до назначенного срока он вдруг пришел в волнение, вспомнил о враче: «Как он там, не заболел ли?» Захотелось немедленно позвонить ему по телефону, но тут же он подумал, что телефона не знает. А тревога нараста-

ла. Не в силах сидеть за рабочим столом, он подошел к телефону и машинально, наугад набрал номер телефона.

Ответил врач-гипнолог. В каких тайниках мозга хранила память сказанный под гипнозом номер телефона?

Этот опыт проводился многократно, с разными людьми, и всегда результат был один и тот же: подсознание в нужный момент напоминало человеку о приказе гипнотизера и сообщало сознанию забытый номер телефона.

Забытый сознанием, но не подсознанием!

Ученые из Бухарестского института психологии проводили эксперименты по неосознанному угадыванию. Человеку под гипнозом показали десять картин. Затем картины перемешали с другими и показали тому же человеку, находящемуся уже в нормальном состоянии. Он сказал, что ни одну из них ранее не видел, но, когда ему предложили отобрать десять полотен для снятия репродукций, он выбрал именно те десять картин.

Вот еще один интересный факт, имеющий отношение к области бессознательного. В кинотеатре идет фильм, причем на отдельных кадрах есть надписи, не имеющие никакого отношения к сюжету картины, например, реклама нового вида товара. Надписи появляются и исчезают на экране настолько быстро, что зрители не воспринимают их. Точнее говоря, они не доходят до их сознания и осмысления (как известно, чтобы какой-то кадр с надписью запечатлелся в сознании, нужно не менее 0,1 секунды видеть этот кадр). Однако, когда сеанс заканчивается, многие из тех, кто только что смотрел фильм, идут в магазин, где, по словам рекламы, можно купить новый товар. Идут, хотя ясно не сознают, зачем...

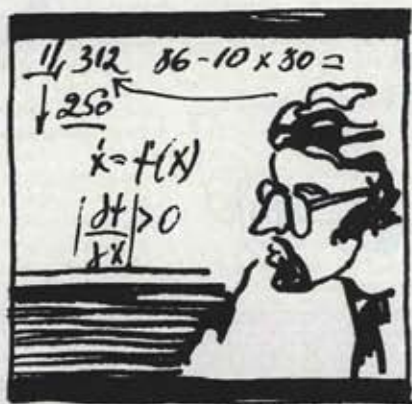
Подсознательной работой мозга объясняется и удивительная способность некоторых людей к молниеносному счету в уме. Объяснить, как это у них получается, они не могут, и понятно почему: вся вычислительная работа протекает неосознанно.

Бессознательное присутствует во всех формах психической деятельности человека. Не учитывая этого, нельзя понять до конца поведение людей в различных жизненных ситуациях. Подсознание постоянно взаимодействует с сознанием, причем это взаимодействие не носит характера соподчинения. Нет никаких оснований утверждать, что существует какое-то «роковое», непреодолимое господство бессознательного над сознанием, о чем так много писали и пишут всякого рода мистики, но и не следует думать, что роль бессознательного в работе нашего мозга незначительна, случайна (поэтому термин «подсознание», наверное, нельзя назвать удачным; слово «бессознательное» лучше отражает суть вопроса).

В жизни бывает и так: сознательное переходит в бессознательное. Вспомните езду на автомашине. Пока вы учитесь ее водить, каждое ваше действие за рулем вполне осознаваемо. Но проходят годы, и вы, уже не думая, как прежде, ведете машину почти автоматически; однако стоит попасть в трудное положение, и подсознание тут же подсказывает, что надо сделать — мгновенно затормозить или резко вывернуть руль.

БЕЗ МИСТИКИ

А теперь возвратимся к «чудесному спасению» человека в приволжском го-

роде. Вот что там произошло. Гостиница была старая, потолки ее требовали ремонта. Балка в комнате уже настолько прогнила, что могла обрушиться в любую минуту. Пройдет кто-то над ней этажом выше — и она уже вздрагивает, тихо поскрипывает. Днем человек не замечал этих звуков, в сознание проникали только громкие посторонние звуки. Однако и днем, а особенно ночью, когда все затихало, его слух передавал в мозг едва уловимое поскрипывание балки. Продолжая работать и во время сна, мозг с тревогой воспринимал эти звуки. В подсознании возникла вполне естественная мысль о том, что эти скрипы грозят опасностью, потолок может обвалиться. Но в сознании эта мысль не появлялась, и каждое утро человек просыпался с непонятной тревогой, с ожиданием чего-то плохого, неприятного. Наступала следующая ночь, и подсознание, продолжая беспокоиться, снова напоминало об опасности, а затем и подсказало человеку, что следует сделать: мысль о том, что нужно переставить кровать, всплыла наконец в сознание.

Как видите, и столь загадочный случай находит свое научное объяснение. Кстати, «расшифровал» его тогда же ученый, приехавший отдохнуть на Волгу. О недавнем происшествии в гостинице ему рассказал университетский товарищ, у которого он гостил. Заинтересованный «чудесным спасением», ученый-материалист побывал в гостинице и понял, что там в действительности произошло.

Ну, а как объяснить предчувствие Федотова?

В работе двигателя одного из самолетов опытный механик уже при проверке уловил какие-то неполадки. Но признаки этих неполадок были настолько незначительны, что до сознания моториста они не дошли, он уловил их подсознательно, а через короткое время мозг довел до сознания мысль о том, что с двигателем не все в порядке. Мысль эта была настолько неформальной, что породила в сознании человека, отвечающего за проверку двигателей, необъяснимое беспокойство — предчувствие какой-то неприятности, а может быть, и беды...

...Плохо подготовившийся студент предчувствует, что провалится на экзамене, и действительно проваливается. Взятчик часто думает о том, как бы не попасть на скамью подсудимых; приходит час, и его предчувствие оправдывается. Эти примеры стоят дальше от тех загадочных случаев, когда предчувствие кажется чем-то потусторонним, мистическим. Но порой даже они вызывают у иных мысли о сверхъестественном. Как говорит старый афоризм: «Результат зависит от точки зрения!»

А теперь о письме Галины Н. Ее

сновидения перед смертью матери, конечно же, не были пророческими. Точнее сказать, их породили мысли самой Галины. Здесь мы встречаемся с тем же «предчувствием», только мозг выдал его в виде сновидения.

Ведь как было дело? Уезжая в командировку, дочь видела нездоровое, бледное лицо мамы. Видела, но не придавала этому большого значения. Мысли были заняты предстоящим отъездом. Но ее мозг отложил на одну из полочек своей памяти образ больной матери. В поездке еще и еще раз в сознании всплывала сцена провожания, грустный взгляд мамы. А дальше к мыслям о матери подключается подсознание. Сопоставив все, оно делает вывод: мама скоро, может быть, даже очень скоро, умрет. Эта мысль поступает в сознание через сновидения. Подсознание показывает сознанию дочери яркую картину того, что может случиться в ближайшее время...

ИНТУИЦИЯ И ТВОРЧЕСТВО

Роль и значение интуиции, или, если хотите, озарения, далеко не ограничиваются тем, что иной раз они извещают нас о том, что может произойти в будущем. «Интуиция», — пишут авторы книги «Тайны предвидения» А. Белявский и В. Лисичкин, — удивительное свойство человека. Наши психологи совсем недавно наконец всерьез занялись изучением этого явления. Возможно, это высшая ступень человеческого мышления, сплав всех знаний, полученных нами в жизни, как осмысленных, так и незаметно прокравшихся в наше подсознание, всей генетической информации поколений, переданной в мозг, всех чувств человека...

Наше сознание не исчерпывает и не может исчерпать всей психической деятельности. Понятие «психика» шире понятия «сознание». И когда мы встречаемся с интуицией, то несомненно, что в ней проявляется деятельность психики. «Мы отлично знаем», — писал И. П. Павлов, — до какой степени душевная, психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного».

Рассекречивание естественнонаучных основ всего комплекса нашего мышления начинается только сейчас. Много в этой интереснейшей проблеме познания еще скрыто за семью печатями. Нам почти неизвестен, во многом непонятен механизм интуитивных решений, но уже нет того отношения, когда все связанное с интуицией отвергалось без изучения и таким путем отдавалось на откуп мистикам.

А то, что мы сегодня уже знаем о работе подсознания, говорит об одном: «озарения» не сваливаются к человеку

с небес. Интуиция теснейшим образом связана с ранее приобретенными знаниями и навыками, с накопленным опытом и логикой мышления, то есть с вполне сознательными психическими процессами. Только на такой основе могут рождаться в голове «светлые мысли» — порой совсем неожиданно, скажем, во время отдыха, а не тогда, когда ученый, писатель или изобретатель обдумывает свою проблему, сидя за рабочим столом. «Находки ума» говорят лишь о том, какую большую роль могут порой играть в нашей жизни мыслительные процессы, протекающие в подсознании.

И чем больше у человека знаний, опыта, тем чаще могут возникать у него правильные интуитивные решения. Когда летчик-испытатель в доли секунды, не раздумывая, принимает правильное решение, чтобы спасти машину, он руководствуется не каким-то «озарением свыше», а своим богатым опытом. В критический момент полета его мозг молниеносно выбирает единственно правильное решение, как поступить, но если потом спросить, почему он поступил так, а не иначе, пилот может и не ответить. Ведь принял он решение не думая, интуитивно. При этом мозг думал (хотя и мгновенно!), и главную роль тут играло подсознание.

Многие выдающиеся писатели и ученые подчеркивали большое значение интуиции в их творчестве. Об этом писали Гёте и Эйнштейн, Гаусс и Пуанкаре, Шиллер и Доде... Рассказывая о том, как он писал многие стихотворения, Гёте признавал: «Заранее я не имел о них никакого представления и никакого предчувствия, но они сразу овладевали мною и требовали немедленного воплощения, так что я должен был тут же, на месте, произвольно, как лунатик, их записывать». А известный французский математик А. Пуанкаре вспоминал, как он безуспешно пытался решить одну задачу. Так и не решив ее, он отправился на экскурсию. Дорогой он, конечно, забыл о математике. И вдруг совершенно неожиданно у него возникла мысль о том, как можно решить мучившую его задачу. Решение возникло внезапно, хотя он уже не думал над задачей.

И в заключение поразительное признание человека особой, редкой и опасной профессии. Больше десяти лет назад в печати была опубликована беседа с одним советским разведчиком. Вот отрывок из этой беседы:

—...Я больше доверяю личным ощущениям, чем тому, что написано в анкетах и характеристиках. Я очень упорен в своем мнении о людях и если уж составил его о человеке, изменить его может только он сам. И больше никто. Как бы мне его ни расхваливали. Или, наоборот, ни ругали.

— И вы уверены в непогрешимости своей интуиции?

— На девяносто процентов. И не вижу в этом никакой мистики. Я убежден, что, когда наука всерьез займется этой проблемой, интуицию сведут к подсознательным процессам, которые протекают в нашем мозгу, не отражаясь в сознании, не фиксируясь в памяти, но предусмотрительно накапливая в какой-то клеточке нужную информацию, о существовании которой мы и не подозреваем. В нужную минуту мозг услужливо выплеснет ее, предостерегая нас об опасности...

Рисунки Александра ГРИШИНА

Конкурс юмористических рисунков

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО, Москва

Во!

Рисунок Валерия ЛЮБИЧА, Алма-Ата

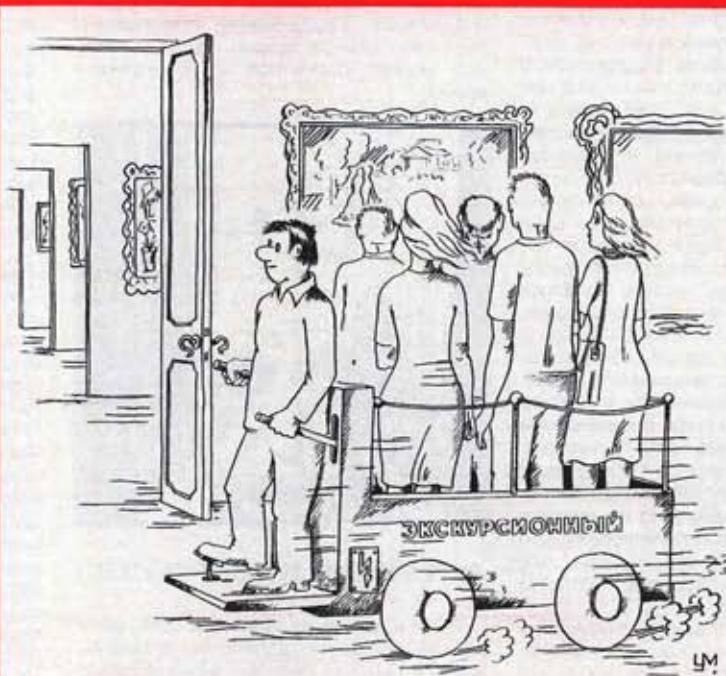
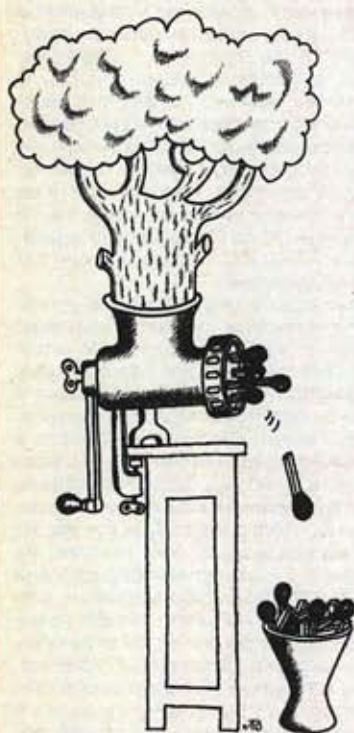

Рисунок Александра УМЯРОВА, Москва

Рисунок Георги КИРИЛЛОВА, Болгария

Рисунок Бориса ЗРЕНБУРГА, Челябинск

ШАХМАТЫ ШАХ

В ДИНАМИЧНОМ СТИЛЕ

Следующие две партии очень показательны для стиля молодого поколения гроссмейстеров. Их, несмотря на различие дебюта и внешнего характера борьбы, объединяет динамичность мышления, удивительная действенность и энергия в осуществлении стратегических и тактических замыслов. Авторами этих побед были наши два самых молодых гроссмейстера Гарри Каспаров и Артур Юсупов. Л. Кавалек — Г. Каспаров, международный турнир в Бугойно, 1982. Староиндийская защита:

1. c4 g6 2. d4 Cg7 3. Kc3 Kf6 4. e4 d6 5. Kf3 0—0 6. h3 e5 7. d5 Ka6 8. Ce3 Kh5! 9. Kh2 Fe8 10. Ce2 Kf4 11. Cf3 f5 12. h4 Fe7.

Черные своеобразно и остро разыграли дебют, и уже в ранней стадии партии возникла весьма

напряженная ситуация, где идет жесткая борьба за инициативу. Пытаясь оттеснить коня f4 с важного аванпоста, что дало бы им перевес, белые продолжили:

13. g3

На этот естественный ход черные реагировали совершенно нестандартно:

13. ...Kb4!

Исключительно оригинальная реплика. Выясняется, что в случае 14. gf ef 15. Cc1 (15. Cd2 Kd3+ 16. Кре2 C:c3 17. C:c3 fe, к выгоде черных) 15...fe 16. K:e4 Cf5 17. Fe2 Лае8 18. a3 C:e4! черные добиваются решающего преимущества.

14. Фb3 Kfd3+ 15. Кре2 f4.

Осложнения нарастают. Проникновение в тайны позиции требует от черных не только далекого расчета и точной оценки, но и незаурядной фантазии.

16. Cd2 f9 17. fg Л:f3! 18. K:f3 Cg4 19. Лаf1 Лf8.

Кульминационный момент борьбы.

Под редакцией международного гроссмейстера Алексея СУЭТИНА

бы. Черные пожертвовали качество, их кони хотя и расположены активно, но «повисают» ввиду угрозы a2—a3. И тем не менее, как показывает анализ, позиция черных весьма перспективна. Именно в этом проявляется современная динамика шахмат.

20. Kd1.

В случае 20. a3 Ka6 21. Фc2 (21. Кр:d3? Kc5+!) 21...Kac5 22. b4 Фf7 23. bc K:c5, и затем 24...C:f3+,

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМА

черные имеют за качество более чем достаточную компенсацию. Но 20. Ce3 отражало все угрозы.

20. ...Фf7 21. Ce3.

Нельзя 21. C:b4 из-за 21...Kc1+!, и белые теряют ферзя.

21...C:f3+ 22. Kpd2 Фd7 23. Лhg1.

И после 23. a3 C:h1 24. Л:h1 a5 или 24. ...Фg4, черные остаются с материальным преимуществом.

23. ...Фh3 24. a3 C:e4 25. Л:f8+ C:f8 26. ab Фh2—f1 27. Крс3 Kc1! Белые сдались.

Перед нами был яркий пример современной динамичной контратаки. А следующий пример демонстрирует силу прямой атаки.

А. Юсупов — Л. Юдасин, международный турнир в Минске, 1982. Новоиндийская защита:

1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. g3 Cb4+ 4. Cd2 Ce7 5. Cg2 d5 6. Kf3 0—0 7. 0—0 b6 8. cd 9. Фc2 Cb7 10. Kc3 c5 11. Лад1 Ka6 12. Cf4 Фc8 13. Ce5 Лd8 14. Kg5 h6.

Белые удачно провели дебютную стадию борьбы и активно расположили свои фигуры. Последний ход черных позволяет им начать острую динамичную атаку на короля противника (осмотрительнее 14. ...a6).

15. Ch3! Фc6 16. C:f6 C:f6 17. Фh7+ Kpf8 18. Kf3 Kc7 19. Лfe1! Превращение в следующем наступлению в центре.

19. ...Ле8 20. e4! g6.

Вынужденная мера. Плохо 20. ...de 21. d5! Фd6 33. K:e4, и положение черных безнадежно.

21. Ф:h6+ Cg7 22. Фf4 de 23. Kg5 f5 24. C:f5!

Белые ведут атаку с большим настроением. Удар следует за ударом. Начинается решающая стадия атаки.

24. ...gf 25. Ф:f5+ Kpg8 26. Фf7+ Kph8 27. d5! Фf6 28. Фh5+ Kpg8 29. Kc:e4 Фe5 30. Фf7+ Kph8 31. Фg6 Kpg8 32. f4 Ф:b2 33. Ле2! Черные сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20.09.82. Подписано к печати 04.10.82. А 01159. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2545. Заказ № 3201. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

СОЛОННО.

Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ
Стихи Николая ДОБРОНРАВОВА

МАГНИТКА

Словно в песне, у Магнитной горы
Снова вспыхнули былые костры...
И пришли на свет костра
Молодые мастера
Из далекой довоенной поры.

ПРИПЕВ:

В сердце я навек сохраню
Искреннюю преданность вам —
Братья по судьбе,
Братья по огню,
Братья по горячим делам.

Годы жизни —
Годы бед и побед...
Над Магниткой нашей юности свет.
Свет далеких тех костров,
Свет негаснущих стихов, —
Дорогая память прожитых лет.

ПРИПЕВ.

Говорят, что надо жить с огоньком.
Мы дружили с настоящим огнем!
Вот и трогает до слез
Шепот сосен и берез,
Цвет травы,
Омытой первым дождем...

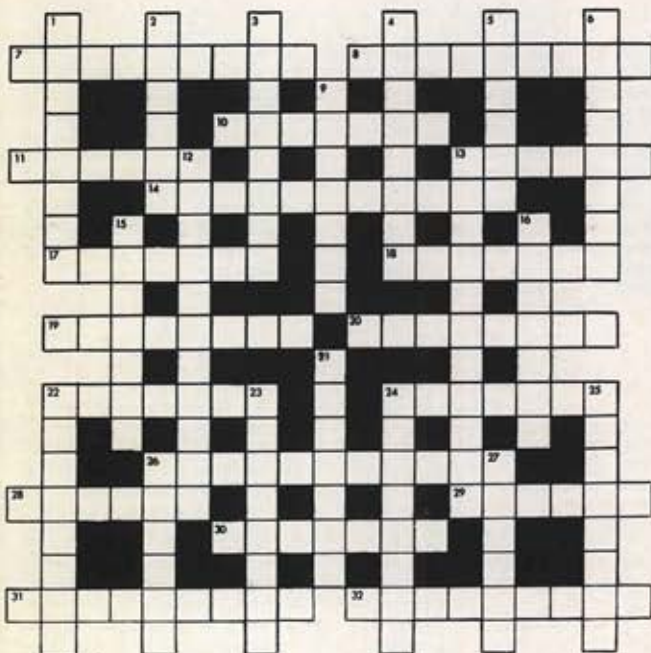
ПРИПЕВ.

Все пройдет —
Усталость, гарь и печаль.
Все пройдет —
Навек останется сталь.
Сталь сердец и городов,
Сталь негромких наших слов
И ракет, летящих в звездную даль...

ПРИПЕВ.

К Р О С С В О Р Д

Составил Я. Холмогоров,
Москва

По горизонтали:

7. Водитель сельскохозяйственной уборочной машины. 8. Добровольная работа, проявление коммунистического отношения к труду. 10. Юный партизан, Герой Советского Союза. 11. Странствующий узбекский поэт XVII—XVIII веков. 13. Город, место сооружения одной из первых районных электростанций по плану ГОЭЛРО. 14. Направление научно-технического прогресса, замена ручного труда. 17. Инициатор освоения женщинами-узбечками хлопкоуборочной техники, дважды Герой Социалистического Труда. 18. Ягодный кустарник. 19. Спортсмен-альпинист. 20. Молодогвардеец, Герой Советского Союза. 22. Вид изобразительного искусства. 24. Шутка, удачное забавное выражение. 26. Композитор, автор песни «Тополя». 28. Пресноводная лососевая рыба. 29. Автор поэмы «Зоя». 30. Герой гражданской войны, руководитель комсомольского подполья во Владивостоке. 31. Химик-органик, академик, Герой Социалистического Труда. 32. Игра в ответы на вопросы из разных областей знания

По вертикали:

1. Многолетняя трава, медонос. 2. Разновидность гонга. 3. Жанр камерной вокальной музыки. 4. Опера В. Беллини. 5. Охотничья собака. 6. Чемпионка мира по спортивной гимнастике. 9. Флотоводец, в честь которого именовались военно-морские учебные заведения в СССР. 12. Машина для нагнетания специальной смеси к месту ее укладки. 13. Наука об управлении, связи и переработке информации. 15. Изобретатель машины времени в драме В. В. Маяковского «Баня». 16. Химик, академик Петербургской Академии наук. 21. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 22. Специалист по художественному конструированию. 23. Отклонение напряженности магнитного поля на поверхности Земли. 24. Скульптор, автор памятников А. С. Пушкину и М. Ю. Лермонтову. 25. Организатор первой женской тракторной бригады, дважды Герой Социалистического Труда. 26. Пьеса А. Н. Островского. 27. Остров на Байкале.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 20

По горизонтали:

4. Краеведение. 8. Сервиз. 10. Витраж. 11. Таганай. 12. Короб. 13. Памир. 15. Универсиада. 18. Малица. 20. Клоква. 21. Александровская. 24. Цесарка. 25. Акаба. 26. Адаптер. 27. Новолазаревская. 31. Лондон. 32. Снеток. 33. Кандидатура. 36. Елена. 37. Глиэр. 38. Менакер. 40. Курсив. 41. Вымпел. 42. Таривердиев.

По вертикали:

1. Тацит. 2. Центавр. 3. Индий. 4. Карibu. 5. Европа. 6. Устрица. 7. «Джамия». 9. Заявка. 10. Ванино. 12. Кольцевание. 14. Рекуператор. 16. Некрасова. 17. Диспансер. 19. Аларкон. 20. Каракас. 22. Наказ. 23. Робер. 27. Норейка. 28. Авдеев. 29. Евтеев. 30. Янгильде. 33. «Кайрат». 34. Драйзер. 35. Агатов. 38. Мирра. 39. Рыжик.

«СКАЗКА», СОТВОРЕННАЯ РУКАМИ НИКОЛАЕВСКИХ СТРОИТЕЛЕЙ.

СКАЗКА НЕ КОНЧАЕТСЯ

ЭТО НИЧЕГО, ЧТО ВМЕСТО МОРЯ — ПЕСОК, ЗАТО КОРАБЛЬ САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ!

...Вначале мальчишке показалось, что он все это видит во сне. Даже глазенки протер.

Но «Сказка» — так и назвали в Николаеве этот детский городок — не исчезла. Словно страничка из знакомой книжки, медленно распахнула она свои ажурные ворота. А за ними — окруженные зубчатыми стенами крепости, замысловатые башенки. Узорной резьбой украшены купола терема. Вокруг качели, карусели, спортивные площадки, веселые аттракционы, автодром. У маяка бросил якорь фрегат с огромными мачтами.

Ступени ведут вниз, к трибунам открытого амфитеатра. Его сценическая площадка расписана на темы знакомых сказок. Малыши дружно аплодируют детскому хору, оркестру народных инструментов, юным танцорам. Над амфитеатром — детское кафе, за маленькими резными столиками которого девочки и мальчишки с аппетитом уплетают кажущееся здесь особенно вкусным мороженое.

«МАМА, МЫ СЕЙЧАС ПРИЕДЕМ».

Борис РЫБАКОВ.
Фото автора

Ребята спешат от одного аттракциона к другому, взбираются на башни, проникают в хоромы каменной крепости и деревянного дворца, сажают электромобили и карусельных рысаков...

А в стороне стоят, любящая увлеченностью детворы, авторы этой сказки — архитектор В. Попов, художники Ю. Стешин и М. Озерный, рабочие Черноморского судостроительного завода, РСУ №1 облремстройтреста — каменщики, плотники, маляры...

— До сих пор никому из нас не приходилось строить подобные крепости, — рассказывает бригадир Роман

«ДЛЯ НОВЕНЬКИХ ПОКАЗЫВАЮ ЕЩЕ РАЗ».

Закрепичный. — Дело оказалось кропотливым. Нужно было отобрать каждое бревно, тщательно очистить его, прокипятить в олифе.

Не легче было строить и каменную крепость. Шестнадцать лет работает на стройках Николай Колесник, но кладку такой сложной конфигурации делал впервые. Сто тысяч кирпичей надо было уложить так, чтобы получилась каменная песня.

Фрески, мозаичные панно, чеканка, настенная роспись — все то, что придает «Сказке» особую нарядность и красоту, выполнила большая группа мастеров художественно-производственных мастерских.

Эта «Сказка» еще недосказана, она будет «дописываться». Появятся в ней бассейн с фонтанами и гавань с водоемом, елочная площадь, на которой будут проводиться новогодние праздники. Планируется построить планетарий, установить космический «корабль»... А точное сказочное время малыши смогут узнать по солнечным часам.